

ISSN 1999-625X

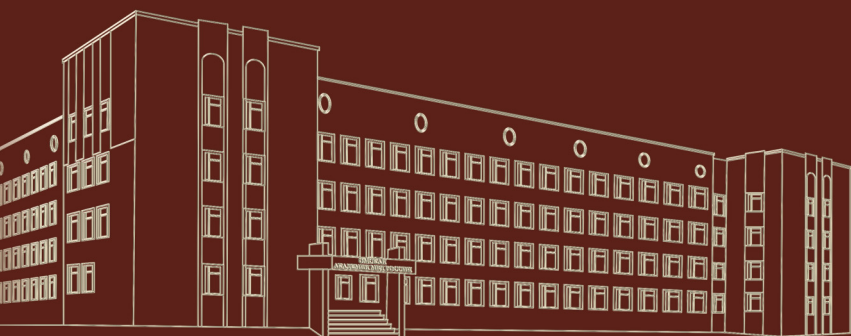
№ 3(102)
сентябрь
2026

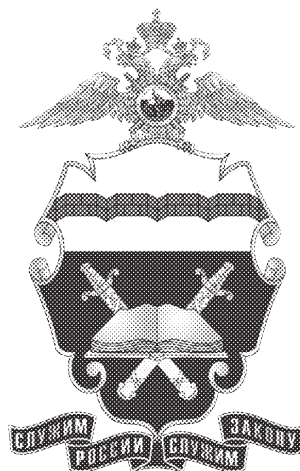

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- Новые законодательные подходы к установлению уголовной ответственности соучастников преступления в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации
- Парадигмы формирования современной доктрины и правоприменительной практики в реализации законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью
- Почетный правовой статус как отражение юридической памяти: правовые, этические и символические аспекты

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 32

№ 3(102) июль – сентябрь 2026 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 32**

No. 3(102) july – september 2026

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук (Омск, Россия)
В. В. Николюк, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. Н. Гордеев, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Дежнев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

- Е. А. Жукова** — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
А. В. Литвинов, кандидат технических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент
(Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
А. А. Хамдамов, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
В. В. Хилjuta, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор **А. В. Литвинов**

Редактирование **Е. А. Жукова**

Корректura **Л. И. Замулло**

Компьютерная правка и верстка **П. В. Ярославцева**

Перевод **Ю. И. Алферова**

Авторы эмблем **Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц**

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России.

Бесплатно.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 30.09.2026. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 14,4. Заказ № 269.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2026

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Science (Omsk, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Science (in Law), Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. N. Gordeev, Doctor of Science (in Law), Professor (Tashkent,
the Republic of Uzbekistan)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
A. S. Dezhnev, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Science (in Philosophy) , Professor
(Moscow, Russia)
M. S. Desyatov, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

- O. A. Diser**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Belgorod, Russia)
E. A. Zhukova — *executive secretary* (Omsk, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
A. V. Litvinov, Candidate of Technical Sciences, Associate-Pro-
fessor — *editor-in-chief* (Omsk, Russia)
V. F. Lugovik, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-
Professor (Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, Candidate of Science (in Law), Associate-Pro-
fessor (Sevastopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupyshcheva, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
A. A. Khamdamov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
V. V. Khilyuta, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Moscow, Russia)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education

«Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief A. V. Litvinov

Editing E. A. Zhukova

Proofreading L. I. Zamullo

Desktop publishing P. V. Yaroslavtseva

Translation Yu. I. Alferova

Authors of the Emblems E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Free of charge.

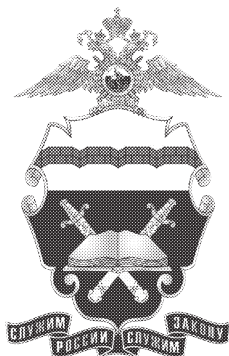
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 30.09.2026. Circulation 50 items. Published sheets 13,0. Printed sheets 14,4. Order No. 269.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2026

№ 3 (102) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2026

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Артамонова Е. А. Очная ставка и обеспечение права обвиняемого на оспаривание показаний свидетельствующих против него лиц	237 Artamonova E. A. Confrontation and Ensuring the Right of the Accused to Challenge the Testimony of Persons Giving Evidence against him
Аширбекова М. Т. Реабилитационное производство в структуре современного уголовного процесса	242 Ashirbekova M. T. Rehabilitation Proceedings in the Structure of Modern Criminal Proceedings
Бавсун М. В., Карпов К. Н. Новые законодательные подходы к установлению уголовной ответственности соучастников преступления в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	247 Bavsun M. V., Karpov K. N. New Legislative Approaches to the Establishment of Criminal Liability of Accomplices in Crime under the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation
Баранов В. В., Алескеров В. И. Киберпреступность в период СВО: динамика и криминалистические вызовы для расследования	254 Baranov V. V., Aleskerov V. I. Cybercrime during the Special Military Operation: Dynamics and Forensics Challenges for Investigation
Гаврилов Б. Я. Парадигмы формирования современной доктрины и правоприменительной практики в реализации законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью	261 Gavrilov B. Ya. Paradigms for the Formation of Modern Doctrine and Law Enforcement Practice in the Implementation of the Legislation of the Criminal Law System in Fighting Crime
Зайцев А. В. Противодействие преступности в условиях радикализации цифровой среды	270 Zaytsev A. V. Tackling Crime in Conditions of Radicalization of the Digital Environment
Кобец П. Н. Правовое регулирование противодействия международному морскому терроризму в Арктике: опыт и проблемы	275 Kobets P. N. Legal Regulation of Fighting International Maritime Terrorism in the Arctic: Experience and Problems
Фадеев П. В. Систематизация вещественных доказательств и способов их хранения при производстве по уголовному делу как необходимое условие эффективности уголовно-процессуального доказывания	280 Fadeev P. V. Systematization of Physical Evidence and Storage Means in Criminal Proceedings as a Necessary Condition of Effectiveness of Proving in Criminal Procedure
Право и государство	Law and State
Бектева В. С. Виды уголовно-процессуальной деятельности по делам, предварительное следствие по которым приостановлено	289 Bekteva V. S. Types of Criminal Procedural Activity in Cases with Preliminary Investigation Suspended
Безруков А. В., Кожевников О. А. Стратегические документы Президента Российской Федерации: правовая природа и необходимость корректировки подходов	295 Bezrukov A. V., Kozhevnikov O. A. Strategic Documents of the President of the Russian Federation: Legal Nature and the Need to Adjust Approaches
Верхогляднов Я. Е. Правовая идеология как основа противодействия экстремизму	301 Verkhoglyadov Ya. E. Legal Ideology as the basis for Tackling Extremism
Лугович С. М. Секундарные правоотношения в оперативно-розыскной деятельности	309 Lugovich S. M. Secondary Legal Relations in Operational Search Activity
Малик Д. В. Почетный правовой статус как отражение юридической памяти: правовые, этические и символические аспекты	315 Malik D. V. Honorary Legal Status as a Reflection of Legal Memory: Legal, Ethical and Symbolic Aspects
Нгуен Ш. Н. Модель государственно-конфессиональных отношений: дивергенция и конвергенция в современных политико-правовых позициях	321 Nguyen S. N. Model of State-Confessional Relations: Divergence and Convergence in Modern Political and Legal Positions
Шигабутдинова А. Л. Процессы организации и дезорганизации в структуре права	328 Shigabutdinova A. L. Processes of Organization and Disorganization in the Structure of Law
Юридические ретроспективы	Juridical Retrospect
Абдурахмонов Д. А. Генезис и институциональная трансформация судебного контроля в досудебном производстве: сравнительно-историческое исследование (на материалах Российской Федерации и Республики Таджикистан)	334 Abdurakhmonov D. A. Genesis and Institutional Transformation of Judicial Control in Pre-Trial Proceedings: a Comparative Historical Study (based on materials from the Russian Federation and the Republic of Tajikistan)
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Денисенко С. В., Морозов А. А. Влияние социальных процессов глобализации и регионализации на полицейское сообщество	340 Denisenko S. V., Morozov A. A. Influence of Social Processes of Globalization and Regionalization on the Police Community
Килимник Е. В. Эволюция идейных представлений и государственной политики этнонационализма в постсоветской Латвии	346 Kilimnik E. V. Evolution of Ideological Views and State Policy of Ethnonationalism in Post-Soviet Latvia
Информация для авторов	354 Information for Authors

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-237-241

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Очная ставка и обеспечение права обвиняемого на оспаривание показаний свидетельствующих против него лиц

Елена Александровна Артамонова

доктор юридических наук, доцент, профессор департамента уголовного права,
процесса и криминалистики факультета права¹,

✉ ea.artamonova@yandex.ru

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Очная ставка рассматривается, по сути, как единственное следственное действие, которое в настоящее время позволяет обвиняемому оспорить изобличающие его показания и представить свои возражения на них в ходе предварительного расследования. Предложен алгоритм реализации в досудебном производстве права обвиняемого оспаривать показания свидетельствующих против него лиц. Анализируется высказанное в процессуальной литературе предложение о включении в систему следственных действий нового вида допроса — допроса свидетеля (потерпевшего) с участием обвиняемого в качестве возможной альтернативы очной ставке. Представлена историческая справка существования в российском уголовном процессе в дореволюционный период и в период действия первого советского Уголовно-процессуального кодекса права обвиняемого участвовать в допросе лиц, дающих показания против него.

Ключевые слова: очная ставка, оспаривание показаний, обвиняемый, права обвиняемого, допрос обвиняемого

Для цитирования: Артамонова Е. А. Очная ставка и обеспечение права обвиняемого на оспаривание показаний свидетельствующих против него лиц // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 237–241.

Confrontation and Ensuring the Right of the Accused to Challenge the Testimony of Persons Giving Evidence against him

Elena A. Artamonova

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the Department of Criminal Law,
Procedure and Criminalistics of Law Faculty¹,

✉ ea.artamonova@yandex.ru

¹ National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

The confrontation is considered, in fact, as the only investigative action that currently allows the accused to challenge the incriminating testimony and submit his objections against it during the preliminary investigation. An algorithm has been proposed for the implementation in pre-trial proceedings of the right of the accused to challenge the testimony of persons giving evidence against him. Under analysis is the proposal made in the procedural literature to include in the system of investigative actions a new type of interrogation — interrogation of a witness (victim) with the participation of the accused as a possible alternative to a confrontation. The paper contains a historical record of the right of the accused to participate in the interrogation of persons testifying against him secured in the Russian criminal procedure in the pre-revolutionary period and during the period of the first Soviet Criminal Procedural Code.

Keywords: confrontation, challenging testimony, accused, rights of the accused, interrogation of the accused

Citation: Artamonova E. A. Confrontation and Ensuring the Right of the Accused to Challenge the Testimony of Persons Giving Evidence against him. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 237–241 (In Russ.).

Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ¹ в отечественный уголовно-процессуальный закон была введена норма (ч. 2¹ ст. 281), согласно которой оглашение без согласия сторон ранее данных показаний не явившихся в судебное заседание свидетельствующих против подсудимого лиц (потерпевших или свидетелей) возможно по решению суда при условии, что в предыдущих стадиях производства по делу обвиняемый имел возможность их оспорить. Несмотря на то что это предписание действует уже более 10 лет, на практике не становится меньше проблем при его применении, о чем свидетельствуют свежие решения высших российских судов².

В настоящее время в ходе предварительного расследования обвиняемый имеет реальную возможность задавать вопросы свидетельствующему против него лицу в рамках фактически одного следственного действия — очной ставки³, производство которой зависит от усмотрения следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), основывающегося на необходимости устранения имеющихся в показаниях ранее допрошенных лиц существенных противоречий. Желание обвиняемого о производстве очной ставки, доведенное до следователя (дознателя) в установленной законом форме (волеизъявление обвиняемого), сегодня не является обязывающим для правоприменителя. При разрешении заявленного об этом ходатайства нужно обращать внимание на два основных момента. Первый связан с наличием показаний обвиняемого и его оппонента в материалах уголовного дела (именно показаний, а не протокола допроса, подтверждающего факт производства этого следственного действия), в содержании которых имеются *существенные* противоречия (ч. 1 ст. 192 УПК РФ). Если обвиняемый отказался давать показания по существу предъявленного ему обвинения, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ, то оснований для проведения очной ставки нет. Противоречий между

имеющимися показаниями с одной стороны и тем, чего нет, с другой быть не может [1, с. 24–27; 2, с. 73; 3, с. 12]. Противником изложенной позиции является А. В. Гриненко, допускающий производство очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний, но исключающий полученный протокол из числа обвинительных доказательств, если «лицо в ходе очной ставки также сохраняло молчание или односложно не соглашалось с показаниями другого участника» [4, с. 28]. Думается, что такой протокол вообще не будет иметь доказательственного значения, поскольку изначально следственное действие было проведено с нарушением ч. 1 ст. 192 УПК РФ — не было предусмотренных законом оснований для его производства. Не будет достигнут главный ожидаемый результат (цель) — устранение имеющихся в показаниях существенных противоречий, а значит, нет необходимости в производстве этого следственного действия. В ситуации, когда обвиняемый, воспользовавшийся правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ, на первом допросе, на очной ставке передумал и дал показания, то их также нельзя признать допустимым доказательством. Дополнительным аргументом этому является запрет, предусмотренный ч. 4 ст. 173 УПК РФ. Очная ставка является разновидностью допроса, поэтому в рамках очной ставки, по сути, будет повторный допрос. Самостоятельность следователя в принятии решения в описанном случае ограничивается волеизъявлением обвиняемого. И даже когда обвиняемый сам ходатайствует о производстве очной ставки, ее проведение без его предварительного допроса не снимает проблему отсутствия оснований ее производства: сначала обвиняемого нужно допросить, а потом проводить очную ставку при наличии существенных противоречий между его показаниями и показаниями его оппонента. Если выяснится, что существенные противоречия в показаниях отсутствуют, то нет оснований проводить очную ставку. Отступление от этого правила, в сущности, приво-

¹ О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Елошвили Татьяны Владимировны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3395-О (далее — определение Конституционного Суда РФ № 3395-О) ; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2026 г. № 6-УД25-6СП-А1 (далее — определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 6-УД25-6СП-А1).

³ Именно очная ставка названа Пленумом Верховного Суда РФ в качестве следственного действия, в ходе которого обвиняемый может задавать вопросы своему оппоненту (потерпевшему или свидетелю), с чьими показаниями он не согласен, и высказать по ним свои возражения (абзац 2 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»).

дит к проведению дополнительного допроса двух ранее допрошенных лиц в присутствии друг друга, что не предусмотрено действующим уголовно-процессуальным законом⁴.

Вторым важным аспектом выступает разрешение весьма чувствительного для правоприменения вопроса: обязан ли следователь во всяком случае имеющихся противоречий в показаниях обвиняемого и свидетеля (потерпевшего) принимать решение о производстве очной ставки. Следователь *уполномочен* самостоятельно принимать решение о производстве следственных действий (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь *вправе* провести очную ставку (ч. 1 ст. 192 УПК РФ). Исходя из приведенных законодательных положений, такой обязанности на следователя не возлагается, так как выявленные противоречия могут быть устранены и посредством производства других следственных действий. Ситуация меняется, если в ходе предварительного следствия от обвиняемого или его защитника поступило ходатайство о производстве очной ставки, мотивированное необходимостью оспорить (поставить под сомнение) показания свидетельствующего против него лица. Такой вывод следует из разъяснений, данных в определении Конституционного Суда РФ № 3395-О, согласно которым «реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами»⁵. В правоприменении непроведение очной ставки между обвиняемым и свидетельствующим против него лицом при отсутствии ходатайства обвиняемого и/или его защитника о ее проведении на этом основании (оспорить показания) после того, как им стало известно содержание показаний, не признается нарушением права на защиту. Узнав о содержании показаний свидетельствующего против него лица, обвиняемый имеет возможность реализовать право на их оспаривание посредством заявления ходатайства о производстве очной ставки. Если в ходе предварительного расследования очная ставка не проводилась (следователь

не счел необходимым ее производство), считается, что сторона защиты не была лишена *возможности* оспорить показания свидетельствующих против обвиняемого лиц, так как «о проведении очной ставки не ходатайствовала»⁶.

В свете изложенного остается актуальным предложение, сформулированное ранее автором настоящей статьи и Е. А. Бушиной о реформировании механизма реализации в досудебном производстве права обвиняемого на оспаривание данных против него показаний:

1) на этапе окончания ознакомления с материалами уголовного дела следователю надлежит, выполняя требования ч. 1 ст. 11 УПК РФ, разъяснить обвиняемому право на оспаривание данных против него показаний свидетелей обвинения и потерпевших, выяснить, есть ли у обвиняемого вопросы к конкретным потерпевшим и (или) свидетелям обвинения и желает ли он их задать на очной ставке, фиксируя все разъяснения и ответы обвиняемого в протоколе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела;

2) при получении от обвиняемого ходатайства о проведении очной ставки с конкретным свидетелем (потерпевшим), при условии, что ранее ее не проводилось с заявленным лицом, необходимо возобновить расследование и, если обвиняемый давал показания, произвести требуемую очную ставку, а если обвиняемый отказывался от дачи показаний, вначале его допросить, получив развернутые показания, а затем провести очную ставку (при условии, что имеются существенные противоречия в показаниях) [5, с. 26–27].

Такая процедура объясняется тем, что именно после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый узнает об имеющихся против него показаниях, знакомится с их содержанием и получает возможность сопоставить их со своей позицией по делу, сформулировать возникшие у него к оппоненту вопросы. При таких обстоятельствах требование обвиняемого о проведении очной ставки должно стать обязательным для следователя. В связи с этим согласимся с мнением, высказанным в литературе, о необходимости расширения оснований «производства этого следственного действия и установить, что требование подозреваемого и обвиняемого о его проведении является обязательным для лица, осуществляющего производство по уголовному делу» [6, с. 63].

⁴ Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 11 декабря 2025 г. по делу № 22-4402/2025.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Осиповой Фариде Гильмулловны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Гражданского кодекса Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2025 г. № 3395-О.

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 6-УД25-6СП-А1 ; Апелляционное постановление Судогодского районного суда от 28 октября 2025 г. по делу № 10-3/2025.

Изложенный порядок позволит избежать проблем, возникающих в дальнейшем в судебном разбирательстве при неявке свидетельствующих против обвиняемого лиц в суд для дачи показаний. Для его введения ч. 4 ст. 217 УПК РФ нужно дополнить фразой: «а также разъясняется право на оспаривание данных против него показаний свидетелей обвинения и потерпевших и выясняется, есть ли у него вопросы к потерпевшим и (или) свидетелям обвинения и желает ли он высказать свои возражения» [5, с. 24].

В процессуальной литературе предлагается альтернатива. На протяжении почти десятилетия С. П. Желтобрюхов обосновывает необходимость введения нового следственного действия, по сути, нового вида (разновидности) допроса — допрос свидетеля (потерпевшего) с участием обвиняемого [7, с. 31–33; 8, с. 26–29; 9, с. 37–40; 10, с. 50–51; 11, с. 19–22], основными отличительными особенностями которого являются:

- цель — предоставление обвиняемому возможности оспорить показания изобличающих его лиц;

- основание — наличие в деле показаний лица, изобличающего обвиняемого (участвовать в таком допросе сможет и обвиняемый, воспользовавшийся правом, предоставляемым ст. 51 Конституции РФ);

- порядок — правоприменитель и участвующий в допросе обвиняемый задают вопросы лицу, чьи показания изобличают последнего (обратного процесса не предполагается) [12, с. 13]. Внедрение в систему следственных действий такого вида допроса, на первый взгляд, действительно позволит обвиняемому в полной мере реализовывать право оспаривать изобличающие его показания (т. е. задавать оппоненту вопросы и высказать свои возражения) уже в ходе предварительного расследования, независимо от того, давал ли сам обвиняемый показания или воспользовался правом отказаться от дачи показаний, имеются ли существенные противоречия между показаниями обвиняемого и показаниями его оппонента или нет. Но при внесении таких дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон обострится проблема обеспечения равных процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты по отстаиванию своих прав и законных интересов в нарушение требований принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ). Сторо-

на защиты получит несвойственные ей процессуальные возможности, следовательно будет необоснованно ограничен в своих полномочиях, появятся отступления от единой процессуальной формы допроса как следственного действия. Именно поэтому подобная законодательная инициатива была отвергнута Государственной Думой РФ⁷.

Вместе с тем идея об участии обвиняемого в допросе свидетельствующих против него лиц для отечественного уголовного процесса не нова. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) позволял обвиняемому присутствовать при производстве всех следственных действий, в том числе при допросе свидетелей, и опровергать их показания (ст. 449 УУС). И только в случае необходимости («если окажется нужным») первоначальный допрос свидетеля проводился в отсутствие обвиняемого (ст. 446 УУС). Если допрос свидетеля проходил в отсутствие обвиняемого, то показания свидетеля зачитывались обвиняемому, у которого сохранялось право на их опровержение, а также он был вправе просить следователя задать свидетелю возникшие у него вопросы (ст. 448 УУС) [13, с. 585; 14, с. 781]. Похожее положение содержал и первый советский Уголовно-процессуальный кодекс. Предписания ст. 117 УПК РСФСР 1922 г. наделяли обвиняемого правом присутствовать при допросах свидетелей и задавать им вопросы. Следователь был вправе отказать в реализации этого права, если приходил к выводу, что присутствие и участие обвиняемого при производстве допроса свидетеля могло препятствовать установлению истины или сохранению в тайне сведений, преждевременное оглашение которых могло помешать расследованию. В последующих отечественных уголовно-процессуальных законах подобной нормы нет.

Сложившаяся в действующем правовом регулировании ситуация с реализацией права обвиняемого на оспаривание изобличающих его показаний требует дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального закона, в том числе с позиций создания сторонам защиты и обвинения равных процессуальных возможностей по исследованию доказательств в суде, совместимости прав обвиняемого отказаться от дачи показаний и на оспаривание изобличающих его показаний, признания обязательным производства очной ставки при наличии соответствующего ходатайства обвиняемого.

⁷ О внесении изменений в статьи 217 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части конкретизации оснований и пределов оглашения в судебном заседании показаний, данных при производстве предварительного расследования, с одновременным предоставлением обвиняемому права допрашивать свидетельствующих против него лиц) : законопроект № 856221-8 от 5 марта 2025 г. ; Заключение на проект федерального закона № 856221-8 «О внесении изменений в статьи 217 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (первое чтение).

Список источников

1. Артамонова Е. А. О правомерности производства очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний // Российский судья. 2017. № 9.
2. Аксенова Л. Ю. Тактические особенности производства очной ставки с участием несовершеннолетних // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 2(26).
3. Кирянина И. А. Очная ставка в контексте решений ЕСПЧ: прямая имплементация или творческая переработка европейских уголовно-процессуальных правил ведения допросов // Законность и правопорядок. 2018. № 3(19).
4. Гриненко А. В. Оформление показаний в ходе предварительного расследования по уголовным делам // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 2(46).
5. Артамонова Е. А., Бушина Е. А. Право обвиняемого на оспаривание показаний — очередная непродуманная новелла законодателя // Правовая политика России на Северном Кавказе : сб. мат-лов 4-й ежегодной науч.-практ. конф. преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука — региону» (г. Ставрополь, 4–22 апреля 2016 г.) / под ред. М. С. Трофимова. Ставрополь, 2016.
6. Корнуков В. М., Корнукова Е. В., Устинов Д. С. Об обеспечении права на справедливое судебное разбирательство и опровержение обвинения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2(53).
7. Желтобрюхов С. П. О необходимости введения нового следственного действия // Российская юстиция. 2016. № 5.
8. Желтобрюхов С. П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку // Российская юстиция. 2017. № 9.
9. Желтобрюхов С. П. Как выйти из процессуального кризиса «неполной», «половинчатой» очной ставки? // Российская юстиция. 2019. № 1.
10. Желтобрюхов С. П. О необходимости конституционного закрепления права обвиняемого на допрос свидетельствующего против него лица // Российская юстиция. 2020. № 7.
11. Желтобрюхов С. П. Проверка показаний на месте с участием разоблачаемого лица // Российский судья. 2023. № 1.
12. Желтобрюхов С. П. Право обвиняемого на допрос изобличающего его лица в рамках УПК РФ // Юридическое образование в Республике Беларусь: история становления и перспективы развития. Минск, 2020.
13. Устав Уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. М., 1914. Вып. III.
14. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-242-246

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Реабилитационное производство в структуре современного уголовного процесса

Мадина Таукеновна Аширбекова

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹,

✉ k_ugpro@ssla.ru

¹ Саратовская государственная юридическая академия (Саратов, Россия)

В статье анализируются нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, связанные с реабилитацией лиц, незаконно и необоснованно подвергавшихся уголовному преследованию и осуждению. Отмечается, что нормы, устанавливающие порядок разрешения требования реабилитированного о восстановлении его прежнего правового состояния и возмещения исключительно имущественного вреда, не согласуются с заявленным в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ назначением уголовного судопроизводства. Обосновывается, что на базе норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ вместе с иными нормами, касающимися реабилитации и возмещения вреда, вполне возможно ставить вопрос о выделении в структуре уголовного процесса отдельного вида процессуального производства — реабилитационного.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, реабилитация, возмещение вреда, моральный вред, процессуальное производство

Для цитирования: Аширбекова М. Т. Реабилитационное производство в структуре современного уголовного процесса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 242–246.

Rehabilitation Proceedings in the Structure of Modern Criminal Proceedings

Madina T. Ashirbekova

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ k_ugpro@ssla.ru

¹ Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

The article analyzes the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation related to the rehabilitation of persons illegally and unreasonably subjected to criminal prosecution and conviction. It is noted that the norms establishing the procedure for resolving the requirement of the rehabilitated person to restore his previous legal state and compensate exclusively property damage are not consistent with the appointment of criminal proceedings stated in Art. 6 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. It is justified that on the basis of the norms of Chapter 18 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, together with other norms related to rehabilitation and compensation for harm, it is quite possible to raise the issue of allocating a separate type of court proceedings in the structure of the criminal proceedings — rehabilitation.

Keywords: appointing criminal proceedings, rehabilitation, compensation for harm, moral harm, procedural activity

Citation: Ashirbekova M. T. Rehabilitation Proceedings in the Structure of Modern Criminal Proceedings. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 242–246 (In Russ.).

Как известно, реабилитация лиц, незаконно и необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, входит в число задаваемых назначением уголовного судопроизводства ориентиров в процессуальной деятельности публичных субъектов уголовного процесса (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ)). Очевидно, что законодатель, регламентируя те или иные общественные отношения, связанные с реабилитацией, рассматривает ее как последствие уже выполнен-

ной уголовно-процессуальной миссии публичных субъектов уголовного процесса: во-первых, по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения; во-вторых, по отказу от продолжения уголовного преследования невиновных (п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Иначе говоря, в первом случае речь идет о судебной защите, выраженной в оправдательном приговоре суда первой и второй инстанций или постановлении (определении) суда вышестоящей инстанции о прекраще-

нии уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующему основанию, а во втором — о прекращении субъектами должностного обвинения уголовного дела (уголовного преследования) также по реабилитирующим основаниям.

Столь высокое обозначение места реабилитации в миссии уголовного судопроизводства, думается, обязывает к тому, чтобы в структуре уголовного судопроизводства были точнее определены процессуальные способы и средства для «отработки» этого направления уголовно-процессуальной деятельности. Безусловно, некоторая исходная нормативная платформа для этого есть, а именно, в нормах главы 18 УПК РФ, которые связаны с другими положениями, рассредоточенными по иным главам УПК РФ. Однако можно утверждать, что фокусных для реабилитации правоположений, помимо норм главы 18 УПК РФ, не так много. К ним, если исходить из упоминания в их содержании понятий «реабилитация» или «реабилитированный», относятся положения пп. 34 и 35 ст. 5, ч. 2 ст. 212, ст. ст. 397, 399 УПК РФ. Но имеется группа норм, где эти понятия вовсе не упоминаются. К ним, например, относится ч. 4 ст. 11 УПК РФ, предписывающая публичным субъектам уголовного процесса обязанность разъяснять участнику из числа частных лиц право на возмещение вреда, если последний причинен «в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование». Ясно, что это касается не только лиц, уголовное преследование или осуждение которых было признано незаконным и необоснованным, но и других лиц. Но даже в том случае, когда заинтересованным лицом выступает оправданный, нормы УПК РФ не всегда используют термин «реабилитированный». Так, применительно к резолютивной части оправдательного приговора в законе индифферентно указывается на то, чтобы суд произвел «разъяснение порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием» (п. 5 ч. 1 ст. 306 УПК РФ). Понятно, что речь идет о реабилитированном. Но почему так неконкретно и без указания на то, что за лицом признается право на реабилитацию или, что лучше, оно в оправдательном приговоре признано реабилитированным?

Последнее было бы логично, поскольку именно реабилитированный указан в п. 1 ст. 397 и п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ как субъект, наделенный правом обращаться в суд с соответствующим ходатайством о восстановлении его прежнего правового состояния и возмещении ему имущественного вреда, причиненного незаконным и необоснованным уголовным преследованием, что подтверждено вынесенным в отношении него оправдательным приговором.

Впрочем, о несогласованности норм, посвященных реабилитации, пока можно только сокрушаться. Во всяком случае, они подробно не конкретизируют порядок достижения реабилитации, которая указана как цель и смысл назначения уголовного судопроизводства наряду с достижением защиты потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Ясно, что нормы главы 18 УПК РФ определяют основания реабилитации, указывают лиц, на которых распространяется решение вопроса о наделении правом на реабилитацию, форму компенсации морального вреда путем принесения извинений прокурором, а также устанавливают те или иные гарантии законного интереса лица, наделенного правом на реабилитацию.

По положениям главы 18 УПК РФ, ключевым вопросом выступает возмещение имущественного вреда, причиненного незаконным и необоснованным уголовным преследованием. На сам же порядок такого возмещения указывается в ч. 5 ст. 135 УПК РФ путем бланкетной ссылки на всю ст. 399 УПК РФ, хотя не все предписания последней связаны с реабилитацией. Только положения п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ во взаимосвязи с нормами п. 1 ст. 397 УПК РФ устанавливают, что такое возмещение возможно при обращении реабилитированного в суд в процедуре, предназначенной для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Поэтому если подходить строго, то по указанным нормам имущественный вред должен возмещаться лишь тому лицу, которое оправдано приговором. Во всяком случае, в ней прямо не идет речь о соответствующем праве лица, в отношении которого по реабилитирующим основаниям прекращено уголовное дело (уголовное преследование) либо в досудебном производстве, либо в результате пересмотра обвинительного приговора или иного судебного решения судом вышестоящей инстанции. Понятно, что заинтересованным лицам такой порядок разъясняется, о чем, например, указывается в ч. 2 ст. 212 УПК РФ. Более того, в этом же порядке в суд может обратиться любое иное лицо, которое не является реабилитированным, но к нему в ходе производства по уголовному делу незаконно и необоснованно были применены меры процессуального принуждения. Все эти моменты неконкретности в нормативной регламентации порядка возмещения имущественного ущерба обнаруживают юридико-технические погрешности, которые на этом далеко не исчерпываются. Но дело даже не в этом.

Речь о том, что законодатель отнес решение вопроса о восстановлении прежнего правового состояния реабилитированного и возмещении ему имущественного вреда (и только!) суду, который изначально, судя по названию ст. ст. 397, 399 УПК РФ, уполно-

мочен разрешать вопросы, связанные с исполнением приговора. Словом, процессуальное решение, венчающее реабилитационные процедуры, причем только в части восстановления прежнего правового состояния реабилитированного и возмещения ему имущественного вреда, по УПК РФ выражается в правоприменительном решении суда, постановляемом в порядке исполнения приговора.

Но относятся ли вопросы возмещения вреда в описанных выше случаях к числу тех, которые надлежит разрешать суду именно в связи с процессуальной деятельностью, касающейся исполнения приговора?

На этот счет справедливо суждение В. В. Николюка, отмечающего, что вопросы возмещения вреда реабилитированному не имеют отношения к предмету процессуальной деятельности в стадии исполнения приговора [1, с. 43]. По этой логике и иные случаи возмещения вреда лицам, которые не являются реабилитированными (ч. 3 ст. 133 УПК РФ), тем более не могут быть отнесены к предмету производства, связанного с исполнением приговора. Мало того, что предмет реабилитации в части возмещения вреда не сопряжен с нормами уголовного права, которые в части наказания и иных мер уголовно-правового характера должны реализовываться в стадии исполнения приговора, так еще и сама процедура возмещения ущерба и восстановления прежнего правового состояния реабилитированного должна предприниматься по его же почину, как будто ему, а не публичным субъектам уголовного процесса положения ст. 6 УПК РФ обращают требование добиваться реабилитации каждого, кто незаконно и необоснованно подвергся уголовному преследованию и осуждению.

С. В. Бурмагин также считает, что ни по предмету, ни по своей природе реабилитационные процедуры не могут пониматься как те, что должны быть свойственны стадии исполнения приговора и иных судебных решений. Ученый полагает, что реабилитационные процедуры, генерируемые всей совокупностью «разбросанных» по кодексу норм, представляют собой судебно-реабилитационное производство как вид судебного производства [2, с. 162–170].

С таким подходом, на наш взгляд, следует согласиться. Тем не менее необходимо определиться с вопросом: отвечают ли реабилитационные процедуры (пока так их назовем) разработанным в теории представлениям о понятии «процессуальное производство», с тем чтобы рассматривать их как вид такого производства в структуре уголовного процесса?

Попытаемся подойти к этому вопросу, опираясь на положения теории юридического процесса. Так, по мнению В. М. Горшенева, под процессуальным

производством нужно понимать правоприменительное производство, имеющее, во-первых, собственный предмет, связанный с материальными правоотношениями; во-вторых, включающий в себя фактоустановительную деятельность, т. е. доказывание обстоятельств юридического дела; в-третьих, характеризующийся закреплением полученных результатов в официальных документах [3, с. 90].

Обратим также внимание на рассуждения В. В. Николюка и Л. А. Пупышевой, которые приведены ими, правда, для обоснования выделения в структуре уголовного судопроизводства особого вида процессуального производства — уголовно-исполнительного. В качестве критериев выделения названного вида производства ученые указывают его автономность от производства по уголовному делу, наличие специфических целей и задач, собственный предмет судебного рассмотрения (предмет доказывания), самостоятельную нормативную регламентацию и судебную процедуру [4, с. 103].

Перечисленные критерии вполне относимы и к реабилитационной процедуре. Даже если исходить из имеющегося нормативного регулирования, она имеет цель (восстановление прежнего правового состояния лица и возмещение ему имущественного ущерба), обусловленный этой целью свой предмет (разрешение бесспорного юридического дела, вытекающего из специального деликта), свои особенные средства установления обстоятельств юридического дела (за исключением обстоятельств, характеризующих причинно-следственную связь между действиями публичных субъектов и причинением морального вреда лицу), а также условия, по природе происходящие из гражданского права (исковая давность) и гражданского процесса (диспозитивный порядок заявления соответствующего ходатайства) и, наконец, вынесение судом решения по заявленному ходатайству в режиме, во многом сходном с приказным производством в гражданском процессе. Это то, что есть сущее, бытующее на самом деле.

А что должно быть, если исходить из назначения уголовного судопроизводства, которое ставит реабилитацию одной из целей процессуальной деятельности?

Думается, что цель должна состоять не только в восстановлении прежнего правового состояния лица и возмещении ему только имущественного ущерба. Прежде всего она должна заключаться в официальном опровержении ранее вмененного обвинения лицу с одновременным признанием его реабилитированным, а не констатацией, что оно наделяется правом на реабилитацию. А это значит, что реабилитационный процесс должен начинаться именно с вынесения правоприменительных процессуальных решений, опровергающих ранее вмененное

обвинение. Да, это совпадает с разрешением основного дела по существу. Но вынесение оправдательного приговора или иного решения, которым прекращается уголовное дело (уголовное преследование) по реабилитирующим основаниям, и есть собственно базовый этап реабилитации.

Предметом же реабилитации как уголовно-процессуального производства должны быть не только бесспорные обстоятельства, связанные с восстановлением прежнего правового состояния лица и возмещения ему имущественного ущерба, но и возможная спорная часть такого возмещения (если реабилитированный не согласен с его объемом), а также вопросы компенсации морального вреда, причиненного лицу незаконным и необоснованным уголовным преследованием, а также осуждением.

В аспекте условий, сопровождающих реабилитационные процедуры, думается, что необходимо избавиться от требования соблюдения реабилитированным срока исковой давности (ч. 2 ст. 135 УПК РФ). Установление срока исковой давности не согласуется с назначением уголовного судопроизводства, да и вообще с идеей «покаяния» государства, столь существенно искажившего суть правосудия самим фактом допущения незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Конечно, изложенное — лишь контуры базовых элементов реабилитационного производства. Но стоит обратить внимание на процессуальный режим, который как категория юридического процесса характеризуется проявлением в нем принципов того или иного юрисдикционного правоприменительного процесса, а также гарантий этих принципов, которые, конечно, должны согласовываться и с гарантиями прав и законных интересов личности — субъекта процесса из числа частных лиц [5, с. 49].

С диспозитивным порядком обращения реабилитированного в суд для запуска реализации процесса полагающегося возмещения вреда можно согласиться. Но в самом остром моменте — рассмотрения притязаний реабилитированного на компенсацию морального вреда в порядке гражданского судопроизводства — о степени обеспечения гарантий его законных интересов стоит поговорить. Дело в том, что для такого случая прямого, определенного требования, обращенного к суду и обязывающего последний

оказывать содействие реабилитированному в собирании доказательств, подтверждающих обоснованность его притязаний по компенсации морального вреда, УПК РФ прямо не содержит, поскольку такой спор рассматривается в порядке гражданского судопроизводства, впрочем как и иные требования, связанные с возмещением вреда, если лицо не согласно с решением суда, постановленного в порядке п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ. Понятно, что состязательные начала гражданского процесса не позволяют суду оказывать реабилитированному активного содействия в собирании доказательств.

По этой причине оправданно было бы рассматривать все заявления и исковые требования реабилитированных только в порядке уголовного судопроизводства, имея в виду, что в силу деликтной ответственности государства и его органов в рассмотрении таких дел должны быть особенности, выражаемые в содействии со стороны суда реабилитированному как слабой стороне в собирании доказательств. Именно специфика проявления состязательности с усиленным «креном» в сторону благоприятствования реабилитированному должна характеризовать реабилитационное производство. Оно для своего возникновения имеет основания, порожденные в ходе производства по уголовному делу, и потому вполне может завершиться в пределах же уголовного судопроизводства, но обособленно от процедур, связанных с исполнением приговора. В самом деле, есть же нормативный опыт регулирования порядка рассмотрения гражданского иска в интересах потерпевшего, включая и заявленные им требования о возмещении морального вреда, причиненного преступлением. Потому оптимальным видится выделение в УПК РФ новой главы 18¹, в которой во взаимосвязи с нормами главы 18 УК РФ предусматривались бы положения, посвященные гражданскому иску для всех случаев возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда реабилитированным, а также иным лицам, включая обвиняемых (подозреваемых, осужденных), которым в ходе производства по делу причинены имущественный ущерб и моральный вред. Разумеется, в этой главе могли бы быть системно предусмотрены нормы, касающиеся гражданского иска для возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением.

Список источников

1. *Николюк В. В.* Исполнение приговора как особая уголовно-процессуальная правовая конструкция // Преступление, наказание, исправление : сб. тезисов выступлений и докладов V междунар. пенитенциарного форума, приуроченного к проведению в 2021 г. в Российской Федерации Года науки и технологий (г. Рязань, 17–19 ноября 2021 г.). В 9 т. Рязань, 2021. Т. 1.

2. Бурмагин С. В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференциации судебных производств : дис. ... д-ра юрид. наук. В 2 т. Волгоград, 2022. Т. 2.
3. Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985.
4. Николук В. В., Пупышева Л. А. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое производство? // Российское правосудие. 2012. № 1.
5. Рыбин А. В. Процессуальный режим: понятие и структура // Вопросы экономики и права. 2011. № 9.

УДК 343.2

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-247-253

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Новые законодательные подходы к установлению уголовной ответственности соучастников преступления в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

Максим Викторович Бавсун

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника по научной работе¹,

✉ kafedramvd@mail.ru

Кирилл Николаевич Карпов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права²,

✉ kkn83@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

² Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Происходящие изменения правовой регламентации института соучастия в рамках норм как Общей, так и Особенной частей уголовного закона свидетельствуют о попытках законодателя точно повысить потенциал общепреventивного и частно-преventивного воздействия по отдельным группам преступлений. Такого рода несистемные изменения вносят дисбаланс в содержание уже устоявшегося института и приводят к формированию правоприменительной практики, не в полной мере отвечающей принципам справедливости и равенства. В рамках статьи предлагается обзор наиболее противоречивых ситуаций, возникающих в ходе правоприменения и в отношении которых на сегодняшний день не имеется какого-либо корректного системного решения, отвечающего как потребностям в предупреждении преступлений, так и основным началам равенства и дифференциации ответственности соучастников.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, специальный субъект, эксцесс исполнителя, организованная преступная группа, соисполнительство, пособник, дифференциация ответственности соучастников

Для цитирования: Бавсун М. В., Карпов К. Н. Новые законодательные подходы к установлению уголовной ответственности соучастников преступления в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 247–253.

New Legislative Approaches to the Establishment of Criminal Liability of Accomplices in Crime under the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation

Maksim V. Bavsun

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Deputy-Chief on Research Work¹,

✉ kafedramvd@mail.ru

Kirill N. Karpov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal¹,

✉ kkn83@mail.ru

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

² Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The ongoing changes in the legal regulation of the institution of complicity within the norms of both the general and special parts of the criminal law indicate the legislator's attempts to specifically increase the potential for general and particular preventive influence on certain groups of crimes. Such non-systemic changes introduce an imbalance in the content of an already established institution and lead to the formation of law enforcement practice that does not fully comply with the principles of justice and equality. The article provides an overview of the most controversial situations that arise during law enforcement and for which there is currently no correct systemic solution that meets both the needs for crime prevention and the basic principles of equality and differentiation of accomplices' responsibility.

Keywords: complicity in crime, special subject, perpetrator's excess, organized criminal group, co-perpetration, accomplice, differentiation of accomplices' responsibility

Citation: Bavsun M. V., Karpov K. N. New Legislative Approaches to the Establishment of Criminal Liability of Accomplices in Crime under the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 247–253 (In Russ.).

Институт соучастия в преступлении имеет своим предназначением установление необходимых оснований и пределов уголовной ответственности лиц, принимающих какое-либо участие в совершении преступления, а также таких критериев дифференциации ответственности каждого из соучастников. Данные критерии должны позволять правоприменителю определять вид, размер, срок и иные параметры назначаемого наказания и иных мер уголовно-правового характера, исходя из характеристик его вклада в преступную деятельность, и иных параметров общественной опасности деяния и самого лица, совершившего преступление. Для решения указанных задач в уголовном законодательстве предусматриваются специальные правила, описанные в главе 7 Общей части Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Однако в последнее время законодатель все активнее пытается устанавливать особые правила ответственности соучастников в отдельных видах преступлений в статьях Особенной части УК РФ.

Современные тенденции развития уголовного законодательства в части установления особенностей уголовной ответственности соучастников за отдельные виды преступлений позволяют говорить о наличии активного противоборства двух концепций соучастия: акцессорной теории соучастия и теории самостоятельной ответственности соучастников [1, с. 3–12; 2, с. 102–112; 3, с. 29–32; 4, с. 27–30]. Так, в действующем УК РФ увеличивается количество норм, предусматривающих самостоятельную уголовную ответственность за «организаторские», «подстрекательские» или «пособнические» действия, которые благодаря такому законодательному приему искусственно становятся самостоятельными составами преступлений.

В общем виде такие случаи называют специальным соучастием [5, с. 301], определяемым как «умышленное участие в совершении определенного преступления двух и более лиц, несущих ответственность по разным нормам Особенной части УК РФ, без ссылки на ст. 33 УК РФ в предусмотренных случаях» [6, с. 59–62]. Соответственно, такого рода специальное соучастие может быть условно разделено на: 1) специальное подстрекательство; 2) специальное пособничество; 3) специальное организаторство.

Примерами таких новых специальных составов выступают: посредничество в коммерческом подкупе либо во взяточничестве (ст. ст. 204¹, 291¹ УК РФ), содействие террористической либо диверсионной

деятельности (ст. ст. 205¹, 281¹), организация деятельности экстремистской организации, экстремистского либо диверсионного сообщества (ст. ст. 281³, 282¹, 282²), финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ) и другие составы.

Подвергая критике подобные законодательные конструкции, К. В. Ображиев отмечает, что таким способом «в предписаниях Особенной части УК РФ дублируются общие положения института соучастия в преступлении (чч. 3 и 4 ст. 205¹, чч. 3 и 4 ст. 281¹ УК РФ). Так, пособничество в совершении террористических преступлений и диверсии в содержательном плане (см. п. 1¹ примечания к ст. 205¹, п. 2 примечания к ст. 281¹ УК РФ) ничем не отличается от установленного в чч. 3 и 5 ст. 33 УК РФ общего «функционала» пособника. Сказанное в полной мере относится и к организации соответствующих преступлений, а потому предписания чч. 3 и 4 ст. 205¹, чч. 3 и 4 ст. 281¹ УК РФ следует признать избыточными. Автор подытоживает, что «их конструирование можно расценивать как свидетельство регресса в законодательном оформлении института соучастия в преступлении» [7, с. 14–17].

Несмотря на то что в указанных составах преступлений используется конструкция, лингвистически аналогичная описанию соучастия, а субъекты данных преступлений фактически выполняют роли организатора, подстрекателя либо пособника, юридически они все же признаются именно исполнителями преступления со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. В связи с этим возникает проблема квалификации действий лиц, выступающих в роли соучастника в совершении указанных преступлений, таким образом, при котором были бы соблюдены критерии дифференциации их ответственности.

Так, склонение лица к осуществлению финансирования экстремисткой деятельности, по сути, выступает разновидностью пособничества в осуществлении экстремистской деятельности, однако в связи с наличием специального состава преступления действия такого лица необходимо квалифицировать как подстрекательство к совершению «пособнического» преступления (ст. 282³ УК РФ).

В другом случае законодатель отдельно дает толкование такой формы содействия террористической деятельности, как финансирование терроризма, фактически уточняет уже имеющееся в ч. 5 ст. 33 УК РФ определение пособничества с сохранением объективных и субъективных признаков соучастия.

Так, согласно примечанию к ст. 205¹ УК РФ под финансированием терроризма предлагается понимать «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. ст. 205–205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений».

На то, что данные конструкции ведут к возникновению конкуренции норм, предусмотренных ст. ст. 205¹, 205⁴ и 279 УК РФ, обращает внимание Я. Н. Ермолович. Он отмечает, что «в этих статьях указываются одни и те же действия, относимые к разным составам преступлений... теряется возможность разграничить деятельность организатора и участников вооруженного мятежа, а также невозможно квалифицировать деяния пособников и подстрекателей по ст. 279 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ, поскольку их действия образуют составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 205¹, 205² УК РФ» [8, с. 29–32].

Аналогичная ситуация возникает и в связи с установлением нового состава преступления — сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275¹ УК РФ). Пытаясь обеспечить интересы безопасности государства, законодатель, по сути, создал (продублировал) конструкцию приготовления к государственной измене или пособничества в шпионаже, определив цель такого «сотрудничества» с иностранным государством — «оказание им содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации». При этом санкция за совершение указанных действий значительно меньше, чем в основной норме ст. 275 УК РФ.

Попытки законодателя создать новые конструкции, позволяющие бороться с наиболее опасными явлениями, игнорируя положения уже существующего института соучастия, приводят к возникновению нелогичных и нефункциональных норм. Например, введение в 2016 г в ст. 212 УК РФ новой части 1¹ предполагает установление ответственности за «склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение действий, предусмотренных частью первой настоящей статьи». Законодатель, по всей видимости, имел в виду действия, которые сопровождают (образуют) массовые беспорядки (т. е. погромы, поджоги

и т. д.), однако ч. 1 ст. 212 УК РФ предусматривает ответственность за *организацию* массовых беспорядков или *участие* в них. В то же время и ч. 2 ст. 212 УК РФ устанавливает ответственность за *подготовку* лица для организации таких массовых беспорядков. В таком случае получается, что по ч. 1¹ ст. 212 УК РФ ответственность может наступать за вербовку или вовлечение в организацию массовых беспорядков либо подготовку к такой организации. При этом санкция ч. 1¹ предусматривает наказание до 10 лет лишения свободы, в то время как ч. 1 ст. 212 УК РФ содержит максимальное наказание до 15 лет лишения свободы. Соответственно, если бы действия лиц, склоняющих, вовлекающих в совершение массовых беспорядков, квалифицировались на общих основаниях — как подстрекателей к массовым беспорядкам, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ, то возможное наказание для них достигало бы 15 лет лишения свободы, а не 10 лет, как в ч. 1¹ ст. 212 УК РФ. В настоящее время можно говорить о существовании привилегированного состава для подстрекателей к организации массовых беспорядков. Подобные решения снижают предупредительный потенциал уголовного закона и его эффективность.

Данная проблема находит свое проявление и в судебной практике. Так, З. был осужден по ст. 205¹ УК РФ за то, что установил связь и договорился с представителями международных террористических организаций за денежное вознаграждение снабжать их приобретенными на территории Российской Федерации оптическими приборами и комплектующими к ним с целью использования их в качестве дополнительного навесного оборудования с ручным огнестрельным оружием. Для исполнения договоренности З. приобрел указанное оборудование на общую сумму 163 млн руб., которое перевез, в том числе с соблюдением мер конспирации и с привлечением иных лиц, в Турецкую Республику, где за денежное вознаграждение передал представителям международных террористических организаций. Описанные в приговоре действия полностью подходят под классическое определение физическое пособие как лица, предоставляющего орудия, средства совершения преступления [9, с. 98–101]. При этом необходимо учитывать, что данные действия лицо осуществляло на возмездной основе, т. е. приобретение оборудования происходило за счет самого «заказчика», а не осужденного. Однако его действия были квалифицированы по специальной норме (ст. 205¹ УК РФ), без учета того, что данными действиями была оказана помощь в совершении террористических актов либо функционировании террористической организации (т. е. пособничество в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 205 или 205⁴, 205⁵ УК РФ).

В другом случае ст. 281¹ УК РФ (Содействие диверсионной деятельности) в рамках отдельных частей (составов) также предусматривает ответственность различных соучастников. При этом способ дифференциации ответственности соучастников, выраженный в санкции соответствующей части ст. 281¹ УК РФ, представляется как минимум спорным. Так, часть 1 ст. 281¹ УК РФ предусматривает ответственность за *вовлечение, вербовку либо склонение* к диверсионной деятельности с санкцией в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет либо пожизненного лишения свободы. В свою очередь, ч. 2 этой статьи предусматривает ответственность за *пособничество* в совершении той же группы преступлений (ст. 281 УК РФ). Однако наказание в виде пожизненного лишения свободы отсутствует в санкции ч. 2 ст. 281¹ УК РФ. В то же время имеющееся наказание в виде лишения свободы составляет от 10 до 20 лет, что больше, чем в ч. 1. Соответственно, такие перепяды в видах и размерах наказаний не позволяют однозначно определить, какие действия являются более общественно опасными.

Непоследовательным выступает и определение места такой деятельности, как финансирование в структуре описанных соучастников. Диспозиция ч. 1 ст. 281¹ УК РФ называет финансирование в числе таких действий, как вовлечение и склонение, в то время как организация предусмотрена в ч. 4 данной нормы. Вместе с тем в ч. 1 ст. 208 УК РФ ответственность за финансирование вооруженного формирования предусматривается наряду с созданием либо руководством таким формированием. Упомянутое примечание к ст. 205¹ УК РФ относит финансирование к разновидности пособничества (что, на наш взгляд, является наиболее правильным).

Кроме того, нужно учитывать, что данный способ установления уголовно-правовых запретов фактически приводит к игнорированию показателей общественной опасности непосредственно совершенного преступления исполнителем. Так, если бы действия организатора, подстрекателя и пособника квалифицировались на общих основаниях через указание на их роль (чч. 3, 4, 5 ст. 33 УК РФ), то и наказание за данное деяние находилось бы в пределах санкции соответствующей части ст. 281 УК РФ. Например, в санкции ч. 1 ст. 281 УК РФ не указано наказания в виде пожизненного лишения свободы, в то время как санкции чч. 1, 2, 4 ст. 281¹ УК РФ данный вид наказания содержат. Следовательно, подстрекатель к совершению диверсии будет нести более строгую ответственность, нежели сам исполнитель данного преступления.

При использовании общего подхода также необходимо было бы учитывать стадию совершенного исполнителем преступления, в то время как престу-

пление, предусмотренное ст. 281¹ УК РФ, нужно считать оконченным с момента выполнения действий, описанных в данной норме, т. е. с момента вовлечения, склонения, пособничества и т. д., независимо от того, было ли преступление, предусмотренное ст. 281 УК РФ, доведено до конца исполнителем. Сходные проблемы с определением степени общественной опасности тех либо иных видов действий соучастников, а также размеров санкций и пределов ответственности существуют и в отношении других преступлений, сконструированных по данному типу. Таким образом, при конструировании данных преступных деяний остается непонятным законодательный критерий дифференциации ответственности в зависимости от вида соучастия. Например, в ч. 4 ст. 281¹ УК РФ действия организатора предполагают наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет лишения свободы либо пожизненного лишения свободы, что в целом выглядит логично и подчеркивает повышенную ответственность организатора по сравнению с иными участниками.

Помимо приведенных примеров, следует обратить внимание и на конструкцию принципиально новых составов преступления: ст. 274⁴ УК РФ «Организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации»; ст. 274⁵ «Организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети „Интернет“ для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса».

Данные нормы в рамках одного из альтернативно-обязательных признаков состава содержат указание на совершение действий по передаче абонентских номеров иным лицам «в целях совершения иного преступления». Такой подход также создает конструкцию «псевдосоучастия». Диспозиция предполагает, что виновный фактически понимает, что оказывает помощь иным лицам в совершении преступления, однако привлечение его к уголовной ответственности как пособника в тех преступлениях, которые совершаются с использованием предоставленных абонентских номеров, по всей видимости, выступает более сложной конструкцией с точки зрения доказывания и установления умысла. Соответственно, привлечение в качестве исполнителя данных преступлений является более простым и приемлемым вариантом, нежели вменение такому пособнику фактически совершенных исполнителем преступлений через ст. 33 УК РФ.

Поощряя подобный подход правоприменителя, В. Н. Борков называет его «перспективной прикосновенностью», т. е. «избирательным установлением уголовной ответственности за создание условий пре-

ступной деятельности других лиц при отсутствии классических признаков соучастия», что «может способствовать восполнению пробелов в уголовном праве» [10, с. 9–14]. Однако следует указать на то обстоятельство, что «классические» признаки соучастия — обязательная гарантия соблюдения законности и справедливости в уголовном праве. Используемая же в ст. ст. 274⁴, 274⁵ УК РФ и других нормах конструкция криминализации определенных действий в случае осуществления их «в целях совершения иного преступления» может ассоциироваться с применением объективного вменения, т. е. попыткой обойти установленный в соответствии с принципом вины (ст. 5 УК РФ) запрет на привлечение к уголовной ответственности без выявления и констатации субъективного отношения лица к совершаемому им преступлению.

В то же время приведенный прием приводит к смягчению ответственности виновного как соучастника более тяжкого преступления. В частности, санкция указанной нормы предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок только до 3 лет, а санкция того преступления, которое совершает исполнитель, может быть намного больше, что зависит от многих обстоятельств (размера похищенного, объекта преступного посягательства и т. д.). Например, определенные предметы могут быть использованы как для совершения кражи чужого имущества (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривает наказание до 6 лет лишения свободы), мошенничества в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ — до 10 лет лишения свободы), так и террористического акта либо шпионажа (ст. ст. 205, 275 УК РФ — до 20 лет лишения свободы либо пожизненное лишение свободы). В случае совершения данных преступлений упрощенный вариант ответственности, на наш взгляд, представляется неприемлемым, так как смягчает ответственность такого пособника.

Учитывая относительно недавнее введение указанных норм в УК РФ, практика их применения еще не сформировалась, однако до соответствующей криминализации действия лиц, осуществлявших оформление сим-карт для передачи иным лицам и совершения ими преступлений, оценивалось как пособничество в преступлении, содержание которого осознается виновным.

Так, судебная коллегия по делам военнослужащих Вооруженных Сил России, изменяя решение суда первой инстанции, пришла к выводу о необходимости квалификации содеянного Х. по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ как пособничество А. в участии

в незаконном вооруженном формировании. Изначально Х. был осужден по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ. Его преступная деятельность состояла в том, что он действовал А. в участии в незаконном вооруженном формировании советами, предоставлением информации, средств совершения преступления и устранением препятствий, что выразилось в предоставлении ему (помимо прочего) возможности доступа к созданным им при помощи сим-карт учетным записям в интернет-мессенджерах, социальных сетях и электронных сервисах*.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что в практической плоскости нормы ст. ст. 274⁴, 274⁵ УК РФ являются частями иных составов преступлений, выступающих, по сути, элементами комплексного посягательства (например, пособничество в государственной измене, организация деятельности террористической организации и т. д.). Вместе с тем использованный законодателем подход требует квалификации их действий как непосредственных исполнителей преступления (менее тяжкого преступления), без учета их фактической роли в совершении более тяжких преступлений.

В целом обозначенную позицию нельзя назвать последовательной, непротиворечивой и позволяющей сформировать универсальный подход к определению оснований ответственности соучастников и критериям общественной опасности той или иной формы деятельности в рамках соучастия.

В защиту указанного способа установления уголовно-правовых запретов отмечается: «целесообразно выделение в Особенной части УК РФ норм, запрещающих вовлечение в совершение преступлений террористической направленности и финансирование терроризма ввиду недостаточности положений Общей части УК РФ для обеспечения ранней превенции таких преступлений» [11, с. 82–93]. Таким образом, баланс между соблюдением требований принципов справедливости (равенства) и непротиворечивостью норм уголовного закона и необходимостью усиления превентивной функции уголовного закона (т. е. целесообразностью) в настоящее время выражается в признании приемлемости одновременно обоих вариантов правовой регламентации ответственности соучастников, что все же порождает ряд неразрешимых противоречий.

Подчеркнем, что проблема использования в уголовном законодательстве специальных уголовно-правовых норм об ответственности «фактических соучастников» находит отражение также в институте добровольного отказа. Она проявля-

* Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 3 сентября 2019 г. № 201-АП/19-36. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ется в искажении требований, предъявляемых к поведению, которое образует признаки добровольного отказа организатора, подстрекателя и пособника, учитывая, что ст. 31 УК РФ устанавливает определенную дифференциацию таких действий и предъявляет повышенные требования к поведению организатора и подстрекателя по сравнению с пособником.

В связи с тем, что действия фактического подстрекателя, пособника, организатора были криминализованы как непосредственное исполнение преступления, данные лица не обязаны выполнять действий, описанных в ст. 31 УК РФ, достаточно лишь прекратить их выполнение.

Законодатель попытался устранить возникающее противоречие введением примечаний к соответствующим статьям Особенной части (например, примечание к ст. ст. 205¹, 208 УК РФ и др.). Однако следует учитывать, что эти примечания устанавливают нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности (т. е. специальные виды деятельного раскаяния), в то время как добровольный отказ от преступления является одним из случаев отсутствия в действиях лица всех признаков состава преступления, т. е. отсутствия основания для привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, порождается новая проблема, связанная с ухудшением положения лица, принимающего участие в совершении преступления в роли подстрекателя, пособника, организатора, так как он лишается возможности реализовать добровольный отказ на общих основаниях и избежать привлечения к уголовной ответственности.

Возможно, такие повышенные требования к поведению виновных лиц и считаются обоснованными в силу характера совершенных преступлений (например, диверсия и др.), однако этот аргумент не вполне приемлем к менее общественно опасным деяниям (посредничеству во взяточничестве и др.). Вместе с тем использование одних и тех же признаков применительно к характеристике добровольного отказа (реализующегося до момента завершения преступной деятельности), а также к деятельному раскаянию (как позитивному постпреступному поведению), на наш взгляд, является некорректным и усложняющим правоприменительную практику.

Перечисленные проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности лиц, выполняющих специфические роли соучастников в отдельных группах преступлений, позволяют констатировать наличие неразрешимых противоречий в вопросах определения оснований уголовной ответственности соучастников и критериев дифференциации ответственности.

Представляется, что сложившийся круг проблем может быть разрешен путем устранения дублирующих составов преступления, предусматривающих ответственность за пособнические либо подстрекательские действия с одновременной корректировкой подхода к установлению субъективных признаков соучастия. В частности, для вменения составов пособничества или подстрекательства в рассмотренных группах преступных посягательств (против безопасности государства, а также и других групп преступлений) должно быть достаточно только лишь осознания субъектом того факта, что он своими действиями способствует совершению преступлений другим лицом, без дальнейшей детализации особенностей преступного поведения непосредственного исполнителя.

Список источников

1. Пудовочкин Ю. Е. Особенности объективной стороны преступления, совершенного в соучастии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2.
2. Пудовочкин Ю. Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8.
3. Ображиев К. В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. 2016. № 8.
4. Пушкин А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников // Законность. 2001. № 3.
5. Горенко М. Г. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-правовое и прикладное исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.
6. Панкратова У. Специальное подстрекательство к совершению преступлений против правосудия // Законность. 2025. № 1.
7. Ображиев К. В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1.

8. *Ермолович Я. Н.* Совершенствование норм об уголовной ответственности за государственную измену, шпионаж и сопряженные с ними преступления // *Право в Вооруженных Силах*. 2025. № 4.
9. *Корзун И. Г.* Пособник и подстрекатель как вид соучастников преступления, предусмотренный законодательством // *Государственная служба и кадры*. 2020. № 4.
10. *Борков В. Н.* Перспективная прикосновенность к преступлению // *Вестник Сибирского юридического института*. 2025. № 4(61).
11. *Чуклина Э. Ю.* Судебная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205¹ и ст. 205² УК РФ (по материалам Южного окружного военного суда) // *Право и политика*. 2019. № 12.

УДК 351.74:004.056.5:323.28

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-254-260

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Киберпреступность в период СВО: динамика и криминалистические вызовы для расследования

Владимир Владимирович Баранов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий¹,

✉ de_la_sergio@mail.ru

Вагиф Исмаилович Алескеров

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-технических мероприятий
Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений
имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева²,

✉ valeskerov@mvd.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

² Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Домодедово, Россия)

Рассматривается трансформация киберпреступности в Российской Федерации в период проведения специальной военной операции и ее влияние на практику расследования органами внутренних дел. Рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, сопровождается качественной перестройкой структуры: резко возрастает сегмент преступлений в сфере компьютерной информации и неправомерного доступа, усиливается использование криптоактивов, анонимизирующей инфраструктуры и технологий искусственного интеллекта. Показано, что данные тенденции формируют требования к организации расследования: ускорение процедур сохранения цифровых следов, развитие межведомственного взаимодействия и государственно-частного партнерства, специализация следователей и экспертов, а также внедрение инструментов, обеспечивающих проверяемость и целостность электронных доказательств.

Ключевые слова: киберпреступность, МВД России, специальная военная операция, дистанционные мошенничества, цифровые следы, электронные доказательства, расследование, цифровая криминалистика

Для цитирования: Баранов В. В., Алескеров В. И. Киберпреступность в период СВО: динамика и криминалистические вызовы для расследования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 254–260.

Cybercrime during the Special Military Operation: Dynamics and Forensics Challenges for Investigation

Vladimir V. Baranov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Information Technologies¹,

✉ de_la_sergio@mail.ru

Vagif I. Aleskerov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Operative Technical Measures
of International Interdepartmental Centre of Operative Units' Training named after Lieutenant-General
of Militia Sergeev A. N.²,

✉ valeskerov@mvd.ru

¹ Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

² All-Russian Institute of Advanced Training of Officers of the Russian Ministry of Internal Affairs (Domodedovo, Russia)

Under consideration is the transformation of cybercrime in the Russian Federation during the special military operation and its influence on the practice of investigation by the Internal Affairs' bodies. The growth of crimes committed using information and telecommunication technologies is accompanied by a quality rebuilding of the structure: the segment of crimes in the field of computer information and illegal access is sharply increasing, the use of cryptoassets, anonymizing infrastructure and artificial intelligence technologies intensified. It is shown that these trends form the requirements for organizing an investigation: accelerating the procedures for preserving digital traces, developing interdepartmental

interaction and public-private partnerships, specializing investigators and experts, as well as introducing tools to ensure the verifiability and integrity of electronic evidence.

Keywords: cybercrime, Russian Ministry of Internal Affairs, special military operation, cases of distance fraud, digital traces, electronic evidence, investigation, digital forensics

Citation: Baranov V. V., Aleskerov V. I. Cybercrime during the Special Military Operation: Dynamics and Forensics Challenges for Investigation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 254–260 (In Russ.).

В последние десятилетия киберпреступность в Российской Федерации претерпела качественную эволюцию от периферийного явления к системной угрозе, затрагивающей экономическую сферу, права граждан и информационную безопасность государства. В научной литературе подчеркивается, что цифровая среда трансформирует традиционные криминальные практики и создает новые способы посягательств [1–3]. Особо значимыми являются финансовые киберпосягательства, рассматриваемые как фактор угрозы экономической безопасности [4, с. 280–296].

Период проведения специальной военной операции (далее — СВО) выступил дополнительным катализатором указанных процессов. Киберпространство стало не только средой массовых дистанционных мошенничеств, но и элементом гибридного противоборства, где растет число технически сложных атак на информационные ресурсы организаций и государства. По официальной информации МВД России, по итогам 2025 г. доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТКТ), достигла 40 % от общего количества зарегистрированных преступлений¹.

При анализе динамики необходимо учитывать особенности статистического учета: показатели формируются на основе перечней статей Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), используемых при статистической отчетности (перечень № 25)², а также высокую латентность цифровых посягательств (часть эпизодов не фиксируется из-за позднего обращения потерпевших, отсутствия технической возможности установить событие или недоверия к перспективам раскрытия).

Для раскрытия поставленной научной проблемы в статье последовательно рассматриваются динамика киберпреступности, особенности способа совершения и следовой картины, а также орга-

низационно-методические условия эффективного расследования органами внутренних дел (далее — ОВД).

Задачи исследования включают: 1) анализ динамики и структуры преступлений, совершенных с использованием ИТКТ; 2) выявление специфики способа совершения и следовой картины; 3) обобщение показательных расследований и формулирование организационно-методических выводов для следственной практики.

Эмпирическую основу составили сведения ведомственной статистики МВД России о состоянии преступности за период 2021–2025 гг.³ и нормативные документы, регулирующие формирование статистической отчетности⁴.

Дополнительно использовались открытые сведения о результатах расследования отдельных киберпреступлений (вымогательские атаки, компрометация технологических систем, массовые мошенничества) как иллюстративный материал для выявления криминалистических закономерностей.

Теоретическая база исследования включает научные публикации о трансформации преступности в цифровой среде и рисках финансовых киберпосягательств [1–4]. Применялись статистический, формально-юридический и системный методы, а также элементы кейс-анализа (casestudy) для выделения типовых следственных ситуаций.

1. Динамика и структура киберпреступности в 2021–2025 гг.

Официальные статистические данные свидетельствуют о росте количества преступлений, совершенных с использованием ИТКТ, в 2021–2024 гг.: с 517,7 тыс. в 2021 г. до 765,4 тыс. в 2024 г. (+47,8 %). После чего в 2025 г. зафиксировано снижение до 675,4 тыс. (–11,8 % к 2024 г.; +30,5 % к 2021 г.). Наиболее значимый прирост пришелся на 2023 г. по сравнению с 2022 г. (+29,7 %). Детализация по отдельным составам приведена в таблице 1.

¹ МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2025 год. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/> (дата обращения: 26.01.2026).

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России и МВД России от 28 июля 2025 г. № 503/11, № 1 (далее — Указание Генпрокуратуры России и МВД России). Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/> (дата обращения: 26.01.2026).

⁴ Указание Генпрокуратуры России и МВД России.

Таблица 1. Динамика зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием ИТКТ и в сфере компьютерной информации по отдельным статьям УК РФ

Статья, глава УК РФ / категория	2021	2022	2023	2024	2025
Всего преступлений	517722	522065	676951	765365	675372
Статья 138 УК РФ (Нарушение тайны переписки, переговоров и сообщений)	437	353	326	151	105
Статья 158 УК РФ (Кража)	156792	113565	119212	105937	80956
Статья 159 УК РФ (Мошенничество)	238560	249984	353201	379762	345461
Статья 183 УК РФ (Разглашение коммерческой/налоговой/банковской тайны)	443	259	298	198	375
Статья 187 УК РФ (Неправомерный оборот средств платежей)	1755	2647	4188	4822	4633
Статья 205 ² УК РФ (Публичные призывы к терроризму, пропаганда)	315	490	548	898	1367
Статья 228 ¹ УК РФ (Незаконный оборот наркотиков)	51444	62209	81520	94645	117505
Статья 234 УК РФ (Незаконный оборот сильнодействующих/ядовитых веществ)	544	445	727	1360	2342
Статья 242 ² УК РФ (Использование несовершеннолетних для порнографии)	247	145	114	171	240
Статья 272 УК РФ (Неправомерный доступ к компьютерной информации)	6392	9308	36788	105311	58782
Статья 274 ¹ УК РФ (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации)	159	519	114	151	551
Глава 28 УК РФ (Преступления в сфере компьютерной информации)	6869	10027	37101	105773	61137
Использование (применение) расчетных карт	165658	127149	132849	115469	25145
Преступления с использованием сети Интернет	351463	381112	526794	649064	574911
Преступления с использованием мобильной связи	217552	212963	302865	346035	233798

Примечание. Таблица составлена по данным официальной статистики МВД России и перечней статистического учета.

Сегмент дистанционных мошенничеств существенно вырос по сравнению с 2021 г. (с 238,6 тыс. до 345,5 тыс. в 2025 г.), достигнув максимума в 2024 г. (379,8 тыс.). Традиционные кражи сокращаются: со 156,8 тыс. в 2021 г. до 81,0 тыс. в 2025 г. Наиболее резкий рост преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ) и неправомерного доступа (ст. 272 УК РФ) пришелся на 2024 г. (105,8 тыс. и 105,3 тыс. эпизодов соответственно), после чего в 2025 г. показатели снизились до 61,1 тыс. и 58,8 тыс. Эти изменения отражают смещение от «чистых» схем социальной инженерии к технически сложным способам воздействия на информационные ресурсы.

По способу совершения доминирует использование сети Интернет и мобильной связи. Так, в 2025 г. 574,9 тыс. преступлений совершены с использованием сети Интернет, а 233,8 тыс. — мобильной связи (пиковое значение зафиксировано в 2024 г. — 346,0 тыс.). Это делает взаимодействие с операторами связи, банками, провайдерами и владельцами платформ обязательным элементом расследования, поскольку именно у этих субъектов сосредоточены значимые цифровые следы (логи, идентификаторы, платежные реквизиты, временные метки).

Состояние киберпреступности в 2021–2025 гг. представлено на рисунке.

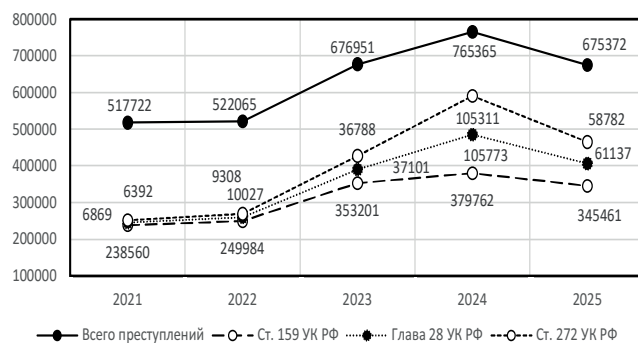

Рис. Динамика киберпреступлений по отдельным статьям УК РФ (2021–2025 гг.)

2. Криминалистический профиль киберпреступлений периода СВО

Криминалистически значимые особенности киберпреступлений периода СВО целесообразно рассматривать через призму криминалистической характеристики (объект, способ, следовая картина, личность преступника, обстановка, потерпевший). Такой подход позволяет сопоставить статистические тенденции с типовыми следственными ситуациями и определить обстоятельства, подлежащие установлению и проверке в ходе расследования.

Во-первых, усложняется способ совершения преступлений: социальная инженерия все чаще

комбинируется с техническим воздействием (фишинг, вредоносное программное обеспечение, удаленный доступ, эксплуатация уязвимостей), а также с использованием криптоактивов и средств анонимизации.

Во-вторых, следовая картина приобретает распределенный характер: журналы событий, сетевые артефакты и транзакционные цепочки локализованы у разных субъектов инфраструктуры (операторов связи, банков, провайдеров, владельцев облаков и платформ) и могут иметь трансграничный компонент.

В-третьих, в период СВО усиливается роль идеологически мотивированных акторов и атак на инфраструктурные объекты, что повышает долю технически сложных эпизодов и расширяет круг привлекаемых специалистов.

Важной особенностью становится использование технологий искусственного интеллекта, в том

числе для генерации контента (тексты, изображения, голос), повышающего убедительность мошеннических сценариев.

Это формирует новые диагностические и идентификационные задачи исследования цифровых материалов и повышает значение специализированных судебных экспертиз.

В таблице 2 приведены процессуальные действия следователя (дознателя), осуществляемые в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ). Организационные меры рассматриваются как обеспечивающие процессуальное закрепление доказательственной информации.

3. Практика расследования: показательные кейсы и извлеченные уроки

Систематизация отдельных резонансных расследований позволяет выявить типовые организационные и криминалистические решения (таблица 3⁵).

Таблица 2. Элементы криминалистической характеристики киберпреступлений периода СВО и их значение для расследования

Элемент характеристики	Типовые проявления в период СВО	Основные источники цифровых следов	Процессуальные и организационные действия следователя (дознателя)
Объект посягательства	Денежные средства и платежные инструменты; учетные записи; информационные ресурсы организаций; элементы критической информационной инфраструктуры	Банковские логи, данные платежных систем, журналы аутентификации, журналы доступа к информационным системам	Истребование документов и сведений у банков, операторов связи и администраторов информационных ресурсов (ст. ст. 86, 144 УПК РФ); осмотр электронных документов и устройств; при наличии оснований — ходатайство о наложении ареста на денежные средства и иное имущество (ст. 115 УПК РФ)
Способ совершения	Комбинация социальной инженерии и технического воздействия; фишинг; удаленный доступ; вредоносное программное обеспечение; использование криптоактивов и анонимизации	Лог почтовых сервисов, мессенджеров и социальных сетей; сетевые дампы; артефакты вредоносного программного обеспечения; транзакционные следы	Осмотр и выемка электронных носителей и документов; назначение судебной компьютерно-технической экспертизы; направление поручений органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий
Следовая картина	Распределенные нематериальные следы, быстрое удаление/перезапись данных; часть следов находится за пределами Российской Федерации	Операторы связи, облачные провайдеры, хостинги, регистраторы доменов, банки, владельцы платформ	Незамедлительное процессуальное закрепление электронных документов и сведений; направление запросов владельцам логов; отражение временных меток, хэш-значений и цепочки получения данных в протоколах следственных действий
Личность субъекта	Криминальные группы, дропперы, хактивисты, технические специалисты; возможна трансграничная структура	Данные абонентов, сведения о счетах, устройства и учетные записи, связи в мессенджерах, сведения из открытых источников	Допросы потерпевших и свидетелей; истребование абонентских и банковских сведений; анализ связей и серийности эпизодов; поручения оперативным подразделениям по установлению соучастников и распределению ролей
Обстановка и следственная ситуация	Дистанционность, межрегиональность, высокая скорость транзакций, многоэпизодность	Материалы финансового мониторинга, данные процессинга, обращения потерпевших, журналы событий	Планирование первоочередных следственных действий; соединение уголовных дел при наличии оснований; организация межведомственного взаимодействия; назначение судебных экспертиз и консультации специалистов

⁵ В таблице используется сокращение АСУ ТП — автоматизированные системы управления технологическими процессами.

Таблица 3. Комплексный анализ отдельных расследований киберпреступлений (2022–2025 гг.)

Период	Тип преступления	Масштаб и характер угрозы	Результаты расследования	Инновационные методы и особенности	Извлеченные уроки
Январь 2024 г.	Деятельность группировки SugarLocker	Межрегиональный масштаб, целевые атаки на корпоративный сектор, создание инфраструктуры киберпреступности	Задержаны три ключевых участника, изъято оборудование на сумму более двух млн руб., предъявлены обвинения по ст. 273 УК РФ	Длительная оперативная разработка с привлечением специалистов по кибербезопасности из частного сектора	Необходимость государственно-частного партнерства в расследованиях
Июль 2024 г.	Атаки через системы управления лифтами (группировка LiftingZmiy)	Угроза национального уровня; атака на АСУ ТП; риск физической безопасности	Выявлен новый вектор атак, разработаны рекомендации по защите промышленных систем	Первое выявление использования инфраструктуры Starlink для проведения атак на территории РФ	Уязвимость промышленного интернета вещей требует специального регулирования
2023–2024 гг.	Массовые финансовые мошенничества	765,4 тыс. киберпреступлений за 2024 г., ущерб исчисляется сотнями миллиардов рублей	Раскрываемость увеличилась на 21 %, но остается на уровне 25–30 %	Внедрение систем автоматического анализа финансовых транзакций	Важность повышения финансовой грамотности населения
Октябрь 2024 г.	Мошенничество с поддельными документами силовых ведомств	Массовое явление с использованием синтетических изображений и голоса (deepfake)	Разработаны методические рекомендации по выявлению подделок	Применение технологий искусственного интеллекта для создания и выявления дипфейков	Технологическая гонка между преступниками и правоохранителями
Июль 2025 г.	Первое дело о дропперстве	Индивидуальный прецедент с потенциалом массового применения	Создан правовой прецедент, возбуждено дело по ч. 3 ст. 187 УК РФ	Использование финансового мониторинга для выявления подозрительных счетов	Необходимость криминализации пособничества в киберпреступлениях

Примечание. Таблица построена по материалам обобщения практических кейсов и публично доступных сведений.

Кейс вымогательской группировки SugarLocker иллюстрирует необходимость проактивных методов раскрытия: мониторинга теневых площадок, анализа инфраструктуры злоумышленников и процессуального закрепления цифровых следов. Для следствия критично оперативное получение и приобщение логов и артефактов вредоносного программного обеспечения, поскольку часть данных может быть уничтожена или перемещена в облачную инфраструктуру, недоступную без оперативных процедур.

Практика также демонстрирует значимость государственно-частного партнерства с профильными центрами реагирования.

Случаи компрометации технологических систем (например, атак на системы управления лифтами) показывают, что киберугрозы все чаще сопрягаются с рисками физической безопасности. Такие эпизоды требуют участия специалистов по промышленным протоколам, АСУ ТП и инженерным системам, а также процессуального закрепления событий на технологическом уровне (журналы контроллеров, сетевые трассы, конфи-

гурации). Следственная ситуация усложняется тем, что владельцы систем часто используют аутсорсинговые модели обслуживания и разнородные решения.

Массовые дистанционные мошенничества (в том числе с участием дропперов) подтверждают необходимость развития финансовых расследований и оперативного взаимодействия с кредитными организациями.

В научных работах дропперство рассматривается как устойчивое звено, обеспечивающее транзит и обналичивание похищенных средств [5, с. 372–373]. Отдельная проблема — вовлечение молодежи в такие схемы, что требует усиления профилактической составляющей и адресных мер [6, с. 49–51].

Растущую криминалистическую значимость приобретает использование искусственного интеллекта для генерации контента (в том числе «глубоких фейков» голосов и изображений), это повышает убедительность мошеннических сценариев и усложняет оценку достоверности доказательств. Что касается следствия, то это подразумевает необходимость назначения специализированных экспертиз цифровых

материалов и выработке методик выявления следов синтетического контента.

4. Криминалистические вызовы и направление совершенствования расследования

На основе статистики и практических кейсов можно выделить ряд устойчивых вызовов, приобретающих системный характер в период СВО.

1. Скорость утраты цифровых следов. Данные о соединениях, регистрации пользователей, сессиях и транзакциях хранятся ограниченное время. Поэтому первоочередное значение имеют неотложное направление процессуальных запросов, получение и закрепление данных, а также стандартизация электронного документооборота.

2. Распределенность доказательственной информации. Большая часть следов находится у операторов связи, банков, провайдеров и владельцев платформ. Нужны типовые межведомственные регламенты и единые форматы данных (идентификаторы, временные метки, хеш-значения).

3. Трансграничность и анонимизация. Использование виртуальных частных сетей (VPN), сети Tor, зарубежных сервисов и криптоактивов осложняет идентификацию субъектов и требует укрепления международного сотрудничества и ведомственной аналитики финансовых потоков.

4. Усложнение технических способов атак. Растет потребность в специализированных экспертизах (вредоносное программное обеспечение, сетевой анализ, мобильная криминалистика, анализ облачных следов), а также в применении проактивных инструментов выявления.

В качестве перспективных инструментов обсуждаются проактивные методы выявления (цифровые ловушки — honeypot)⁶ [7, с. 498–508], технологии цифровых двойников для защиты критической инфраструктуры [8, с. 36–47] и подходы к блокчейн-фиксации цифровых доказательств [9, с. 226–230]. Их внедрение требует нормативной и организационной регламентации, однако может повысить устойчивость доказательственной базы и сократить время реагирования.

5. Организационно-методические рекомендации для следственной практики МВД России

Учитывая выявленные тенденции, представляется целесообразным выделить ряд организационно-методических рекомендаций, ориентированных на повышение эффективности расследования киберпреступлений в период СВО.

1. Закрепление алгоритма первоочередных действий по делам о дистанционных хищениях и неправомерном доступе: регистрация и проверка сообщения о преступлении, процессуальное закрепление цифровых следов, направление запросов в банки, операторам связи и владельцам платформ, изъятие электронных устройств и документов при наличии процессуальных оснований.

2. Стандартизация электронного взаимодействия (форматы запросов, перечни обязательных реквизитов, сроки ответов) с ключевыми инфраструктурными субъектами, включая банки, операторов связи и крупные платформы.

3. Развитие специализации следователей и экспертов по направлениям: финансовые расследования; вредоносное программное обеспечение; мобильная и облачная криминалистика; расследование атак на критическую информационную инфраструктуру; формирование междисциплинарных групп по наиболее сложным делам.

4. Институционализация государственно-частного партнерства (обмен индикаторами компрометации, участие экспертов в консультировании, согласованные форматы передачи данных) с учетом процессуальных требований допустимости доказательств.

5. Внедрение инструментов, повышающих проверяемость цифровых следов (журналирование действий, контрольные суммы, защищенные хранилища), а также пилотирование технологических решений, предусмотренных Планом мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием ИТКТ⁷.

Выводы

1. В период проведения СВО киберпреступность становится ключевым фактором криминальной динамики, а рост преступлений, совершенных с использованием ИТКТ, сопровождается усложнением их структуры.

2. Экспоненциальное увеличение количества преступлений в сфере компьютерной информации и неправомерного доступа отражает усиление технического компонента киберугроз и повышает требования к цифровой криминалистике.

3. Криминалистический профиль киберпреступлений периода СВО характеризуется дистан-

⁶ Honeypot («горшочек с медом») — это инструмент кибербезопасности, представляющий собой ловушку для хакеров. Это намеренно уязвимая или имитирующая реальную систему (сервер, база данных) приманка, предназначенная для обнаружения, изучения и отвлечения злоумышленников от реальных целей, позволяющая анализировать их методы.

⁷ Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2025 г. № 2207-р.

ционностью, распределенностью цифровых следов и трансграничностью данных, что требует ускорения процедур их сохранения и стандартизации межведомственного взаимодействия.

4. Практика расследования указывает на необходимость междисциплинарного подхода, развития финансовых расследований и государственно-частного партнерства, а также специальных

компетенций по расследованию атак на инфраструктурные объекты.

5. Перспективными направлениями являются внедрение проактивных инструментов выявления, технологий цифровых двойников и механизмов обеспечения целостности цифровых доказательств при условии их нормативной регламентации и процессуальной совместимости.

Список источников

1. Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1(11).
2. Бессонов А. А. Киберпреступность: тенденции и перспективы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 3(45).
3. Штрекер Н. В. Трансформация преступности в эпоху цифровых технологий // Молодой ученый. 2024. № 48(547).
4. Шкварок В. М. Киберпреступность в финансовой сфере как угроза экономической безопасности России // Социальные и экономические системы. 2024. № 12(62).
5. Чеклаукова Е. Л. Дропперство в банковском секторе // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2025. № 12.
6. Костылева Н. И. Правовые проблемы борьбы с преступностью в виртуальной среде : монография. СПб., 2024.
7. Shi L., Li Y., Ma M. Latest Research Progress of Honeypot Technology // Journal of Electronics and Information Technology. 2019. Vol. 41.
8. Митяков Е. С. Проблемы использования цифровых двойников в задачах обеспечения информационной безопасности объектов критической информационной инфраструктуры // Информационные технологии и телекоммуникации. 2023. Т. 11, № 4.
9. Шурдумов А. А. Блокчейн-верификация доказательств в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-261-269

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Парадигмы формирования современной доктрины и правоприменительной практики в реализации законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью

Борис Яковлевич Гаврилов

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений¹,
✉ profgavrilov@yandex.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

Статья посвящена анализу роли российского современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства и системных проблем его реализации в практике борьбы с преступностью, в том числе по причине невосприятия отдельными представителями научного сообщества и практикующими юристами, а также законодателем предлагаемых автором публикации мер по совершенствованию конкретных правовых институтов, что обуславливает состояние стагнации современного российского законодательства уголовно-правового комплекса. На основе статистических данных отмечается ряд негативных тенденций, в том числе снижение удельного веса возбужденных уголовных дел от количества зарегистрированных сообщений о преступлениях (с 62,2 % в 1992 г. до 11,5 % в 2025 г.); многократное уменьшение (в 8 раз) количества уголовных дел, направляемых в суд в форме сокращенного дознания; высокий уровень нарушений законности на стадии возбуждения уголовного дела (ежегодно более 3,5 млн нарушений); отказ законодателя от введения уголовного проступка, что призвано способствовать снижению уровня уголовной репрессии. Особое внимание уделено критическому анализу институтов возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого, процессуальных сроков расследования и содержания обвиняемых под стражей, являющихся, по мнению автора, рудиментом, влекущим за собой указанные выше негативные факторы, предопределяющие снижение эффективности в целом правоохранительной и судебной деятельности и, соответственно, уровня доверия граждан к органам государственной власти и к их возможностям противодействовать современным угрозам преступности. В качестве мер по преодолению стагнации предлагается отмена стадии возбуждения уголовного дела, реформирование института предъявления обвинения, пересмотр законодателем сроков расследования, возвращение в российское законодательство уголовного проступка и введение протокольной формы расследования преступлений, обстоятельства совершения которых очевидны (например, лицо задержано на месте совершения преступления) независимо от подследственности.

Ключевые слова: уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, уголовный проступок, досудебное производство, стадия возбуждения уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, предварительное расследование, процессуальные сроки, привлечение в качестве обвиняемого, упрощенные формы расследования, протокольная форма расследования, нарушение законности, правоприменительная практика, реформирование

Для цитирования: Гаврилов Б. Я. Парадигмы формирования современной доктрины и правоприменительной практики в реализации законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 261–269.

Paradigms for the Formation of Modern Doctrine and Law Enforcement Practice in the Implementation of the Legislation of the Criminal Law System in Fighting Crime

Boris Ya. Gavrilov

Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Management of Bodies Investigating Crimes¹,
✉ profgavrilov@yandex.ru

¹ Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article analyzes the role of modern Russian criminal and criminal procedural legislation and system problems of its implementation in fighting crime caused also by lack of perception by separate representatives of the scientific community and practicing

lawyers, as well as by the legislator of the measures proposed by the author to improve specific legal institutions, which determines the state of stagnation of modern Russian legislation of the criminal law system. Based on the statistical data, a number of negative trends are noted, including a decrease in the proportion of initiated criminal cases from the number of registered crime reports (from 62.2 % in 1992 to 11.5 % in 2025); a multiple decrease (8 times) in the number of criminal cases sent to court in the form of a reduced inquiry; a high level of violations of the law at the stage of initiating a criminal case (more than 3.5 million violations annually); the legislator's refusal to impose a criminal offense, which is designed to help reduce the level of criminal repression. Special emphasis is made on a critical analysis of the institutions of initiating criminal proceedings, bringing a person to justice as an accused, the procedural terms of the investigation and the detention of the accused, which, according to the author, are rudiment, entailing the above negative factors that predetermine a decrease in the effectiveness of law enforcement and judicial activities in general and, correspondingly, the level of citizens' trust to public authorities and to their ability to fight with modern threats of crime. For measures to overcome stagnation, it is proposed to cancel the stage of initiating a criminal case, reform the institution of arraignment, revise the terms of the investigation by the legislator, reintroduce a criminal offense into Russian legislation and introduce a protocol form for investigating crimes, the circumstances of which are obvious (for example, a person is detained at the crime scene) regardless of the jurisdiction.

Keywords: criminal and criminal procedural legislation, criminal offense, pre-trial proceedings, stage of initiating a criminal case, refusal to initiate a criminal offense, preliminary investigation, procedural terms, bringing a person to justice as an accused, simplified forms of investigation, protocol form for investigation, violation of legality, law enforcement practice, reforming

Citation: Gavrilov B. Ya. Paradigms for the Formation of Modern Doctrine and Law Enforcement Practice in the Implementation of the Legislation of the Criminal Law System in Fighting Crime. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 261–269 (In Russ.).

Современное состояние российского законодательства уголовно-правового комплекса характеризуется рядом системных проблем, свидетельствующих о глубокой стагнации досудебного производства и наличии законодательных пробелов в уголовном законодательстве.

Результат указанных выше и ряда других причин: лишь порядка 25 % от числа расследованных уголовных дел направляется в суд; отмечается резкое сокращение (со 105 тыс. в 2017 г. до менее чем 13 тыс. в 2025 г.) применения дознания в сокращенной форме; в сроки свыше установленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ) следователями и дознавателями органов внутренних дел в 2024–2025 гг. окончено расследованием порядка 40 % уголовных дел; высоким остается уровень нарушений законности в стадии возбуждения уголовного дела (ежегодно 5,3 млн нарушений, в том числе 3,5 млн — в учетно-регистрационной дисциплине).

Анализ статистических показателей и правоприменительной практики позволяет утверждать, что действующая модель уголовного судопроизводства не в полной мере отвечает требованиям эффективности, законности и доступности правосудия. Препятствует этому и нежелание законодателя возвращать в российское законодательство уголовный проступок, под действие которого должно подпадать значительное количество преступлений небольшой и средней тяжести, доля которых в структуре преступности достигает почти 70 %.

Изложенное позволяет утверждать, что в качестве основных факторов стагнации современного

законодательства уголовно-правового комплекса выступают: несовершенство законодательной регламентации процессуальных правил начала расследования и института привлечения в качестве обвиняемого, за фактическое сохранение которых ратуют прежде всего руководители правоохранительных органов, особенно районного (городского) звена; неэффективность, как отмечено выше, упрощенных форм расследования; перешедшие из УПК РСФСР процессуальные сроки расследования и содержания обвиняемого под стражей [1, с. 36–37].

I. Переходя к анализу эффективности действия конкретных институтов уголовного процесса, автор уделяет особое внимание *стадии возбуждения уголовного дела*. При этом исследование действующей модели начала производства по уголовному делу предлагается разграничить на следующие элементы: влияние института возбуждения уголовного дела на уровень регистрируемой преступности; складывающаяся следственная и судебная практика; обеспечение прав граждан на доступ к правосудию и проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при назначении и производстве судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела.

Научная составляющая стадии возбуждения уголовного дела свидетельствует о том, что ни до, ни после Октябрьской революции 1917 г. стадии возбуждения уголовного дела не существовало. Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела была введена в целях ограничения репрессий четырьмя циркулярами, в том числе Циркуляром

Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, п. 2 которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором»¹. В качестве самостоятельного положения возбуждение уголовного дела появилось лишь в УПК РСФСР 1960 г.²

Сегодня некоторые ученые-процессуалисты ратуют за сохранение данного института как «фильтра», предупреждающего нарушения прав участников процесса (В. С. Шадрин [2], А. Г. Волеводз [3] и др.). Однако большинство ученых и правоприменителей выступают за его отмену (С. Е. Вицин [4], Л. М. Володина [5], Б. Я. Гаврилов [6], В. В. Гордиенко [7], И. С. Дикарев [8] и др.). На пересмотр данного института был нацелен п. 4.5 Дорожной карты дальнейшего совершенствования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации от 2012 г. и разработанный Договорно-правовым департаментом МВД России в 2017 г. проект федерального закона о доступе потерпевшего к правосудию.

О негативных последствиях института возбуждения уголовного дела свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о соотношении количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, возбужденных по ним уголовных дел и процессуальных решений следователя, дознавателя органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела (таблица 1).

Таблица 1. Статистические данные о негативных последствиях стадии возбуждения уголовного дела

Наименование показателя	Период				
	1992	2006	2015	2024	2025
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях, млн	4,5	10,7	12,2	12,1	11,3
Возбуждено уголовных дел, млн	2,8	3,3	1,9	1,5	1,3
В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях, %	62,2	30,8	15,5	12,4	11,5
Количество (без повторных) «отказных» материалов, млн	1,3	4,5	6,8	6,4	6,3

Из приведенных показателей видно, что количество возбужденных уголовных дел снизилось

с 2,8 млн в 1992 г. до 1,3 млн в 2025 г. и, соответственно, удельный вес возбужденных уголовных дел к числу сообщений о преступлениях в 2025 г. сократился до 11,5 % против 62,2 % в 1992 г.

Основная причина столь значительного сокращения количества и удельного веса возбужденных уголовных дел особенно наглядно усматривается за последние 20 лет. Так, при фактическом сохранении показателя зарегистрированных сообщений о преступлениях (10,7 млн в 2006 г. и 11,3 млн в 2025 г.) количество возбужденных уголовных дел за указанный период сократилось на 2 млн. По нашему мнению, фактическая причина этого столь негативного явления заключается в увеличении за этот период на 1,8 млн количества так называемых отказных материалов (без повторных), показатель которых за указанный период возрос с 4,5 млн до 6,3 млн.

Следовательно, многократное снижение уровня уголовно-процессуального реагирования на заявления, сообщения граждан и организаций о фактах противоправной деятельности обусловило значительное сокращение уровня регистрируемой преступности, что прослеживается из приведенных в таблице 2 статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений за последние полвека. Так, каждые десять лет уровень зарегистрированной преступности в Российской Федерации возрастал примерно на 1 млн, достигнув в 2006 г. максимального показателя в 3,853 млн преступлений, с их стремительным последующим сокращением к 1 января 2026 г. до 1,771 млн преступлений, из которых более 650 тыс. составили уголовно наказуемые деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2006 г. их число составляло менее 50 тыс. (таблица 2).

Таблица 2. Тренд преступности за 1980–2025 гг.

Количество зарегистрированных преступлений, млн	Период						
	1980	1991	1999	2006	2023	2024	2025
	1,028	2,168	3,002	3,855	1,947	1,911	1,771

О негативных последствиях стадии возбуждения уголовного дела свидетельствуют статистические показатели о количестве ежегодно выявляемых прокурорами нарушений законности (таблица 3).

¹ О повышении качества расследования : циркуляр Прокурора СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1937. Отд. 1. № 52.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 (утратил силу).

Таблица 3. Статистические данные о количестве нарушений законности, в том числе в стадии возбуждения уголовного дела

Наименование показателя		Период				
		2017	2022	2023	2024	2025
Всего выявлено нарушений закона		5156665	5217038	5331275	5436999	5428680
В том числе	При приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	3793667	3417399	3446813	3477520	3415164

Это означает, что ежегодно порядка 3 млн граждан, пострадавших от противоправных деяний, не смогли реализовать предоставленное им ст. 52 Конституции РФ право на доступ к правосудию и возмещению причиненного ущерба.

Еще одним негативным фактором сохранения в УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела является значительное количество нарушений законности в виде отмененных прокурорами постановлений органов предварительного расследования и органов дознания об отказе возбуждения уголовного дела, количество которых с повторными ежегодно составляет до 1,5 млн, что вполне сопоставимо с количеством зарегистрированных и расследованных преступлений (таблица 4).

Таблица 4. Соотношение возбужденных уголовных дел и отмененных прокурором отказных материалов

Период	Всего зарегистрировано преступлений	Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (с повторными)
2017	2058476	2381432
2022	1954795	1633297
2023	1947896	1308206
2024	1911258	1185365
2025	1711174	1338556

На разрешение указанного количества отказных материалов (с повторными — порядка 8 млн) ежегодно прилагаются усилия по их отмене почти 20 тыс. сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) и нескольких тысяч прокуроров, не считая финансовых затрат.

В таблице 5 приведены отдельные составы противоправных деяний, по которым имеет место наибольшее количество принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, многократно превышающих количество возбужденных уголовных дел.

Так, из 2,6 млн заявлений, сообщений граждан о фактах мошенничества возбуждено всего 349 тыс. уголовных дел, или менее 15 %. По абсолютному большинству (более 1,5 млн) таких заявлений было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела и в отношении еще 550 тыс. (с учетом ежемесячного поступления в ОВД порядка 220 тыс. таких обращений) решения по существу не были приняты (вероятно, в силу их направления в другие территориальные ОВД, где, по мнению автора, они остались без внимания).

Негативные последствия отказа в возбуждении уголовного дела по указанной категории заявлений, сообщений о преступлениях заключаются также в том, что такие решения по абсолютному большинству из них были приняты при неустановлении лица, причастного к этим деяниям, что противоречит требованиям закона, поскольку ч. 1 ст. 148 УПК РФ допускает отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, лишь в отношении конкретного лица. Обоснованность данной нормы УПК РФ и ее соответствие требованиям Конституции РФ подтверждена постановлением Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П по делу Михайлова³. Согласно данному решению отказ в возбуждении уголовного дела по основанию п. 2 ч. 1 ст. 148 УПК РФ возможен лишь

Таблица 5. Составы преступлений, по которым наибольшее количество отказных материалов (2025 г.)

Вид преступления	Всего поступило сообщений о преступлениях	Возбуждено уголовных дел	Отказано в возбуждении уголовного дела	Неразрешенные
Статья 116 УК РФ (Побои)	802138	1823	530257	270058
Статья 158 УК РФ (Кража)	1821457	398618	851960	570879
Статья 159 УК РФ (Мошенничество)	2629228	349020	1507321	772887

³ По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова : постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

при подтверждении факта противоправного деяния и установлении лица, его совершившего. Это повлекло за собой явно противоречащую закону ситуацию, когда должностные лица правоохранительных органов стали принимать подобные решения за отсутствием события преступления.

Усугубило ситуацию с возбуждением уголовного дела и определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 533-О о необходимости возбуждения уголовного дела по каждому вновь выявленному эпизоду преступной деятельности и при установлении нового соучастника⁴. Это порождает принятие следователями ежегодно десятков тысяч постановлений о возбуждении самостоятельного уголовного дела в связи с указанными обстоятельствами, производство по ним необходимых следственных действий с последующим их соединением с основным уголовным делом.

Еще одна проблема, обусловленная наличием стадии возбуждения уголовного дела, состоит в том, что хотя Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁵ предусмотрена возможность назначения и производства судебной экспертизы, истребования документов и предметов и их изъятия на стадии возбуждения уголовного дела, реализовать эти положения не представляется возможным. В определении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 257-О указано, что на стадии возбуждения уголовного дела (до появления фигуры подозреваемого/обвиняемого и, соответственно, потерпевшего) участники процесса лишены возможности реализовать права, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ⁶. Решение проблемы видится в законодательном распространении положений ч. 1 ст. 198 УПК РФ на стадию возбуждения уголовного дела.

II. Научные воззрения на институт *привлечения в качестве обвиняемого* разделились на три направления: сохранение (Л. В. Головкин [9], О. В. Химичева [10]), частичная реорганизация (С. Б. Россинский [11]) либо исключение (Б. Я. Гаврилов [12], Н. Н. Ковтун [13]).

Ретроспективный анализ показывает отсутствие данного института в нормах Устава уголовного судопроизводства 1864 г.⁷, что позволяет сделать вывод о неимении «генетической связи». Так, статья 258 устанавливала, что полиция, застигнувшая

лицо, совершившее преступление, заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, но формальных допросов обвиняемого не делает; ст. 283 обязывала следователя уведомлять прокурора о взятии обвиняемого под стражу, а ст. 377 закрепляла форму призыва обвиняемого в виде письменной повестки.

Обращаясь к проблеме реформирования института привлечения в качестве обвиняемого, нужно исходить из того, что сегодня в соответствии с указанным выше Федеральным законом № 23-ФЗ участие адвоката (защитника) фактически предусмотрено на этапе проверки сообщения о преступлении. Ранее по УПК РСФСР (в ред. 1960 г.) защитник допускался к участию в уголовном деле лишь при ознакомлении с материалами, а по делам, расследованным в форме дознания, только на судебных стадиях. Сегодня отсутствуют различия в правовом положении подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания уголовного дела.

Необходимо также учитывать тот факт, что за период действия УПК РФ в суд без «классического» предъявления обвинения направлено более 6,5 млн уголовных дел при отсутствии жалоб осужденных в Конституционный Суд РФ на нарушение конституционного права знать, в чем их обвиняют.

В числе аргументов за отмену института привлечения в качестве обвиняемого и существующая зависимость пределов судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ) от предъявленного обвинения и, как следствие, проблемы возвращения судом уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь и ряда других государств фактически отказалось от института возвращения уголовного дела судом прокурору. В этом случае суд приостанавливает производство по делу и поручает прокурору устранить недостатки, а также предоставляет ему право предъявить новое, более тяжкое обвинение. Одним из результатов является то, что удельный вес возвращенных судом прокурору дел в Белоруссии составляет 0,1 % против российского показателя 1,1–1,3 %. На возможность принципиального изменения института привлечения в качестве обвиняемого указывает и постановление Конститу-

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Геворкяна Руслана Тиграновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 533-О.

⁵ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

⁶ По жалобе гражданина Шилова Сергея Яковлевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 257-О.

⁷ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П⁸ о проверке конституционности положений ст. ст. 237 и 413 УПК РФ в той части, что пределы судебного разбирательства определяются предъявленным обвинением и обвинением, окончательно сформулированным в обвинительном заключении (акте).

III. Требуется принципиального пересмотра и институт процессуальных сроков предварительного расследования и содержания обвиняемого под стражей, статистические данные об их соблюдении приведены ниже в таблицах 6 и 7, которые также демонстрируют наличие серьезных проблем.

Таблица 6. Данные о соблюдении процессуальных сроков предварительного расследования (превышают два месяца)

Наименование показателя	Период			
	2015	2023	2024	2025
Всего окончено уголовных дел	353291	268768	239089	205136
В том числе свыше срока, установленного УПК РФ	116161 (32,9 %)	111174 (41,4 %)	96542 (40,8 %)	81141 (39,4 %)

Таблица 7. Данные о соблюдении процессуальных сроков дознания (превышают 30 суток)

Наименование показателя	Период			
	2015	2023	2024	2025
Всего окончено уголовных дел	422811	321816	273716	290963
В том числе свыше срока, установленного УПК РФ	142308 (33,7 %)	118469 (36,8 %)	101822 (29,2 %)	93570 (40,5 %)

У следователей доля дел, оконченных свыше установленного срока, выросла с 32,9 % в 2015 г. до 39,4 % в 2025 г.; у дознавателей — с 33,7 % до 40,5 % (с колебаниями по годам).

Действующие в УПК РФ, как отмечено выше, процессуальные сроки воспроизводят положения УПК РСФСР 1922 г.⁹ В частности, ст. 119 предписывала заканчивать предварительное следствие в течение двух месяцев со дня объявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а ст. 162 ограничивала содержание под стражей двумя месяцами, что 100 лет назад, вероятно, было достаточным сроком для расследования, учитывая, пусть это звучит не с научной точки зрения, что объем уголовного дела в тот период составлял 10–15 страниц.

В действующем УПК РФ ч. 1 ст. 162 устанавливает двухмесячный срок предварительного следствия,

однако ч. 5 ст. 162 предусматривает возможность продления сроков фактически без ограничения до истечения сроков давности [14]. Часть 1 ст. 109 УПК РФ закрепляет двухмесячный срок содержания под стражей, тогда как законодательство государств Европы предусматривает первоначальный срок содержания под стражей от 120 до 180 суток или, например, 6 месяцев, по УПК Италии.

Решение проблемы, как первый этап реформы данного института, видится в установлении первоначального срока предварительного следствия до 6 месяцев (сегодня в этот период расследуется более 76 тыс. уголовных дел) и срока дознания до 3 месяцев (более 60 тыс. расследованных уголовных дел в год), а также соответствующих сроков содержания под стражей.

IV. О возвращении в УПК РФ протокольной формы расследования. Принятие Федерального закона от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ¹⁰, которым в УПК РФ введена процессуальная фигура начальника подразделения дознания, обеспечило существенное улучшение показателя законности при расследовании уголовных дел в форме дознания, о чем свидетельствуют приведенные в таблице 8 статистические данные.

Таблица 8. Данные о соблюдении законности в деятельности органов дознания

Период	Число оправданных судом лиц, в том числе на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей	
	Дознаватели ОВД	Незаконно/ необоснованно содержались под стражей
2006	330	18
2025	164	2

Однако принятых мер оказалось недостаточно, о чем свидетельствуют приведенные ранее в тексте статьи статистические данные о расследовании в сокращенной форме в 2025 г. с направлением в суд менее 13 тыс. уголовных дел.

Причинами неэффективности расследования в форме сокращенного дознания являются: отсутствие начала исчисления срока расследования (в УПК РФ лишь декларировано, что этот срок должен составлять 15 суток); сохранение этапа процессуальной проверки, предшествующей расследованию; зависимость публичного уголовного пресле-

⁸ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П.

⁹ Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ.

дования от дискреционных решений частных лиц. При этом разработанный МВД России очередной законопроект, предусматривающий возможность скорейшего доступа граждан к правосудию, фактически воспроизводит ряд дефектов действующего регулирования: сохранение стадии возбуждения уголовного дела, что не позволяет реализовать императивный перечень следственных действий; сохранение этапа процессуальной проверки; зависимость решения о расследовании по упрощенной форме от волеизъявления участников процесса.

В соответствии с изложенным предлагается протокольная (упрощенная) форма расследования, с учетом того, что существующая в УПК РСФСР протокольная форма досудебной подготовки материалов позволяла ежегодно направлять в суд по 250–300 тыс. материалов о преступлениях небольшой тяжести.

Предлагаемая нами форма расследования должна включать в себя: начало расследования незамедлительно после регистрации сообщения о преступлении, минуя стадию возбуждения уголовного дела; производство расследования при очевидности преступления (лицо задержано с поличным) и отсутствии обстоятельств, делающих расследование сложным; переход к формализованному бланку протокола, предусматривающему только необходимые следственные действия; ограничение срока расследования не более двух суток; обязательное задержание подозреваемого в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ на срок до 48 часов; после направления дела прокурором в суд последний незамедлительно назначает заседание и продлевает задержание еще на 72 часа, рассматривая дело по существу, что дает общий срок от задержания до начала судебного разбирательства не более 5 суток. Производство расследования в такой форме должны иметь право осуществлять не только дознаватель (следователь), но и иные должностные лица органов дознания, прежде всего участковые уполномоченные полиции, как это было по УПК РСФСР.

V. Не менее актуальной по отношению к предыдущим новациям современного российского законодательства уголовно-правового комплекса является необходимость понятия *возвращения уголовного проступка*. В связи с этим решение Совета Государственной Думы РФ о возвращении Верховному Суду РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уго-

ловного проступка»¹¹ (далее — законопроект) без рассмотрения является, по мнению автора, шагом назад в совершенствовании уголовного законодательства, так как в российском законодательстве проступок был воплощен в Уставе Благочиния или Полицейском 1782 г.¹² [15, с. 410–411], в котором этот термин был применен. Его системное толкование позволяет определить проступок как правонарушение с меньшей степенью общественной опасности, такие дела были подведомственны управе благочиния как органу полиции. Свод законов Российской империи 1832 г.¹³ устанавливал различие между преступлением и проступком по тяжести наказания, а Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [16, с. 190] — по субъекту посягательства. Его статья 2 к проступкам относил «нарушения правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы». Дефиниции проступка не давало и Уголовное уложение 1903 г., однако отграничивало его от преступлений и тяжких преступлений возможными мерами наказания — арестом и денежной пеней (штрафом).

О необходимости введения уголовного проступка свидетельствует доля в структуре преступности противоправных деяний небольшой тяжести (около 40 %) и числа осужденных за их совершение (более 50 %).

Говоря о научной дискуссии по введению уголовного проступка, авторы указывают на ее неоднозначность. Так, Л. В. Головки с приведением аргументов высказывается об отсутствии правовых оснований для введения в Уголовный кодекс РФ уголовного проступка [17]. Следует выделить также позицию заместителя Председателя Верховного Суда РФ (в почетной отставке) А. А. Толкаченко о том, что в современных условиях введение уголовного проступка и судопроизводство по нему сами по себе не способны оказать принципиального влияния на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства [18, с. 137–150].

Исследуя проблему возвращения в российское законодательство уголовного проступка, автор публикации обращается к таким известным ученым, как С. Г. Келина [19], Г. А. Кригер [20], Н. Ф. Кузнецова [21] и М. Д. Шаргородский [22]. В их трудах не только изложена, но и обоснована идея о выделении в уголовном законодательстве уголовного проступка. Положительно об этом высказываются Е. В. Рогова [23] и В. Ф. Цепелев [24]. Таким образом, данные крими-

¹¹ О внесении в Государственную Думу Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24-П.

¹² Устав Благочиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹³ Свод законов Российской Империи 1832 г.

нологического анализа преступлений, отнесенных к категории небольшой тяжести, и лиц, их совершивших, и позиции ведущих российских ученых позволяют сделать вывод о том, что значительную часть данного вида уголовно наказуемых деяний возможно выделить в группу уголовных проступков.

В заключение следует отметить, что задача представителей науки сегодня состоит в разработке со-

вместно с правоприменителем такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать происшедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни Российского государства изменения. Этому сегодня препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип мышления о незыблемости указанных выше процессуальных институтов.

Список источников

1. Гаврилов Б. Я. Стагнация современного уголовно-процессуального законодательства: есть ли выход // Оптимизация досудебного производства по уголовным делам как условие эффективности уголовно-процессуальной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 23–24 апреля 2026 г.), М., 2026.
2. Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1(963).
3. Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1(109).
4. Вицин С. Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6.
5. Володина Л. М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2.
6. Гаврилов Б. Я. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сб. науч. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 21 мая 2021 г.) / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. М., 2021.
7. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16.
8. Дикарев И. С. Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra // Библиотека криминалиста. 2014. № 1(12).
9. Головкин Л. В. Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7.
10. Химичева О. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого в контексте совершенствования досудебного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7.
11. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3.
12. Гаврилов Б. Я. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: рудимент российского уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы ХХІХ междунар. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 2–3 апреля 2026 г.). Красноярск, 2026.
13. Ковтун Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о депроцессуализации и дематериализации его сути и содержании в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 1.
14. Гаврилов Б. Я., Шпагина Ю. В. Процессуальные сроки производства предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей: от проблем к решению // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4(103).
15. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1991. Т. 5.
16. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 17-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1913.
17. Головкин Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1.
18. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или Чем может помочь постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2017 г. № 42 практике применения судебного штрафа // Закон. 2018. № 1.
19. Келина С. Г. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования : монография / отв. ред. В. М. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987.

20. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1979. № 2.
21. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.
22. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма : мат-лы межвуз. науч. конф. Ленинград, 1961.
23. Рогова Е. В., Забавко Р. А., Ивушкина О. В. Межотраслевая дифференциация ответственности в контексте введения уголовного проступка // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2(101).
24. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и состоявшейся на юридическом факультете МГУ (г. Москва, 27–28 мая 2004 г.). М., 2005.

УДК 343

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-270-274

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Противодействие преступности в условиях радикализации цифровой среды

Андрей Викторович Зайцев

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров¹,

✉ operativchic@mail.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

Статья посвящена криминологическому осмыслению феномена «цифровая реальность» и сопряженных с ней угроз, обусловленных стремительным развитием искусственного интеллекта. Рассматривается переход от использования нейросетей как инструмента совершения преступлений к их способности создавать цифровые копии (симулякры) социальных групп и отдельных личностей. На основе анализа современных научных экспериментов и статистики киберпреступности обосновывается необходимость переработки традиционных подходов к противодействию преступности в цифровой среде. Особое внимание уделяется концепции алгокогнитивной культуры, в рамках которой цифровой след гражданина становится уязвимостью, а манипуляция сознанием выходит на уровень точного прогнозирования поведенческих реакций; формулируются положения, доказывающие нарастающую угрозу децентрализованного контроля над алгоритмами; предлагается создание специализированного координационного органа для моделирования цифровых угроз и выработки стратегических мер борьбы с преступностью в условиях нарастающей цифровизации общества.

Ключевые слова: противодействие преступности, цифровизация, искусственный интеллект, симулякр, алгокогнитивная культура, алгоритмы, киберпреступность, социохакинг, экстремизм

Для цитирования: Зайцев А. В. Противодействие преступности в условиях радикализации цифровой среды // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 270–274.

Tackling Crime in Conditions of Radicalization of the Digital Environment

Andrey V. Zaytsev

post-graduate student at the faculty of Science and Science Pedagogical Personnel Training¹,

✉ operativchic@mail.ru

¹ Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The paper presents criminological understanding of the phenomenon “digital reality” and related threats determined by rapid development of artificial intelligence. The author considers transit from using neuronetworks as a tool for committing crimes to their ability to create digital copies (simulacra) of social groups and individuals. Based on the analysis of contemporary scientific experiments and statistics on cybercrimes it is proved necessary to redevelop traditional approaches to fighting crime in digital environment. The focus is made on the concept of algocognitive culture within which digital trace of a citizen becomes vulnerability, while manipulation of consciousness reaches the level of accurate forecasting of behavioral reactions. The provisions formulated prove the increasing threat of decentralized control over algorithms; it is proposed to create a specialized coordination body for modeling digital threats and developing strategic measures to fight crimes in conditions of the growing digitalization of the society.

Keywords: fighting crime, digitalization, artificial intelligence, simulacrum, algocognitive culture, algorithms, cybercrime, socio-hacking, extremism

Citation: Zaytsev A. V. Tackling Crime in Conditions of Radicalization of the Digital Environment. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 270–274 (In Russ.).

Иногда переосмысление простых вещей — это не только напоминание, что мелочей не бывает, но и необходимость, при которой становится возможным открыть новое измерение исследуемого, где ра-

нее неизвестные свойства предмета, явления либо процесса становятся доступными. Представленное — это всего лишь проекция цифрового кода, хранящаяся на доступных в сети Интернет носителях

информации (уже и на вашем электронном устройстве) и имеющая свои обычные признаки: место хранения, дата загрузки, объем, тезаурус, авторский стиль, различные субъективные ошибки и др. Все это оставляет следы, и сегодня невероятно трудно найти человека, не оставившего своего цифрового следа. Каждое действие в интернете, будь то посещение сайта, лайк, комментарий или время входа-выхода, оставляет след.

По верному замечанию Д. В. Попова, «новый цифровой мир ... стал обыденностью. Мы пользуемся голосовыми помощниками; нашим ключом служат отпечатки пальцев и другие биометрические данные; мы смирились с контекстной рекламой, идущей по следам наших запросов в сети; выходя на улицу, мы знаем, что неизбежно оставляем считываемые умными устройствами наблюдения электронные следы. Мы погружены в цифровую среду, как если бы были оцифрованы и продублированы, став полностью виртуальными» [1, с. 175].

По данным сайта компании Kerios¹, лидера в области исследования использования человечеством цифровых технологий, в 2025 г. цифровыми продуктами ежедневно пользовались 74 % населения планеты (около 6 миллиардов человек). Бесспорно, это детерминирует рост киберпреступности, о чем заявляют независимые аналитические отчеты, один из которых подготовлен Уральским центром систем безопасности². В отчете массовое бесконтрольное использование искусственного интеллекта (далее — ИИ) уже возведено в степень критичных угроз.

Преступления, совершаемые с использованием электронно-вычислительных машин в сети Интернет, как набор цифрового кода по форме ничем не отличаются, имеют значение только криминалогические последствия. Преступник или группа преступников, находясь в одной стране, могут пользоваться серверами в другой, они даже могут не выходить из своих мест обитания, им потребуется всего лишь персональный компьютер и устойчивый сигнал подключения к сети Интернет. «Заражение» цифровой среды — проблема, которая давно обозначена в научной и практической сфере. Ей посвящены последние работы А. А. Бессонова и его коллектива [2, с. 15], а практик со стажем А. И. Бастрыкин, приводя подтверждающие статистические данные, уверен, что взаимодействие правоохранителей в сфере мониторинга сети Интернет по выявлению экстремистских и террористических материалов является важнейшим условием эффективной работы, а профилактика — важнейшим элементом [3, с. 842–843].

Осознавая нарастающие угрозы, становится очевидным, что борьба с современной киберпреступностью непосильна в одиночку ни одному ведомству.

В настоящее время машины (алгоритмы) уже не просто делают предсказания, но и понимают нас лучше, чем люди. Мы стоим на пороге создания искусственного разума, способного моделировать и прогнозировать человеческое поведение не просто как набор алгоритмов, а как нечто более сложное и непредсказуемое. «Крупные IT-компании собирают информацию о пользователях цифровых платформ и, анализируя данные, составляют не только портрет абстрактного среднестатистического пользователя, но и индивидуальный профиль предпочтений и угадываемых за ними желаний, что открывает возможности влиять на выбор и поддерживать, трансформировать и конструировать наше поведение и стоящие за ним ценности» [1, с. 175]. Однако если сегодняшние системы уже могут предсказать простые поведенческие реакции, то что произойдет, когда мы научим их распознавать тончайшие нюансы человеческого сознания, его скрытые импульсы и желания?

В 2022 г. учеными было сделано любопытное открытие: человечество научилось создавать цифровые копии любых социальных групп. Как оказалось, алгоритмы ничем не отличаются от людей в соцсетях. На тот момент наука еще не была способна создавать цифровые копии отдельной личности (сейчас это возможно). Другими словами, при проведении социологических опросов и других аналогичных исследований можно использовать не людей, а алгоритмы, имитирующие их по тем или иным признакам. Это дает даже более точные результаты, а также быстрее и дешевле, не говоря уже о том, что некоторые исследования могут столкнуться и с определенными этическими ограничениями. Все эти препятствия успешно преодолеваются при использовании нейросетей.

Позже данные выводы были полностью научно подтверждены китайскими учеными при помощи не самой сложной ИИ-модели (ChatGPT-4). Так, в сентябре 2024 г. были с поразительной точностью спрогнозированы итоги президентских выборов в США. Прогноз был основан на анализе ИИ-моделью мнений и возможного выбора не людей, а их симулякров. В 2023 г. такие алгоритмические копии уже были созданы не просто для социальных групп, а для граждан конкретных стран. Иначе говоря, LLM³ способна очень точно имитировать не просто ответы человека, а гражданина того или иного государства (циф-

¹ URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-global-overview-report> (дата обращения: 17.05.2026).

² URL: https://soc.ussc.ru/soc-report-2025/?utm_source=sec (дата обращения: 18.05.2026).

³ LLM (Large Language Model) — большая языковая модель.

ровые копии граждан России также использовались в научном эксперименте).

Таким образом, все простые действия, такие как чтение электронной книги, общение в социальных сетях, игра в сети, уже распознаны алгоритмами, и, будучи нашими помощниками, становятся с каждым днем все более универсальным «окном» в человеческое сознание как минимум на уровне социальных групп, а в скором будущем и отдельно взятого индивидуума.

При чем же здесь преступность и борьба с ней? Дело в том, что итоги данного открытия дают потрясающие возможности для манипулирования людьми в любых, в том числе противозаконных целях. Такие действия, как пропаганда экстремизма, мошенничество, дезинформация и другие виды уголовно наказуемых деяний, теперь можно разрабатывать и опробировать с помощью ИИ, а затем применять на конкретной демографической группе, зная, для какой из них подобрать наиболее подходящий вариант воздействия. По нашему мнению, именно мотив становится направляющим инструментом формирования подобных механизмов социальной инженерии. В этом же ключе рассуждал Н. Н. Равочкин, по-философски заменяя мотив термином «идея» [4, с. 237–256]. Воздействие на сознание, а равно манипулирование поведением, представляет собой серьезную угрозу правопорядку. Однако это лишь один из примеров влияния алгоритмов на человека. Есть гораздо более неочевидная, но глубокая проблема, масштабы и последствия которой ученым только предстоит выяснить.

Уже сейчас поведение ИИ и результаты его деятельности практически неотличимы от деятельности людей, по крайней мере на уровне языкового поведения. При обретении ИИ физической формы, т. е. его «отелеснивании», различий между ним и биологическим человеком станет еще меньше. Такие исследования уже проведены, и их результаты впечатляют. Один из них — знаменитый Стенфордский симулякрный эксперимент⁴, результаты предсказуемости поведения симулякров поразительны, они предсказали ответы своих реальных прототипов (людей) по социальному опросу с точностью 85 %.

Конечно, полученные симулякры индивидуального сознания оказались довольно узконаправленными и не отражали всех черт и аспектов личности живого человека. Но это лишь первая подобная работа, за ней будут другие, в ходе которых ИИ обучится не на двухчасовом интервью, а на более

детальном исследовании своего прототипа. Полученные результаты позволяют понять, что роль людей и алгоритмов в науке, культуре и повседневной жизни изменилась навсегда. Мы не просто вступаем в эпоху «алгоритмически насыщенных обществ», а уже живем в ней. В качестве источника информации о человеке может стать не специально проведенное исследование в виде интервью и тестов (как в ранее описанном Стенфордском эксперименте), а сведения, взятые из открытых источников, которые нередко могут давать даже более точное представление о взглядах, вкусах и образе жизни конкретного индивидуума. *Таким образом, искусственный интеллект способен оживить наш симулякр, создав цифровое сообщество, неотличимое от реальных человеческих аватаров, и иметь способность влиять на действительность.*

С точки зрения криминологической науки данный фактор имеет важное значение. В настоящее время большинством ученых-юристов ИИ рассматривается в контексте его использования в качестве инструмента или способа совершения преступления. Изучение данного объекта отнесено также к сфере криминалистики, которая пытается дать ответы на вопросы о том, как документировать преступления, совершенные с использованием ИИ, как осуществлять при этом сбор и оценку доказательств, какие следы оставляют данные преступления, как их правильно фиксировать и т. д. Кроме того, одним из видов такого анализа может стать упомянутое выше исследование цифровых копий социальных групп или отдельных людей, представляющих оперативный интерес.

Вместе с тем проводимые эксперименты открывают невероятные возможности преступникам для социохакинга⁵. На примере совершаемых преступлений экстремистского характера данный способ используется уже давно, хотя носит пока более массовый, а не «точный» характер. Тем не менее распространение экстремистских идей, в том числе и на религиозной почве, становится огромной проблемой для государств. Эволюция экстремистских угроз в цифровом пространстве приводит к возможности применения искусственного интеллекта для создания пропагандистского контента, блокчейн-технологий для анонимного финансирования, квантовых вычислений для преодоления систем защиты, технологий дополненной и виртуальной реальности для индоктринации [5, с. 47–52]. А если социохакинг с использованием ИИ в сочетании с индивидуаль-

⁴ URL: https://vk.com/wall-142968010_2856 (дата обращения: 18.04.2026).

⁵ Социохакинг — методика обучения алгоритмов, которые способны имитировать мышление социальных групп. Анализируя данные социокультурного опыта демографической группы, можно получить распределение ответов модели, которое коррелирует с ответами людей при опросах этой группы.

ным подходом и глубоким изучением личности или социальной группы будет применяться преступниками для совершения преступлений против государственной безопасности? Собственно, это уже происходит: объем деструктивного контента в российском сегменте интернета растет пропорционально общему потоку информации. Если раньше Роскомнадзор сталкивался с тремя ключевыми угрозами: детской порнографией, пропагандой наркотиков и призывами к суициду, то сегодня спектр запрещенной информации критически расширился. К нему добавилось распространение экстремистской идеологии, вовлечение несовершеннолетних в преступления, кибербуллинг и др. Таким образом, использование «цифры» в преступных целях опережает средства борьбы с ней.

В настоящее время контртехнологии ИИ, применяемые Роскомнадзором, обрабатывают до полумиллиона материалов в сутки, отсеивая большую их часть, чтобы дать возможность экспертам сосредоточиться на сложных случаях. В перспективе технологии ИИ, включая анализ больших данных, машинное распознавание эмоций и семантики, позволят не только оперативно реагировать, но и прогнозировать появление угроз, оценивать степень их влияния на психику, обнаруживать методы психологических манипуляций.

Представим, что ваше электронное устройство запомнило сейчас все действия: общее время на прочтение, перерыв в чтении, места, где вы дольше задерживались, а где вам было неинтересно, активность мыши, клавиатуры, использование ссылок и библиографий, адрес, с которого скачен файл, и т. д. Предположим, что ваша цифровая копия, пусть и несовершенная, но уже существует, ИИ уже обучен некоторым вашим особенностям. И теперь в цифровой вселенной «рождается» симулякр, вы продолжаете существовать и проявлять активность. Лица, получившие эти данные, могут их копировать и использовать, манипулировать ими. Мы уже живем в двух вселенных, нити которых прочно переплетены. Данные вещи достаточно просты в понимании любого пользователя цифрового пространства, однако порождают более сложные процессы, влияя из виртуальной вселенной на человечество.

Перечисленное выше выступает элементами алгокогнитивной культуры — нового вида человеческой культуры, основанного на симбиозе человека и алгоритмов. Это предполагает как минимум два направления противоправного воздействия на отдельного индивидуума:

1) сбор косвенной информации о человеке путем изучения его цифрового следа в целях наиболее эффективного точечного противоправного воздействия на его поведение в преступных целях (в узком понимании);

2) воздействие на отдельного человека (или, скорее, на группы людей) на стадии формирования его взглядов, предпочтений, гражданской и политической позиции, образа жизни, восприятия тех или иных событий в целях искажения его социальной ориентации в нужную для злоумышленников сторону, приводящее в конечном итоге к полной когнитивной и психологической управляемости.

Перспективы такого воздействия открывают безграничные горизонты для всех возможных видов манипулирования. Вопрос лишь в том, какая из сторон (правоохранительные органы или преступная среда) сможет перехватить пальму первенства и взять на вооружение современные технологии, формируя тем самым положительную или отрицательную среду нашей будущей повседневной жизни.

В настоящее время борьба за алгоритмы представляется важным направлением деятельности государства. В алгоритмически насыщенном обществе, к которому мы движемся (а по многим параметрам им и являемся), у тех, в чьих руках находится управление алгоритмами, есть возможность не только анализировать события, но и предсказывать, перезапускать их траектории, вмешиваться в структуру времени. По сути, это способность управлять информацией раньше, чем кто-либо успеет зафиксировать ее искажение. В современном мире разведка любого технологически развитого государства представляет собой лабораторию исторических симуляций, а проектирование смыслов, данных и эмоций — это ее единая система воздействия.

Именно поэтому цифровой суверенитет выступает экзистенциальной необходимостью государства в новых условиях. Но стоит помнить, что своего рода цифровым суверенитетом должен обладать и конкретный гражданин, как единичный потребитель, создатель и распространитель информации. Каждое действие пользователя: публикация, лайк, комментарий, репост — это не просто акт индивидуальной активности или выражение своего мнения, а сознательный или неосознанный вклад в формирование двух взаимосвязанных явлений: цифровой репутации пользователя и цифровой части ткани современного общества.

Симуляции и манипуляции социальных групп с использованием ИИ — это то, что может решить проблему выработки мер противодействия преступности в условиях нарастающей цифровизации.

Решения по противодействию, предлагаемые сейчас на государственном уровне, часто носят быстротечный характер. Так, вместо реализации новых форм взаимодействия, прогнозирования и профилактики все государственные возможности и ресурсы вкладываются в ликвидацию последствий уже со-

вершенных атак: ограничения пользования цифровыми ресурсами некоторых «вредных» разработчиков и их программных продуктов, создание «белых списков» и т. д. Бесспорно, это приносит свои положительные результаты, о чем свидетельствует статистика. Так, за 2025 г. произошло снижение преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сфере компьютерной информации на 11,8 %⁶. Однако в этот период наряду с «быстрыми мерами» нужны решения стратегического характера, и начало уже положено. 24 декабря 2024 г. в Нью-Йорке была принята Конвенция ООН против киберпреступности⁷ в целях укрепления международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и обмена доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Документ стал первым всеобъемлющим глобальным договором, предоставляющим государствам ряд возможностей, которые должны быть приняты для предотвращения киберпреступности и борьбы с ней. В октябре 2025 г. Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию.

В приветственном послании Президент России В. В. Путин подчеркнул историческую значимость данного события и то, что преступления такого рода нередко тесно связаны с совершением тяжких преступлений, в том числе в сфере терроризма и пропа-

ганды экстремистской идеологии⁸. Мировые лидеры наконец-то признали существование «цифровой вселенной», тесно переплетенной с реальностью, и важность консолидации усилий в борьбе с возникающими угрозами. Об этом ранее заявляли М. П. Киреев и Е. А. Тормозова, утверждая, что органов правопорядка и специальных служб для этой работы недостаточно [6, с. 156]. Из чего следует, что достигнутая «мощь цифры» должна быть подконтрольна государству либо государствам.

Таким образом, очевидно, что контроль и использование влияния цифры на общество и государство должны осуществляться при взаимодействии различных практик, а настоящие регуляторы, такие как ФСБ России, МВД России, ФСТЭК России, Роскомнадзор и Минцифры России, нуждаются в организации специализированного координационного органа для моделирования цифровых угроз и выработки стратегических мер борьбы с преступностью.

В заключение отметим, что нарастающая цифровизация общества порождает возникновение новых угроз, требующих применения современных подходов к противодействию киберпреступности. Полагаем, что метод цифрового моделирования симулякров позволит не просто реагировать на деструктивную пропаганду, но и разрушать ее механизмы на этапе формирования. При этом данный инструмент должен быть подконтролен только государству в лице специализированного органа.

Список источников

1. Попов Д. В. Цифровой Паноптикон: принимая неизбежное // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93).
2. Расследование преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : науч.-практ. пособие / А. А. Бессонов, Ф. О. Байрамова, И. В. Гарт [и др.]. М., 2021.
3. Бастрыкин А. И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Т. 12, № 4.
4. Равочкин Н. Н. Идея как инструмент социальной инженерии: философский анализ // Социодинамика. 2019. № 12.
5. Бычков В. В., Прорвич В. А. Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4(26).
6. Киреев М. П., Тормозова Е. А. Особенности террористической деятельности в сети Интернет // Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие : сб. мат-лов XXV междунар. науч.-практ. конф. М., 2023.

⁶ URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 23.05.2026).

⁷ URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 20.05.2026).

⁸ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/2055978/ (дата обращения: 21.05.2026).

УДК 343.326 (985)

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-275-279

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Правовое регулирование противодействия международному морскому терроризму в Арктике: опыт и проблемы

Петр Николаевич Кобец

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения
научной деятельности¹,

✉ pkobets37@rambler.ru

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (Москва, Россия)

В отечественной юридической науке вопросы развития правовых основ борьбы с международным терроризмом в границах российской Арктической зоны недостаточно изучены в связи со спецификой данного вопроса. Поэтому целью исследования был выбран анализ правового регулирования противодействия потенциальным угрозам, исходящим со стороны международного террора в Арктике. В качестве эмпирической базы при подготовке работы выступил ряд первичных источников, в частности международных и отечественных документов. Основным методом исследования стал анализ документов не только федерального законодательства по рассматриваемой проблеме, но и актов международного характера. Для подготовки статьи использовался ряд вторичных источников, в том числе ранее проведенных научных исследований, затрагивающих вопросы борьбы с международным терроризмом. Это позволило добиться более полного представления о вопросах развития правового регулирования противодействия международному терроризму в Арктической зоне. Автором сделан ряд выводов, которые сводятся к тому, что для увеличения результативности профилактического воздействия на преступные проявления, совершаемые в Арктическом регионе, важно стремиться к развитию норм отечественного законодательства, а также международного морского и уголовного права. Кроме того, акцентируется внимание на важности проработки вопроса, позволяющего ввести необходимые правовые основания, которыми бы устанавливались ограничения судоходства в Арктике, тем самым обеспечивалась защита безопасности Российской Федерации. В том числе отмечается важность разработки и реализации всего комплекса необходимых законодательных мер, которые в дальнейшем будут минимизировать террористические проявления в Арктическом регионе.

Ключевые слова: законодательные основы, противодействие морскому терроризму, правовое регулирование, уголовное законодательство, международное сотрудничество, национальная безопасность

Для цитирования: Кобец П. Н. Правовое регулирование противодействия международному морскому терроризму в Арктике: опыт и проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 275–279.

Legal Regulation of Fighting International Maritime Terrorism in the Arctic: Experience and Problems

Petr N. Kobets

Doctor of Science (in Law), Professor, senior researcher of the Centre of Organization of Research Work¹,

✉ pkobets37@rambler.ru

¹ All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

In the national law science the issues of legal basis for fighting international terrorism within the Arctic zone of the Russian Federation have not been sufficiently studied due to the specifics of the problem. Therefore, the aim of the research is to analyze legal regulation of fighting potential threats caused by international terror in the Arctic. The empirical basis for the work consists of original sources, including international and domestic documents. The main research method is the analysis of documents not only of federal legislation on the issue under study but also the acts of international character. For writing the article a number of secondary sources was used, in particular scientific studies on issues of fighting international terror conducted earlier. This helped reach a more comprehensive vision of the issues on the development of legal regulation of fighting international terrorism in the Arctic zone. The conclusions made state that in order to increase the effectiveness of preventive influence on criminal acts committed in the Arctic zone it is essential to develop norms of national legislation as well as of international maritime and criminal law. Moreover, the

emphasis is given to the importance of developing the issue, which will help introduce necessary legal basis to establish limits to navigation in the Arctic, thus, provide security of the Russian Federation. It is argued essential to develop and implement the whole complex of necessary legislative measures, which will reduce terrorist manifestations in the Arctic.

Keywords: legislative basis, fighting maritime terrorism, legal regulation, criminal legislation, international cooperation, national security

Citation: Kobets P. N. Legal Regulation of Fighting International Maritime Terrorism in the Arctic: Experience and Problems. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 275–279 (In Russ.).

В современных условиях международная террористическая деятельность получает развитие не только на сухопутной территории, в воздушном пространстве, но и на морских просторах, находящихся за пределами юрисдикций многих стран. С каждым годом усиливаются угрозы российской национальной безопасности, вызванные активизацией международного терроризма, в том числе такой его формы, как морской террор в Арктической зоне. По мнению директора ФСБ России и председателя Национального антитеррористического комитета Александра Бортникова, в сложившихся обстоятельствах важнейшей задачей становится совершенствование правовой базы в области антитеррористической защиты объектов Северного морского пути. Отмечается также важность разработки порядка по минимизации и ликвидации последствий терактов в отношении инфраструктуры Северного морского пути и морской экономической деятельности¹. В связи с этим необходимо стремиться к тому, чтобы имеющиеся международные правовые механизмы могли в необходимом объеме способствовать решению этой весьма непростой проблемы.

В то же время хотелось бы подчеркнуть, что мировое сообщество так и не выработало единого юридического понятия, которое бы определяло международный терроризм. При этом важно отметить, что на сегодняшний день не принято универсальных международных правовых актов, определяющих действия, которые можно отнести к террористическим атакам в морской сфере. Кроме того, не существует универсальных методик, предусматривающих меры борьбы с данными преступными проявлениями [1, с. 5]. Правоприменителями так и не были даны законодательные определения понятию международного морского террора. Вместе с тем представители

русской правовой науки в своих исследованиях не прекращают подобных попыток. В немногочисленных трудах отечественных правоведов можно встретить определения анализируемого явления. Как правило, исследователи данного феномена сходятся во мнении относительно того, что международный морской терроризм — это противоправная транснациональная деятельность, связанная с захватом, угоном, взрывами морских судов, которая привела к человеческим жертвам и существенному материальному ущербу, совершенная в целях запугивания органов госвласти или выраженная в виде несогласия с политическими решениями [2, с. 211].

Среди международно-правовых источников по правовому регулированию борьбы с международным морским террором следует отметить направленные против безопасности морского судоходства Конвенцию 1988 г. о борьбе с незаконными актами, (далее — Римская конвенция 1988 г.)² и Международный кодекс безопасности судов и портовых средств³. В Российской Федерации вопросы обеспечения безопасности портов и их инфраструктуры регламентированы рядом правовых актов, среди которых Федеральный закон «О транспортной безопасности»⁴, Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года⁵, Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации⁶, а также иные акты, в зависимости от субъектов, их принявших, предусматривающие защиту и контроль безопасности в портах и на судах Арктического региона. Базовая государственная модель по обеспечению безопасности в Арктической зоне заложена в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года⁷. В частности, в подп. «е» п. 17 раздела 3 данного документа говорится о том, что

¹ Глава ФСБ выступает за совершенствование антитеррористической защиты в Арктике. URL: <https://tass.ru/politika/2178700> (дата обращения: 21.03.2026).

² Подписана в г. Риме 10 марта 1988 г.

³ Принят 12 декабря 2002 г.

⁴ О транспортной безопасности : федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р.

⁶ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ.

⁷ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645.

выполнение основных задач в сфере обеспечения защиты населения и территорий Арктической зоны от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера осуществляется путем реализации мер по предупреждению экстремистской и террористической деятельности.

Проанализировав отечественное и международное законодательство, регламентирующее вопросы борьбы с международным морским террором, автор пришел к выводу относительно того, что самой дефиниции, характеризующей морскую антитеррористическую безопасность, в настоящее время не существует ни в одном нормативном правовом акте. Кроме того, важно отметить, что в Международном кодексе безопасности судов и портовых средств дается только определение объектов морского террора, но не прилагается разъяснений о том, каким образом противодействовать подобным атакам. В Римской конвенции 1988 г. говорится лишь о том, что морской террор является частью международного, а также упоминается о квалифицирующем признаке морского террора, которым является захват заложников. При этом действия данного международного акта не могут распространяться на морские суда, которые используют как вспомогательные. Такое положение дел существенно затрудняет квалификацию актов международного морского террора. В протокол к данной Конвенции 2005 г. были внесены дополнения, вводящие квалифицирующие признаки отдельных видов преступных посягательств в морском пространстве. В качестве целей данных посягательств вполне возможно совершение преступных деяний по запугиванию общества либо стремление заставить властные структуры и международные организации совершить или воздержаться от совершения каких-то действий. Важно отметить, что для противодействия международному террору вполне допустимо применять различные международные соглашения [3, с. 52–56].

Было бы логичным, чтобы одно из важнейших мест в международном законодательстве, регулирующем взаимодействие по борьбе с международным терроризмом на море, отводилось Римской конвенции 1988 г. и ее протоколам. Между тем данный документ и его протоколы вообще не определяют морского терроризма, тогда как совершенно очевидно, что преступные проявления, охватываемые ст. 3 этого международного акта (захват судов, имущества, применение насилия и др.), совершенные в террористических целях, должны подходить под акты международного террора. Учитывая особенности международного морского террора, необходимо предложить его толкование. Так, международный морской

террор можно было бы определить в виде противоправной насильственной деятельности, целью которой являются запугивание общества, принуждение правительств и международных организаций принимать в интересах международного террора решения, подрыв торгового мореплавания путем захвата морских судов, нападения на объекты инфраструктуры, использования водного транспорта в качестве орудий для совершения терактов.

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что ряд исследователей склонны отождествлять акты морского террора с пиратством, которое совершено для того, чтобы в дальнейшем профинансировать деятельность международных террористических организаций [4, с. 60]. Однако такая точка зрения требует более детальной аргументации, в том числе и относительно того, что морской террор и пиратство имеют некоторые общие черты. Например, сегодня члены этих преступных сообществ не являются частными лицами, совершающими преступные деяния в личных целях, как это было до начала XXI в. В настоящее время все чаще морские террористы — это представители каких-либо государств, несущих ответственность за их незаконную деятельность. Важно отметить, что пираты не афишируют свои преступные действия, выставляя их напоказ, в отличие от международного террора. Кроме того, цель морского террора существенно отлична от пиратства: она носит исключительно открытый политический характер, поскольку выражается в необходимости совершения терактов, направленных на запугивание властей для выполнения ими политических требований [5, с. 141]. Тактика преступной деятельности, как и само поведение представителей данных сообществ, также имеет существенные различия. Таким образом, современные проявления морского террора имеют немало значимых отличий от пиратских проявлений.

В настоящее время правовой режим Арктической зоны регламентирован международно-правовыми нормами, в частности Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.⁸ В то же время данный международный правовой акт не предусматривает международно-правового состава преступных посягательств в морском пространстве, кроме актов пиратства. Обзор, оценка и анализ сформировавшихся и закрепленных в правовых актах основных направлений, касающихся обеспечения безопасности морского транспорта, свидетельствуют о том, что организационно-правовые инструменты, обеспечивающие данное направление деятельности на международном уровне, не в полной мере могут быть эффективными. Именно по этой причине важ-

⁸ Заключена в г. Монтего-Бее (Ямайка) 10 декабря 1982 г.

но продолжать совершенствовать законодательное регулирование в рассматриваемой сфере в нашей стране.

Так, в порядке имплементации положений международного морского права в отечественное законодательство для соответствия статей 271, 351 и 352 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) статьям 101–107 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., устанавливающим основные критерии и дефиниции насилия на море, следует внести изменения, добавив в ст. ст. 227, 271, 351 УК РФ фразу о беспилотных летательных аппаратах, а в ст. 352 УК РФ — о беспилотных морских системах. Предложенные изменения в уголовное законодательство Российской Федерации вместе с приведением его в соответствие с нормами международного законодательства смогут обеспечить более результативное установление мер ответственности за совершение преступных проявлений в сфере морского транспорта. Несомненно, все перечисленные меры окажут положительное влияние на эффективность противодействия рассматриваемым преступным проявлениям. Данные законодательные решения могут обеспечить более результативную борьбу с международным терроризмом в пределах российских территориальных вод, гарантируя тем самым защиту морского транспорта и его инфраструктурных объектов. Обозначенная законодательная редакция также необходима для противодействия потенциальным рискам, которые могут возникнуть не только в сфере арктического судоходства, но и всего морского транспорта, в частности таким угрозам, как использование международными террористами автономных летательных средств и дронов [6, с. 25].

Имеющиеся пробелы отечественного законодательства в рассматриваемой сфере устранимы путем принятия специальной межведомственной инструкции по реагированию на акты морского террора, которая могла бы быть введена постановлением Правительства РФ. В инструкции нужно определить объекты морского террора, являющиеся особо уязвимыми, а также порядок взаимодействия всех заинтересованных структур в борьбе с данной разновидностью международного террора для более эффективной дальнейшей работы. В том числе в данной межведомственной инструкции можно предусмотреть последовательность всех действий, а также схему и план реагирования в случае вмешательства международных террористов в деятельность различного рода объектов арктического морского транспорта и его инфраструктуры.

Автор полностью разделяет позицию отечественных экспертов о том, что «Российская Федерация вынуждена укреплять собственную систему безопасности в Арктической зоне» [7, с. 99]. Не вызывают

возражений утверждения отечественных исследователей, что в дальнейшей перспективе «необходимо провести комплексный пересмотр как государственной политики Российской Федерации в области освоения и развития Арктики, так и международного правового статуса региона» [8, с. 270].

Таким образом, в настоящее время текущая обстановка и реальное положение дел в сфере противодействия международному террору в Арктике предполагают осуществление комплексных решений, направленных на сохранение, дальнейшее гарантирование, укрепление и поддержку безопасности Арктического региона. Приоритет в этой работе должен быть отдан развитию правовых средств.

В заключение необходимо сделать ряд выводов.

Феномен морского терроризма входит в число новейших и опасных рисков, угрожающих государственной стабильности. Важно, что международная террористическая деятельность в рассматриваемой сфере прежде всего касается интересов нашей страны. Поэтому в дальнейшем необходимы более четкие международно-правовые нормы для детального регулирования деятельности, направленной на борьбу с международным морским террором.

Кроме того, требуется более ясное закрепление норм и правил международного сотрудничества государств, а также организаций в процессе расследования актов международного морского террора. В большинстве случаев международное взаимодействие в морских зонах с неблагоприятной террористической обстановкой находится на низком уровне. Данное обстоятельство обусловлено тем, что возможные крупные террористические происшествия в зонах оживленных морских маршрутов могут повлечь за собой их закрытие на долгий срок.

Развивая научную проработку проблемы морского террора, важно делать основные различия между морским пиратством и терроризмом. По правовым характеристикам морской терроризм от пиратства отличают цели, мотивы и методы совершаемых преступных посягательств. Так, морские террористы, готовя и совершая акты террора, преследуют политические цели, а морские пираты, как правило, личные, связанные с незаконным обогащением. В ходе совершения морских террористических атак террористы стремятся нанести максимальный вред имуществу, уничтожая и повреждая его, тогда как пираты его только похищают и присваивают.

Обеспечение антитеррористической безопасности морских судов, перевозок и в целом всей арктической транспортной системы служит ключевым элементом, а также является одним из важнейших условий в работе, связанной с гарантированием и поддержкой национальной безопасности страны как от внутренних, так и от внешних угроз. Именно

для этого в нашей стране следует продолжать разработку и принятие специальных законодательных актов (федеральных, ведомственных, межведомственных), которые могли бы представлять собой единую целостную структуру и совокупность правовых механизмов, гарантирующих антитеррористическую безопасность морского транспорта и его инфраструктуры в Арктике.

В целях обеспечения национальной безопасности нашей страны нужно научно аргументировать и проработать вопрос, позволяющий ввести необходимые правовые основания, которыми вводились бы ограничения судоходства по данному маршруту. Предпринятые меры будут направлены на защиту всей портовой инфраструктуры Арктического региона и иных морских объектов от возможных актов международного терроризма.

Для противодействия международному террору в рассматриваемом регионе отечественным правоохранителям следует реализовать весь комплекс необходимых правовых мер, закрепленных федеральным законодательством и конкретизированных ведомственными нормативными актами. Только эффективное исполнение всех мероприятий может обеспечить в дальнейшем предупреждение, пресечение и раскрытие готовящихся и совершающихся актов международного террора в Арктической зоне.

В перспективе меры защиты от международного морского террора должны представлять собой хорошо выстроенную государственную систему сил и средств, направленных на противодействие данным преступным проявлениям. При этом важно, чтобы эта система обеспечивала полную безопасность всех объектов морской инфраструктуры.

Список источников

1. *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. Борьба государств за безопасность мор. судоходства. М., 1991.
2. *Бреев А. В.* Проблемы правовой регламентации морского терроризма в России // Молодой ученый. 2012. № 10.
3. *Анянова Е. С.* Легитимация международно-правовых мер охраны судоходства от терроризма после нападений 11 сентября 2001 г. // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11(78).
4. *Рощина Т. А., Бутков П. П.* Пиратство и морской терроризм — две стороны одной медали // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в национальных исследовательских университетах : мат-лы междунар. науч.-метод. конф. (г. Санкт-Петербург, 5–7 июня 2014 г.). СПб., 2014. Т. 4.
5. *Крикунов А. В.* Современный морской терроризм // Военный дипломат. 2008. № 2.
6. *Зеленков М. Ю.* Совершенствование управления транспортно-логистическими системами в условиях нарастания угроз морского терроризма и пиратства // Вопросы безопасности. 2019. № 4.
7. *Артамонов В. С.* Правовые основы архитектуры безопасности Арктической зоны Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 10.
8. *Кадочников А. Н., Моргуненко-Крамар Я. Д.* Международный правовой статус Арктики: к вопросу о защите права Российской Федерации на Арктику // Проблемы защиты прав: история и современность : мат-лы XV междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 29 октября 2020 г.). СПб., 2021.

УДК 341.3

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-280-288

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Систематизация вещественных доказательств и способов их хранения при производстве по уголовному делу как необходимое условие эффективности уголовно-процессуального доказывания

Павел Владимирович Фадеев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования¹,

✉ fadeevpv2001@yandex.ru

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

Статья посвящена проблеме систематизации видов вещественных доказательств и способов их хранения в рамках уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Автор анализирует действующее уголовно-процессуальное законодательство (в том числе нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ — ст. ст. 74, 81, 81¹, 82 и др.) и выявляет пробелы и противоречия в правовом регулировании обращения с вещественными доказательствами. Раскрывается понятие вещественных доказательств, включая традиционные объекты, электронные (цифровые) доказательства, живые организмы и биоматериалы; описываются основные этапы и направления хранения вещественных доказательств на всех стадиях уголовного процесса; выделяются ключевые проблемы правоприменительной практики (недостаточная унификация правил, отсутствие единой классификации, сложности с хранением отдельных категорий объектов и т. д.); приводится детализированная классификация вещественных доказательств по критериям физических свойств, правового статуса и иных особенностей (4 группы); рассматриваются специфические требования к хранению отдельных категорий доказательств (денежных средств, оружия, животных, драгоценных металлов, скоропортящихся товаров и др.); обосновывается необходимость разработки единой классификации вещественных доказательств и стандартизированных алгоритмов их хранения. Делается вывод о том, что систематизация видов вещественных доказательств и способов их хранения — необходимое условие эффективности уголовно-процессуального доказывания, обеспечения сохранности доказательств и соблюдения прав участников процесса.

Ключевые слова: вещественные доказательства, уголовное судопроизводство, досудебное производство, хранение вещественных доказательств, классификация доказательств, электронные (цифровые) доказательства, сохранность доказательств, специализированные хранилища, изъятые из незаконного оборота предметы, реализация и уничтожение вещественных доказательств

Для цитирования: Фадеев П. В. Систематизация вещественных доказательств и способов их хранения при производстве по уголовному делу как необходимое условие эффективности уголовно-процессуального доказывания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 280–288.

Systematization of Physical Evidence and Storage Means in Criminal Proceedings as a Necessary Condition of Effectiveness of Proving in Criminal Procedure

Pavel V. Fadeev

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Preliminary Investigation¹,

✉ fadeevpv2001@yandex.ru

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Under consideration is the problem of systematization of types of evidence and storage means within the criminal proceedings in the Russian Federation. The author analyses the current criminal procedural legislation (including norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation — Articles 74, 81, 81¹, 82 etc.) and identifies the drawbacks and contradictions in legal regulation of handling physical evidence. The paper explains the notion of physical evidence, in particular: traditional items, electronic (digital) evidence, live organisms and biomaterial; describes the main stages and areas of keeping physical evidence at all stages of the criminal proceedings; specifies key problems of law enforcement practice (insufficient unification of rules, universal classification missing, difficulties related to keeping certain categories of objects etc.); provides the detailed classification of physical evidence according to the criteria of physical properties, legal status and other peculiarities (4 groups); considers specific requirements to keeping certain

categories of evidence (money, weapon, animals, perishable goods and suchlike); proves the necessity of developing the universal classification of physical evidence and standardized algorithms for its keeping. The conclusion states that systematization of types of physical evidence and means to keep it is the necessary condition of effectiveness of proving in criminal proceedings, evidence protection and observance of rights of the participants in a trial.

Keywords: physical evidence, criminal proceedings, pre-trial proceedings, physical evidence storage, classification of evidence, electronic (digital) evidence, evidence protection, specialized storages, items seized from illegal trafficking, disposal and destroying of physical evidence

Citation: Fadeev P. V. Systematization of Physical Evidence and Storage Means in Criminal Proceedings as a Necessary Condition of Effectiveness of Proving in Criminal Procedure. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 280–288 (In Russ.).

Расследование любого вида преступлений представляет собой уголовно-процессуальную деятельность, в процессе которой следователь (дознатель) осуществляет производство следственных и иных процессуальных действий в строгом соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ). Центральной составляющей расследования выступает система доказательств, среди которых особое место занимают вещественные доказательства (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), выступающие носителями объективной информации об обстоятельствах преступления.

Обязательным элементом работы с вещественными доказательствами является их надлежащее хранение на всех этапах уголовного судопроизводства — от возбуждения уголовного дела до вступления приговора в законную силу и возможного пересмотра дела. Это обеспечивает возможность проведения дополнительных исследований и гарантирует соблюдение прав участников процесса¹.

Под хранением вещественных доказательств понимается процессуальная деятельность, направленная на обеспечение сохранности предмета или документа, имеющих доказательственное значение, а также их признаков и свойств, существенных для установления обстоятельств дела [1, с. 47].

Данный процессуальный институт включает следующие направления: 1) хранение при уголовном деле (в материалах дела или специализированном хранилище); 2) хранение вне уголовного дела (передача на ответственное хранение); 3) реализация, уничтожение, утилизация, переработка предметов до вынесения итогового решения по делу; 4) действия после вынесения итогового решения по делу (уничтожение, переработка, реализация, конфискация, обращение в собственность государства и передача различным субъектам) [1, с. 40; 2, с. 972–973].

Однако на практике субъекты уголовно-процессуальной деятельности испытывают серьезные затруднения при реализации процедур обращения

с вещественными доказательствами, в частности, при определении процедуры их хранения, уничтожения, реализации (продажи) или возвращения законным владельцам. В числе недостатков отмечают как процессуальные, так и организационно-правовые проблемы при хранении, учете, передаче третьим лицам вещественных доказательств, находящихся вне камер хранения, в том числе крупногабаритных, автотранспортных средств, ценностей и денежных средств, древесины, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, изъятых из незаконного оборота [3, с. 6; 4, с. 58].

Проблема усиливается необходимостью параллельного обеспечения сохранности предметов и документов, изъятых в ходе доследственных проверок, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в рамках административного производства, в качестве арестованного имущества. Существенным фактором, усугубляющим ситуацию, выступает недостаточная проработанность базовых положений, регламентирующих системный подход к определению порядка и условий хранения вещественных доказательств как в целом, так и применительно к отдельным их видам [5, с. 40].

На наш взгляд, указанные сложности кроются не только в многообразии материальных объектов, относимых к категории вещественных доказательств (от документальных носителей до высокотехнологичных устройств), и различиях в нормативно-правовом регулировании процедур их формирования, учета, хранения, выдачи и передачи. Еще одним ключевым фактором выступает отсутствие унифицированного подхода к систематизации различных видов вещественных доказательств и способов их хранения как в уголовно-процессуальной доктрине, так и в правоприменительной практике.

Разнообразие материальных и физических объектов, подпадающих под категорию вещественных доказательств, не позволяет ученым сформировать их единое понятие [6, с. 162–163]. В самом общем

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В. Г. Скотникова : постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

виде вещественные доказательства определяются как материальные следы (последствия) преступления или иного расследуемого деяния [7, с. 326]. К ним относят: «предмет материального мира» [8, с. 154], «всякий неодушевленный предмет, обладающий определенными свойствами» [9, с. 14], следы преступления, обнаруженные на материальных носителях [10, с. 33], а также их материальные свойства, признаки и состояния [11, с. 393–394].

Вместе с тем в п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, а также иных нормативных правовых актов² к вещественным доказательствам относят животных, физическое состояние которых не позволяет возратить их в среду обитания, а также водные биологические ресурсы и продукты их переработки.

В условиях активного развития информационно-телекоммуникационных технологий отмечается существенный рост числа преступлений, совершаемых с их использованием. Это ведет к значительному увеличению объема электронных (цифровых, виртуальных) доказательств в уголовном процессе, которые выступают в качестве цифровых следов и приобретают существенное доказательственное значение [12, с. 103].

К числу таких доказательств относятся разнообразные данные, фиксирующие действия субъекта в виртуальной среде: электронная переписка; сведения, извлеченные из мобильных устройств и иных электронных носителей информации; логи серверов; метаданные файлов (включая дату создания,

изменения, геолокацию и авторство), а также информация, размещенная в социальных сетях и на иных интернет-ресурсах [13, с. 107; 14, с. 88; 15, с. 67–71]. Особую категорию составляют электронные активы, полученные в результате совершения преступления: денежные средства на электронных кошельках, криптовалюта, виртуальное имущество в онлайн-играх, цифровые права и иные объекты, обладающие экономической ценностью в цифровой форме [16, с. 149].

В результате современное понятие вещественных доказательств в уголовном процессе существенно расширилось. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 74 УПК РФ к вещественным доказательствам теперь относятся не только традиционные материальные объекты, их свойства и признаки, но и электронные (цифровые) доказательства, а также живые организмы и производные от них биологические материалы (ДНК, образцы тканей, биологические следы), несущие криминалистически значимую информацию.

Различные виды вещественных доказательств и специфические требования к их сохранности в ходе производства по уголовному делу обуславливают дифференцированный подход к способам, порядку и условиям их хранения, учета и передачи. При этом правовое регулирование данных вопросов осуществляется не только нормами уголовно-процессуального законодательства, но и иными нормативными актами³, включая ведомственные положения⁴.

² Об утверждении Правил передачи на хранение, для содержания и разведения или реализации вещественных доказательств в виде животных, физическое состояние которых не позволяет возратить их в среду обитания : постановление Правительства РФ от 2 февраля 2019 г. № 75 (ст. 531) ; О мерах по реализации статьи 54 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (вместе с Правилами реализации и уничтожения безвозмездно изъятых или конфискованных водных биологических ресурсов и продуктов их переработки) : постановление Правительства РФ от 31 мая 2007 г. № 367 (ст. 3031).

³ Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 28 сентября 2023 г. № 1589 (далее — постановление Правительства РФ № 1589) ; О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения (вместе с Положением о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения) : постановление Правительства РФ от 23 августа 2012 г. № 848 (ст. 4900).

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации : приказ СК России от 30 сентября 2011 г. № 142 (документ опубликован не был) ; О некоторых вопросах обеспечения сохранности в органах внутренних дел Российской Федерации изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов, включая электронные носители информации, и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, вещественных доказательств по уголовным делам и арестованного имущества (вместе с Порядком проверки условий хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов, включая электронные носители информации, и документов, до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, вещественных доказательств по уголовным делам и арестованного имущества, правильности ведения их учета, обоснованности их выдачи и передачи на хранение) : приказ МВД России от 23 декабря 2024 г. № 901 (документ опубликован не был).

Ключевым нормативным ориентиром выступает ч. 1 ст. 82 УПК РФ, согласно которой вещественные доказательства подлежат хранению при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела. Кроме того, они должны передаваться вместе с уголовным делом, за исключением случаев, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

В частности, п. 4 ч. 2 ст. 82 УПК РФ регламентирует особый порядок обращения с изъятыми ценностями: после производства необходимых следственных действий они подлежат сдаче на хранение в финансовое подразделение органа, принявшего решение об изъятии, либо в специально оборудованное помещение, обеспечивающее надлежащие условия сохранности, либо в банк или иную кредитную организацию.

Как показывает анализ, нормы уголовно-процессуального закона (ст. ст. 81, 81¹ и 82 УПК РФ) предусматривают определенную систематизацию вещественных доказательств, а также действия, обеспечивающие их сохранность. Вместе с тем некорректность и громоздкость отдельных положений, а также бессистемность таких классификаций затрудняют их использование в правоприменительной деятельности.

В частности, решая задачи классификации способов хранения вещественных доказательств (чч. 3 и 4 ст. 81 УПК РФ), законодатель распределяет вещественные доказательства на основе их физических свойств и качеств. При этом, сравнивая предложенный перечень доказательств с перечнем, указанным в ч. 2 ст. 82 УПК РФ, обнаруживается, что в одном случае упоминаются лишь некоторые виды доказательств (например, деньги, ценности, изъятые из незаконного оборота товары легкой промышленности, алкогольная и табачная продукция), в другом вообще не указываются (например, громоздкие предметы и скоропортящиеся товары, наркотические средства и психотропные вещества, игровое оборудование, электронные носители информации и др.).

Кроме того, нуждаются в дополнительной аргументации способы хранения вещественных доказательств, описанные в ст. 81¹ УПК РФ «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики», так как они ориентируются только на отдельный вид преступлений. Представляется, что такой подход в уголовном судопро-

изводстве, как правило, характеризует узкие рамки отдельного состава преступления или отдельных видов преступлений и выходит за рамки общеправового и кодифицированного закона.

Анализ показывает, что причинами этого может быть следующее.

1. Сложность унификации правил для разнородных объектов. Каждая из перечисленных категорий вещественных доказательств имеет специфические требования к хранению, которые трудно охватить единой нормой права. Например, для скоропортящихся товаров критически важно соблюдение температурных режимов, а для электронных носителей — обеспечение защиты от несанкционированного доступа и сохранения целостности данных.

2. Необходимость учета внешних факторов. Условия хранения могут зависеть не только от природы самого доказательства, но и от обстоятельств конкретного уголовного дела, доступных ресурсов органов расследования, решений суда и т. д.

3. Эволюция законодательства. УПК РФ дополнялся новыми положениями об отдельных видах вещественных доказательств (например, пп. 7¹ и 7² ч. 2 ст. 82 УПК РФ, касающиеся табачной продукции и метанола), но не всегда эти дополнения сопровождались комплексной переработкой всей системы норм о хранении.

4. Комплексный подход к обеспечению сохранности вещественных доказательств, их доказательственных свойств и признаков. Анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что этот процесс осуществляется: 1) в ходе производства следственных действий при их собирании, проверке и оценке; 2) при хранении и учете вещественных доказательств в камере хранения (специальном хранилище) соответствующего органа предварительного расследования; 3) при передаче третьим лицам для их хранения, реализации, уничтожения, переработки, утилизации. Такой дифференцированный подход, учитывающий специфику различных категорий вещественных доказательств, имеет глубокие исторические корни и отражает эволюцию уголовно-процессуальных гарантий достоверности доказательственной базы⁵.

Несмотря на то что классификация вещественных доказательств по видам и свойствам является логичной и системной, существующий перечень не обеспечивает полного охвата всех возможных ситуаций и не всегда позволяет однозначно определить способы и условия хранения конкретных доказательств. Это требует дальнейшего развития нормативной базы и повышенного внимания

⁵ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/ust_ugprav.php (дата обращения: 20.05.2026).

к практическим аспектам реализации существующих норм.

Представляется, что нивелирование указанных проблем возможно при должной систематизации различных видов вещественных доказательств, исходя из их физических свойств и других особенностей. Классификация вещественных доказательств имеет ключевое значение не только для создания оптимального механизма обеспечения сохранности вещественных доказательств, в том числе при передаче третьим лицам, но и надлежащих способов хранения, а также обеспечения законности и эффективности уголовного судопроизводства. Систематизация вещественных доказательств и способов их хранения облегчает учет, передачу и выдачу доказательств. Это особенно важно при необходимости проведения дополнительных и повторных судебных экспертиз, смене органа расследования, направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, передаче дела в суд.

Классификация вещественных доказательств по принципу объемности (физических особенностей) и возможности передачи на хранение в иные места действительно имеет практическую ценность, так как позволяет разграничить режим обеспечения сохранности объектов [17, с. 139]. Заслуживает внимания типология хранения вещественных доказательств, исходя из физических особенностей (объемности) предметов (документов): 1) хранимые при уголовном деле; 2) хранимые в особом порядке и не передающиеся вместе с уголовным делом [18, с. 58]. На наш взгляд, такой подход не учитывает ряд важных аспектов, что ограничивает его универсальность.

Так, вещественные доказательства могут различаться не только по габаритам, но и по материалу, сроку годности, степени опасности, уровню ценности, технологическим особенностям и т. д. [19, с. 110]. Например, скоропортящиеся товары требуют особых условий хранения (температуры, влажности), а взрывчатые вещества — специальных помещений с системами безопасности. Учет только объемности не позволяет в полной мере определить оптимальные условия сохранности.

Кроме того, некоторые предметы имеют особый правовой режим, влияющий на порядок их хранения и дальнейшую судьбу. Например, оборот оружия, наркотических средств, психотропных веществ, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции регулируется специальными нормативными актами. Их хранение, утилизация или реализация подчиняются особым правилам, не связанным напрямую с их объемностью.

Законодательство предусматривает случаи, когда вещественные доказательства подлежат ре-

ализации, уничтожению или утилизации еще в досудебном производстве. Это касается, например, больших партий товаров, имущества, подвергающихся быстрому моральному старению, скоропортящихся товаров, предметов, долго хранить которые опасно. Решение о таких действиях принимается с учетом экономической целесообразности, опасности для окружающих и других факторов, не связанных с объемностью.

Исходя из возможности хранения, определяемой физическими свойствами и качествами, правовым статусом и иными причинами, целесообразно выделить следующие группы вещественных доказательств, сохранность которых обуславливают самостоятельные способы хранения.

I. Вещественные доказательства, сохранность которых возможна при уголовном деле (в материалах уголовного дела, в камере хранения (специальном хранилище) органа предварительного расследования). Вещественные доказательства данной группы включают большинство доказательств, в том числе орудия преступления, предметы со следами преступления, документы в материальной форме и другие объекты, не требующие специальных условий хранения. Как правило, они помещаются в специально оборудованную камеру хранения или специальное хранилище уполномоченного органа, где обеспечиваются необходимые условия сохранности. При этом некоторые доказательства на бумажных носителях (квитанции, расписки и т. д.) подшиваются в уголовное дело.

К этой группе вещественных доказательств целесообразно отнести электронные (цифровые) доказательства, хранение которых требует специальных хранилищ в целях сохранения их физических свойств и содержащейся на них информации. Как отмечается в юридической литературе, электронные доказательства легко подвергаются изменениям и мгновенному уничтожению [20, с. 86]. В связи с этим к следователю (дознавателю) предъявляются повышенные требования по обеспечению их сохранности не только при собирании, проверке и оценке этих доказательств, но и при их хранении, так как основным источником доказательств по преступлениям с применением информационных технологий становятся компьютеры, сотовые телефоны, планшеты и т. п., а также содержащаяся в них электронная (цифровая) информация [21, с. 27].

Следует отметить, что вещественные доказательства в виде механических транспортных средств могут храниться как на стоянках, организованных уполномоченными органами, так и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправле-

ния, а также могут передаваться на хранение (ответственное хранение)⁶.

II. *Вещественные доказательства, предусматривающие особые условия для обеспечения их сохранности.* Анализ нормативных правовых актов, определяющих правовой статус материальных и биологических объектов, порядок и условия их хранения, учета и передачи, позволяет выделить несколько разновидностей вещественных доказательств, способы хранения которых предполагают передачу третьим лицам, обеспечивающим их сохранность вплоть до принятия решения судом:

а) наличные денежные средства в валюте Российской Федерации и иностранной валюте.

Как отмечалось ранее, денежные средства сдаются на хранение в финансовое подразделение органа, осуществляющего производство по уголовному делу, либо передаются на хранение в банк, иную кредитную организацию или возвращаются их законному владельцу, если это возможно без ущерба для доказывания. Аналогичный порядок хранения применяется и к ценным бумагам (облигациям государственных займов, сберегательным книжкам, сертификатам, аккредитивам, чекам и чековым книжкам, билетам денежно-вещевых лотерей и др.)⁷;

б) *огнестрельное оружие (гражданское, ограниченного поражения, газовое), в том числе метательное оружие и боеприпасы к ним.*

Такие вещественные доказательства передаются на хранение в органы внутренних дел и органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации после проверки в экспертно-криминалистических подразделениях, а при отсутствии такой возможности — юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, имеющим условия для их хранения и наделенным правом в соответствии с законодательством Российской Федерации на их хранение, на основании договора хранения⁸;

в) *животные и водные биологические ресурсы, физическое состояние которых не позволяет вернуть их в среду обитания.*

Порядок и место хранения таких животных регулируется п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, а также иными нормативными правовыми актами, в которых определяется, что вещественные доказательства в виде животных передаются на хранение либо для содержания и разведения государственным (муниципальным) унитарным предприятиям и государственным (муниципальным) учреждениям либо иным юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям, имеющим условия для содержания и надлежащего ухода за соответствующими животными⁹;

г) *изделия из драгоценных металлов (лом этих изделий), драгоценных камней и жемчуга, а также драгоценные камни, кустарные ювелирные изделия, монеты из драгоценных металлов.* Согласно постановлению Правительства РФ от 21 ноября 1996 г. № 1378 такие предметы подлежат передаче для хранения в Государственный фонд драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации (Гохран России), являющийся учреждением Министерства финансов Российской Федерации¹⁰;

д) *культурные ценности, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение.* Изъятые предметы, вещественные доказательства, арестованное имущество, имеющие историческую, художественную, научную или иную культурную ценность, по согласованию с Министерством культуры РФ или его территориальными органами передаются на хранение в подведомственные учреждения Министерства культуры РФ. Таким учреждением является Центральный аппарат Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия и ее территориальные органы (далее — Росохранкультура)¹¹.

III. *Вещественные доказательства, хранение которых до окончания производства по уголовному*

⁶ Постановление Правительства РФ № 1589.

⁷ Там же.

⁸ Там же ; *Об утверждении Порядка осуществления приема изъятых, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ* : приказ МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107.

⁹ *Об утверждении Правил передачи на хранение, для содержания и разведения или реализации вещественных доказательств в виде животных, физическое состояние которых не позволяет вернуть их в среду обитания* : постановление Правительства РФ от 2 февраля 2019 г. № 75 ; *О мерах по реализации статьи 54 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (вместе с Правилами реализации и уничтожения безвозмездно изъятых или конфискованных водных биологических ресурсов и продуктов их переработки)* : постановление Правительства РФ от 31 мая 2007 г. № 367.

¹⁰ *О создании при Министерстве финансов Российской Федерации Государственного учреждения по формированию Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней* : постановление Правительства РФ от 21 ноября 1996 г. № 1378.

¹¹ *Об утверждении Временного порядка регистрации Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия и ее территориальными органами культурных ценностей, задержанных или конфискованных таможенными и другими правоохранительными органами, обеспечения их хранения и проведения экспертизы* : приказ Росохранкультуры РФ от 20 сентября 2010 г. № 162 (документ опубликован не был).

делу может быть невозможно или нецелесообразно. Особенностью третьей группы вещественных доказательств, разрешающей выделить их в самостоятельную категорию, на наш взгляд, являются действия, связанные с возможностью их передачи различным субъектам, в том числе для реализации, уничтожения, утилизации, переработки не только на судебных стадиях, но и в досудебном производстве [22, с. 69–77].

С нашей точки зрения, к этой разновидности вещественных доказательств следует отнести: а) предметы, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться в специализированных хранилищах соответствующих органов предварительного расследования, в том числе большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью; б) скоропортящиеся товары и продукция, а также подвергающееся быстрому моральному старению имущество, хранение которого затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которого соизмеримы с его стоимостью пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ.

Следует обратить внимание, что законодатель в случаях, связанных с реализацией и уничтожением вещественных доказательств в любой форме, устанавливает несколько этапов их сохранения после изъятия при производстве следственных и иных процессуальных действий: 1) до получения результатов исследований передаются на хранение в порядке, установленном Правительством РФ; 2) после получения результатов исследований передаются

для уничтожения, утилизации или реализации по решению суда в порядке, установленном Правительством РФ; 3) материалы фото- и видеофиксации указанных вещественных доказательств, их образцов, достаточных для сравнительного исследования, приобщаются к материалам уголовного дела. Кроме того, в ряде случаев предусматривается зачисление средств, вырученных от реализации таких вещественных доказательств, на депозитный счет органа, осуществляющего производство по уголовному делу, или в банк.

По нашему мнению, к этой группе доказательств целесообразно отнести древесину и (или) полученную из нее продукцию в виде лесоматериалов (п. 10 ч. 2 ст. 82 УПК РФ), которые передаются на хранение, реализацию, утилизацию или уничтожение в Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (его территориальный орган).

IV. Изъятие из незаконного оборота вещественные доказательства, сохранность которых обеспечивается до вынесения итогового решения по делу. Исследование показывает, что данная группа вещественных доказательств предусматривает отдельные самостоятельные способы хранения, целесообразность введения которых определяется не только нормами права, но и особенностями их правового статуса, а также физическими качествами и свойствами материального объекта.

К этой подгруппе следует отнести, например, изъятые из незаконного оборота товары легкой промышленности (п. 6 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); алкогольную и спиртосодержащую продукцию (пп. 2–3 ч. 3 ст. 81, п. 7 ч. 2 ст. 82 УПК РФ)¹², табачные изделия и нико-

¹² О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции : постановление Правительства РФ от 28 сентября 2015 г. № 1027 ; Об утверждении Правил уничтожения изъятых или конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, сырья, полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, средств укупорки потребительской тары, используемых для производства этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, федеральных специальных марок и акцизных марок (в том числе поддельных) для маркировки алкогольной продукции и утилизации изъятых или конфискованного основного технологического оборудования для производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и основного технологического оборудования для производства этилового спирта, которое подлежит государственной регистрации : постановление Правительства РФ от 10 августа 2023 г. № 1318.

¹³ О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства» (вместе с Правилами вывоза и хранения изъятых из незаконного оборота табачных изделий, табачной продукции, сырья, никотинсодержащей продукции и никотинового сырья, а также используемых для производства указанных продукции и сырья полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, Правилами уничтожения по решению суда изъятых из незаконного оборота или конфискованных табачных изделий, табачной продукции, сырья, никотинсодержащей продукции и никотинового сырья, а также используемых для производства указанных продукции и сырья полуфабрикатов, производственной, транспортной, потребительской тары (упаковки), этикеток, Правилами демонтажа, вывоза и хранения вне места изъятия из незаконного оборота основного технологического оборудования, указанного в пунктах 2 и 4 части 1 статьи 13 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», Правилами утилизации по решению суда изъятых из незаконного оборота основного технологического оборудования, указанного в пунктах 2 и 4 части 1 статьи 13 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства») : постановление Правительства РФ от 23 апреля 2024 г. № 528.

тинсодержащую продукцию (п. 2² ч. 3 ст. 81, п. 7¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ)¹³. Полагаем, что к этой категории вещественных доказательств целесообразно отнести изъятое игровое оборудование, которое использовалось при незаконной организации и (или) проведении азартных игр (п. 8 ч. 2 ст. 82 УПК РФ). Как правило, указанные вещественные доказательства по решению суда передаются для уничтожения или утилизации¹⁴.

Таким образом, исследование показало, что систематизация действий по хранению вещественных доказательств — необходимое условие эффективности уголовно-процессуального доказывания. Она

устраняет пробелы в законодательстве и правоприменении, обеспечивает сохранность доказательств и их доказательственную ценность, оптимизирует процессуальные процедуры, способствует реализации принципов уголовного процесса.

По нашему мнению, учитывая несовершенство любой подобной классификации, дальнейшее развитие уголовно-процессуальной науки должно быть направлено на разработку единой классификации вещественных доказательств и стандартизированных алгоритмов их хранения, учитывающих специфику различных категорий объектов и современные технологические возможности.

Список источников

1. *Купряшина Е. А., Крахмалева М. В.* Хранение вещественных доказательств: совершенствование норм закона // *Аллея науки*. 2018. Т. 8, № 5(21).
2. *Головкин О. Е., Победкин А. В.* Хранение вещественных доказательств : монография. М., 2019.
3. *Муратов К. Д.* Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2023.
4. *Гончаров М. А.* Незаконный возврат вещественных доказательств // *Законность*. 2012. № 3.
5. *Россинский С. Б.* О порядке приобщения доказательств к уголовному делу // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022. № 6.
6. *Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова*. М., 2008.
7. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
8. *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1916.
9. *Лупинская П. А.* Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // *Российская юстиция*. 1994. № 11. .
10. *Савенко О. В.* Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
11. *Шаханов М. З.* Вещественные доказательства: собирание, проверка, исследование и их оценка // *Актуальные проблемы юриспруденции: единство теории и практики*. Волгоград, 2020.
12. *Никитина Е. В.* Некоторые вопросы собирания электронно-цифровых доказательств // *Технологии XXI века в юриспруденции : мат-лы всерос. науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 2019.
13. *Гаврилин Ю. В., Победкин А. В.* Собирание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 3(47).
14. *Григорьев В. Н.* О регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти // *Вестник Уральского юридического института*. 2019. № 3(85).
15. *Перинов Н. П.* Электронные доказательства в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовые основы, проблемы и перспективы // *Актуальные исследования*. 2025. № 16(251). Ч. II.
16. *Пастухов П. С.* Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 396.
17. *Егоров Н. Н.* Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2005.
18. *Головкин О. Е.* Способы хранения вещественных доказательств как критерий их классификации // *European Social Science Journal*. 2014. № 9-2(48).
19. *Рясов А. А.* Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.

¹⁴ О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции : постановление Правительства РФ от 28 сентября 2015 г. № 1027.

20. *Ермакова Е. С., Джумангалиева Д. М.* Электронные доказательства как новое направление в практике расследования преступлений // Молодой ученый. 2018. № 23(209).

21. *Особенности квалификации и расследования хищений электронных денежных средств, в том числе совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей : учеб. пособие / А. Ю. Ушаков, А. Г. Саакян, Р. С. Поздышев, М. А. Степанова. Н. Новгород, 2022.*

22. *Козловский П. В.* Обращение с вещественными доказательствами, которые в силу громоздкости не могут храниться при уголовном деле // Уголовное право. 2026. № 4.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-289-294

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Виды уголовно-процессуальной деятельности по делам, предварительное следствие по которым приостановлено

Виктория Сергеевна Бектева

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ viktorijajaja@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Раскрывается содержание уголовно-процессуальной деятельности после приостановления предварительного расследования по уголовному делу. На основе анализа Уголовно-процессуального кодекса РФ и практики приостановления уголовных дел выявлена фрагментарность нормативного регулирования и неопределенность границ полномочий следователя после приостановления предварительного расследования по уголовному делу. Предложена авторская дифференциация уголовно-процессуальной деятельности после приостановления предварительного следствия на уведомительную, розыскную, обеспечительную, контрольно-надзорную.

Ключевые слова: приостановление предварительного следствия, уголовно-процессуальная деятельность, уведомительная деятельность, розыскная деятельность, обеспечительные меры, контрольно-надзорная деятельность

Для цитирования: Бектева В. С. Виды уголовно-процессуальной деятельности по делам, предварительное следствие по которым приостановлено // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 289–294.

Types of Criminal Procedural Activity in Cases with Preliminary Investigation Suspended

Viktoria S. Bekteva

post-graduate student of post-graduate courses¹,

✉ viktorijajaja@mail.ru

¹ Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The paper explains the content of criminal procedural activity after preliminary investigation on the criminal case has been suspended. Based on the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and practice of suspending criminal cases the author reveals fragmental character of normative regulation and uncertainty of the investigator's limits of powers after suspending preliminary investigation on the criminal case. There is the author's own differentiation of criminal procedural activity after suspending preliminary investigation into notifying, detective, securing and control supervisory activities.

Keywords: suspending preliminary investigation, criminal procedural activity, notifying activity, detective activity, securing measures, control supervisory activity

Citation: Bekteva V. S. Types of Criminal Procedural Activity in Cases with Preliminary Investigation Suspended. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 289–294 (In Russ.).

В современной следственной практике наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа уголовных дел, предварительное расследование по которым приостановлено¹. Значительная часть уголовных дел фактически остается без движения, а осуществляемая деятельность носит фрагмен-

¹ Проанализировав данные официальной статистики нераскрытых преступлений за последние 5 лет (2019–2024 гг.), мы выявили следующую тенденцию: 2019 г. — 45,21 % преступлений остались нераскрытыми; 2020 г. — 47,15 %; 2021 г. — 46,56 %; 2022 г. — 46,06 %; 2023 г. — 46,81 %; 2024 г. — 48,64 %. Практически половина из зарегистрированных преступлений остаются нераскрытыми, при этом наблюдается устойчивая тенденция к росту количества таких уголовных дел. (см.: сборники состояния преступности в России за январь–декабрь 2019–2024 гг. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 04.01.2026)).

тарный и формальный характер². В науке обоснованно отмечается, что приостановление предварительного следствия не означает прекращения уголовно-процессуальной деятельности по делу. В частности, в литературе последних лет обращается внимание на недостаточную определенность содержания деятельности органов предварительного расследования после вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия, отсутствие единых подходов к пределам полномочий следователя.

Так, В. С. Латыпов указывает на необходимость дальнейшего совершенствования нормативного регулирования института приостановления предварительного расследования с учетом современной правоприменительной практики и результатов научных исследований [1, с. 64–74]. Ж. П. Петухова обращает внимание на отдельные проблемы реализации положений ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), связанные с недостаточной определенностью порядка действий должностных лиц после приостановления предварительного расследования [2, с. 229–238]. Кроме того, изменения, внесенные Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, свидетельствуют о продолжающемся развитии института приостановления предварительного следствия и необходимости его дальнейшего научного осмысления³. В Курсе уголовного процесса под редакцией Л. В. Головки авторы указывают на допустимость сохранения и продления мер пресечения в период приостановления предварительного следствия [3, с. 383], что развивает идею о существовании уголовно-процессуальной деятельности после приостановления предварительного следствия. На этом фоне приостановление предварительного следствия нужно рассматривать как динамическое состояние, где акцент органов предварительного расследования смещается на осуществление отдельных видов уголовно-процессуальной деятельности.

Используя обтекаемые формулировки, законодатель отмечает, что содержание деятельности следователя после приостановления предварительного следствия включает в себя: действия уве-

домительного и разъяснительного характера (ч. 1 ст. 209 УПК РФ); меры по установлению лица в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ). При этом в законе не конкретизируется, какие именно меры следователь должен предпринимать. Далее в ст. 210 УПК РФ подчеркивается организационная роль следователя в случае розыска подозреваемого, обвиняемого. Анализ указанных положений закона приводит к заключению о неопределенности сущности уголовно-процессуальной деятельности после приостановления предварительного следствия⁴. Отсутствие системы деятельности после приостановления предварительного следствия обуславливает необходимость ее теоретической структуризации. В качестве основания дифференциации используется функционально-целевой критерий, отражающий направленность соответствующих процессуальных действий. Указанную деятельность можно дифференцировать на следующие виды: уведомительная, розыскная, обеспечительная, контрольно-надзорная.

Уведомительная деятельность включает в себя действия следователя по незамедлительному информированию всех участников уголовного судопроизводства, чьи права затрагиваются постановлением о приостановлении предварительного расследования. К таковым относятся: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, его представитель, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители (ч. 1 ст. 209 УПК РФ). С 2024 г. введена дополнительная обязанность уведомлять командование воинской части при приостановлении дела по п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ⁵. Н. Ю. Волосова подчеркивает, что информированность участников уголовного судопроизводства о своих правах, процессуальном статусе, возможности обжаловать решения, принимаемые лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, входит в их правовой статус, законность осуществления уголовно-процессуальной деятельности и реализацию права на защиту [4, с. 29–32]. Данная деятельность формирует правовую определенность правового положения участников уголовно-процессуальных отношений и обеспечивает реализацию их закон-

² Сборники состояния преступности в России 2019–2025 гг. URL: <https://мвд.рф//reports> (дата обращения: 04.01.2026).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ (далее — Федеральный закон № 64-ФЗ). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, за период с января 2025 г. по август 2025 г. не раскрыто 541,8 тыс. преступлений, что на 2,9 % больше аналогичного показателя за январь-август 2024 г.; 504,6 тыс. преступлений (+6,5 %) остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. URL: https://мвд.рф/mvd/Glavnij_informacionno_fnfliticheskij_centr (дата обращения: 04.01.2026).

⁵ Федеральный закон № 64-ФЗ.

ных интересов. Кроме того, следователь обязан обеспечить доказуемость исполнения обязанности: копии уведомлений приобщаются к материалам дела. Уведомление должно содержать не только сам факт приостановления уголовного дела, но и разъяснение права на его обжалование прокурору (ст. 124 УПК РФ) или в суд (ст. 125 УПК РФ). Таким образом, уведомительный блок выполняет две ключевые функции: во-первых, формирует определенность в условиях приостановления предварительного расследования по уголовному делу; во-вторых, обеспечивает реализацию законных интересов участников уголовного процесса. Полагаем, что закрепление минимальных стандартов содержания уведомления и процессуально допустимых способов его направления позволило бы устранить правовую неопределенность и повысить гарантированность реализации прав участников уголовного судопроизводства.

Изучение материалов 38 уголовных дел, предварительное следствие по которым было приостановлено, а также результаты интервьюирования сотрудников органов предварительного следствия показали, что в отдельных случаях уведомления участников уголовного судопроизводства ограничивались указанием на факт приостановления предварительного следствия без подробного разъяснения порядка обжалования принятого процессуального решения⁶. При этом сотрудники органов предварительного расследования связывали подобную практику преимущественно с отсутствием детальной законодательной регламентации содержания уведомления и высокой нагрузкой. Подобная практика может затруднять своевременную реализацию участниками уголовного судопроизводства принадлежащих им процессуальных прав. Уведомление о приостановлении предварительного расследования осуществляется путем направления СМС-сообщения, содержащего информацию только о номере уголовного дела и дате его приостановления, что не регламентировано уголовно-процессуальным законодательством. Возникают следующие проблемы: адресаты получают письма спустя продолжительное время, что фактически лишает их возможности своевременно обжаловать постановление. СМС-сообщения могут быть не получены по разным причинам, не зависящим от следователя.

Судебная практика демонстрирует, что ненадлежащее уведомление участников уголовного процесса

может служить основанием для отмены постановления о приостановлении предварительного расследования. Так, суд апелляционной инстанции рассмотрел жалобу потерпевшей о том, что ее не уведомили о приостановлении и последующем возобновлении дознания по уголовному делу, что нарушило ее права, в результате чего суд признал постановления дознавателя о приостановлении предварительного расследования незаконными⁷. Считаем, что уведомительный механизм не гарантирует реализацию прав участников уголовного судопроизводства в полном объеме.

Ученые подчеркивают, что уведомления должны содержать полный объем информации: основание приостановления, описание препятствий, предполагаемые меры по их устранению и ориентировочный срок возобновления дела. Л. А. Москаленко указывает на то, что абстрактные формулировки («болен», «скрылся») не позволяют участникам реально оценить перспективы защиты своих прав [5, с. 273–278]. К. В. Волюнец связывает слабость уведомительного института с нарушением принципа разумного срока [6, с. 181–187].

Д. А. Гришина отмечает, что право на информацию является важным составляющим статуса личности, позволяет иметь представление о предоставленных ей правовых возможностях, средствах их реализации и способах защиты в случае нарушения [7, с. 139].

Таким образом, деятельность следователя по уведомлению участников уголовного процесса после приостановления предварительного расследования в его нынешнем виде не выполняет в полной мере своей гарантированной функции. Формализм и несвоевременность уведомлений препятствуют реализации прав участников уголовного судопроизводства.

Другой вид связан с розыскной деятельностью следователя. Под розыскной деятельностью следователя необходимо понимать часть уголовно-процессуальной деятельности, регламентированной уголовно-процессуальным законодательством, представляющей собой совокупность действий уполномоченных на то субъектов (следователя, органа дознания) по установлению места нахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда [8, с. 211]. Ключевым элементом деятельности органов предварительного расследования после приостановления дела является розыск подозреваемого или обвиняемого (ст. 210 УПК РФ). Если лицо

⁶ При написании статьи были изучены материалы 38 уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено, а также проведено интервьюирование следователей СУ УМВД России по Омской области.

⁷ Решение № 3А-60/2025 3А-60/2025~М-32/2025 М-32/2025 от 9 июля 2025 г. по делу № 3А-60/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sMbr08lyGggP/> (дата обращения: 12.02.2026).

скрылось от следствия либо его местонахождение не установлено, следователь поручает органу дознания осуществление розыска. В рамках розыскной деятельности орган дознания проводит оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»⁸, направленные на установление местонахождения подозреваемого или обвиняемого. Следователь в пределах предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством полномочий организует взаимодействие с органом дознания посредством направления соответствующих поручений, анализирует поступающую информацию о результатах проведенных мероприятий и при необходимости конкретизирует содержание ранее данных поручений.

Изучение материалов 38 уголовных дел, предварительное следствие по которым было приостановлено, показало, что в отдельных случаях поручения, направляемые органам дознания, содержали общий перечень подлежащих выполнению мероприятий, без указания сроков их исполнения и порядка информирования следователя о полученных результатах. По мнению опрошенных сотрудников органов предварительного следствия, подобная практика обусловлена отсутствием единых требований к содержанию поручений, направляемых после приостановления предварительного расследования. По этой причине взаимодействие следователя и органа дознания в отдельных случаях может носить несистемный характер, что затрудняет своевременное устранение обстоятельств, послуживших основанием приостановления предварительного следствия.

На наш взгляд, закрепление требований к содержанию поручений и установление обязанности их регулярного анализа позволило бы повысить эффективность взаимодействия следователя и органа дознания. Например, В. В. Бычков предлагает разработать ведомственные нормативные акты следственных подразделений правоохранительных органов, регламентирующие розыскную деятельность следователя как в ходе расследования преступлений, так и после приостановления предварительного следствия, а также дополнить действующие ведомственные нормативные акты мерами по организации и осуществлению розыскной деятельности

как в ходе расследования преступлений, так и после приостановления предварительного следствия [9, с. 19–23]. В целом такая деятельность на практике не должна быть реализована формально: поручения должны содержать в себе конкретную информацию; необходимо осуществлять постоянный контроль за исполнением таких поручений и определить сроки их исполнения. Считаем, что закрепление требований к содержанию поручений и установление обязанности их регулярного контроля позволило бы минимизировать формальный характер розыскной деятельности.

Следующий вид — обеспечительная деятельность следователя после приостановления предварительного следствия, направленная на реализацию имущественных интересов участников уголовного процесса. Приостановление предварительного следствия не прекращает действие обеспечительных мер, уже принятых в рамках уголовного дела. К ним относятся: наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого и иных лиц (ст. ст. 115, 115¹ УПК РФ); меры по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества; меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников процесса⁹. Следователь обязан продолжать контролировать законность и соразмерность ареста имущества; своевременность продления сроков ареста; необходимость сохранения или отмены мер безопасности в отношении защищаемых лиц.

Реализация обеспечительных мер после приостановления предварительного следствия продолжает оставаться проблемным вопросом на практике. Так, изучение материалов уголовных дел показало, что при длительном приостановлении уголовного дела возникает необходимость периодической оценки соразмерности дальнейшего сохранения ограничений права собственности и иных обеспечительных мер целям уголовного судопроизводства. Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на предписание к соблюдению баланса между публичными интересами уголовного судопроизводства и защитой права собственности при применении и продлении ареста имущества¹⁰. Кроме того, прекращение либо изменение обеспечительных мер в условиях приостановленного производства требует надлежащей процессуальной

⁸ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

⁹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20 августа 2016 г. № 119-ФЗ.

¹⁰ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П.

оценки, поскольку затрагивает права потерпевших, гражданских истцов и иных участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на наличие нормативной основы, вопросы реализации обеспечительных мер в период приостановления предварительного расследования продолжают вызывать отдельные сложности правоприменительного характера. В научной литературе обращается внимание на необходимость повышения эффективности прокурорского надзора за законностью сохранения обеспечительных мер при длительном нахождении уголовного дела в приостановленном состоянии [10, с. 112–114]. В связи с этим обеспечительная деятельность после приостановления предварительного следствия сохраняет значение для защиты имущественных интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Помимо рассмотренных видов деятельности, после приостановления предварительного расследования осуществляется контрольно-надзорная деятельность, направленная на обеспечение законности и обоснованности принятых процессуальных решений, а также соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. Существенное значение в данной сфере принадлежит прокурорскому надзору и ведомственному процессуальному контролю, посредством которых оцениваются основания приостановления предварительного расследования и достаточность принимаемых мер, направленных на устранение обстоятельств, послуживших основанием принятия соответствующего процессуального решения. В научной литературе обращается внимание на необходимость совершенствования процессуальных механизмов контроля

за законностью и обоснованностью приостановления предварительного расследования, а также повышения эффективности прокурорского надзора за такой категорией уголовных дел [10, с. 112–114]. Изучение материалов уголовных дел показало, что при длительном приостановлении предварительного следствия особое значение приобретает своевременная оценка достаточности мер, принимаемых для устранения препятствий к продолжению предварительного следствия.

На наш взгляд, целесообразным представляется совершенствование процессуального порядка осуществления контроля за уголовными делами, предварительное расследование по которым приостановлено, в том числе посредством определения периодичности проверки таких уголовных дел и конкретизации объема мероприятий, подлежащих оценке со стороны прокурора и руководителя следственного органа.

Таким образом, уголовно-процессуальная деятельность после приостановления предварительного расследования носит несистемный и разрозненный характер: отсутствует четкая структура, сроки и критерии оценки качества каждого вида деятельности, что создает неопределенность, препятствует реализации прав участников и нарушает принцип разумного срока. Ученые дают общие подходы к определению уголовно-процессуальной деятельности, но не выделяют ее специфику в условиях приостановления производства по уголовному делу. Предлагаем дифференцировать уголовно-процессуальную деятельность после приостановления предварительного расследования на виды, проанализированные в данной статье, и обеспечить их необходимой нормативной регламентацией.

Список источников

1. *Латыпов В. С.* Размышления о возможных векторах развития института приостановления предварительного расследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 2.
2. *Петухова Ж. П.* Приостановление предварительного следствия в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4(103).
3. *Курс уголовного процесса* / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев ; под ред. Л. В. Головки. М., 2017.
4. *Волосова Н. Ю.* Право на информированность (уведомление) участников уголовного судопроизводства: проблемы правоприменения // Российский судья. 2022. № 9.
5. *Москаленко Л. А.* Уголовно-процессуальные проблемы приостановления предварительного следствия в связи с временным тяжким заболеванием подозреваемого или обвиняемого // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 2(97).
6. *Волынец К. В.* Некоторые проблемы в правовом регулировании принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: Экономика и право. 2013. № 2-1.

7. Гришин Д. А. Право на информацию в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2.
8. *Оперативно-розыскная деятельность : словарь-справочник* / ВНИИ МВД России ; авт.-сост. В. Ю. Голубовский. СПб., 2001.
9. Бычков В. В. Розыскная деятельность следователя: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2014. № 14.
10. Кунов И. М. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.

УДК 342.5

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-295-300

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые науки)

Стратегические документы Президента Российской Федерации: правовая природа и необходимость корректировки подходов

Андрей Викторович Безруков

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права¹; профессор кафедры государственно-правовых дисциплин², ✉ abezrukov@bk.ru

Олег Александрович Кожевников

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права³, профессор кафедры конституционного и международного права⁴, ✉ jktu1976@yandex.ru

¹ Юридический институт Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

² Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия)

³ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

⁴ Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Статья посвящена одним из малозаметных на современном этапе источников российского конституционного права и элементов правового статуса Президента РФ в единой системе публичной власти — стратегическим документам главы государства. Такие акты являются одной из форм реализации конституционных полномочий Президента РФ по определению основных направлений внутренней и внешней политики Российского государства, а также обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. На основе системного анализа отдельных правовых актов Президента РФ стратегического характера авторами доказывается наличие «сложившейся формальности» текстуального и юридического содержания правовых актов Президента РФ стратегической направленности, которые не позволяют в полной мере реализовывать инициативы Президента РФ в качестве юридического инструмента повышения целенаправленности функционирования властных институтов публичного управления, а также выстраивания полноценного взаимодействия между органами местного самоуправления и государственной власти в рамках единой системы публичной власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Ключевые слова: Президент РФ, органы государственной власти, органы местного самоуправления, единая система публичной власти, источники российского конституционного права, стратегические правовые акты главы государства, компетенция органов публичной власти

Для цитирования: Безруков А. В., Кожевников О. А. Стратегические документы Президента Российской Федерации: правовая природа и необходимость корректировки подходов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 295–300.

Strategic Documents of the President of the Russian Federation: Legal Nature and the Need to Adjust Approaches

Andrey V. Bezrukov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Constitutional Law, Administrative Law and Municipal Law¹; Professor at the chair of State and Law disciplines², ✉ abezrukov@bk.ru

Oleg A. Kozhevnikov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Constitutional Law³, Professor at the chair of Constitutional and International Law⁴, ✉ jktu1976@yandex.ru

¹ Law Institute of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

² Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnoyarsk, Russia)

³ Ural State Law University named after Yakovlev V. F. (Yekaterinburg, Russia)

⁴ Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

The article is devoted to one of the currently subtle sources of the Russian constitutional law and elements of the legal status of the President of the Russian Federation in a unified system of public authority — strategic documents of the head of the state. Such acts are one of the forms of implementation of the constitutional powers of the President of the Russian Federation to determine the main directions of the domestic and foreign policy of the Russian state, as well as to ensure the coordinated functioning and

interaction of public authorities. Based on the systematic analysis of certain legal acts of the President of the Russian Federation of a strategic nature, the authors prove the existence of the "established formality" of the textual and legal content of the legal acts of the President of the Russian Federation of a strategic orientation, which do not guarantee implementation of the initiatives of the President of the Russian Federation as a legal tool to increase the purposefulness of the functioning of power institutions of public administration, as well as building full-fledged interaction between local authorities and state authorities within the framework of a unified system of public authority for the most effective solution of problems in the interests of the population living on the relevant territory.

Keywords: the President of the Russian Federation, state authorities, local authorities, a unified system of public authority, sources of the Russian Constitutional Law, strategic legal acts of the head of the state, competency of public authorities

Citation: Bezrukov A. V., Kozhevnikov O. A. Strategic Documents of the President of the Russian Federation: Legal Nature and the Need to Adjust Approaches. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 295–300 (In Russ.).

Современное понимание и место правовых актов Президента РФ в системе источников российского конституционного права в конституционной доктрине динамично изменяется и развивается. При этом анализ системы источников конституционного права России показывает, что на практике ситуация складывается гораздо сложнее, чем теоретические представления о ней. Поэтому в конституционно-правовой науке обоснована необходимость переосмысления и формирования актуальной, воспринимаемой единообразно как доктриной, так и правоприменительной практикой системы источников конституционного права [1, с. 75–122; 2, с. 3–7; 3, с. 3–6; 4, с. 5–9]. По этой причине достойны поддержки попытки актуализации подходов к определению круга источников права и дополнение его некоторыми разновидностями правовых документов, которые пока не получили однозначной оценки с точки зрения их места в традиционной иерархичной системе источников [5, с. 9–18], однако во многом связаны с нормотворчеством главы государства.

На протяжении длительного времени в России целенаправленно реализуются концептуальные основы построения единой системы публичной власти, начало которым было положено в 2020 г. в ходе внесения изменений в текст Конституции РФ. В соответствии со ст. 80 именно Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, а также определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.

Одним из проявлений реализации названного полномочия главы государства является издание им соответствующих актов стратегического характера, имеющих целенаправленный и организующий

характер, для реализации органами, входящими в единую систему публичной власти, своих полномочий. В качестве примеров таких стратегических актов Президента РФ можно назвать указы от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» и др.

Практически во всех актах Президента РФ стратегической направленности закреплено, что они изданы в целях координации деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления в соответствующих сферах государственной политики и обеспечения взаимодействия названных властных институтов с институтами гражданского общества.

Данная цель очень близка конституционно-правовому пониманию принципа единой системы публичной власти, сформулированному в заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3¹. В этом документе федеральный орган конституционного правосудия указал, что «под единством системы публичной власти понимается прежде всего функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

территории». Указанное функциональное единство предполагает участие органов местного самоуправления в выполнении тех или иных имеющих государственное значение публичных функций и задач на соответствующей территории как в порядке деления органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (ч. 2 ст. 132 Конституции РФ), так и в иных формах (постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П²).

Вместе с тем полагаем, что существующая практика издания Президентом РФ документов стратегического характера нуждается в существенной корректировке и «привязке» к сложившейся нормативной регуляции механизмов единой системы публичной власти. Так, 25 декабря 2025 г. Президентом РФ был издан Указ № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». Основным его исполнителем является Правительство РФ, а исполнительным органам субъектов Российской Федерации рекомендовано осуществлять необходимые мероприятия в рамках проводимого Года единства народов России. Никаких иных органов, входящих в сформированную единую систему публичной власти, в акте Президента РФ не упоминается. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, утвержденной Указом Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 (далее — Стратегия, Указ Президента РФ № 858), закреплено, что она лишь рекомендована органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления для руководства при осуществлении своей деятельности в этой сфере с необходимостью предусмотреть разработку планов мероприятий по ее реализации. И это при том, что Стратегия направлена на обеспечение национальных интересов, укрепление исторически сложившегося государственного единства и целостности всего государства, сохранение и защиту этнокультурной самобытности ее народов, гарантирование конституционных прав и свобод граждан, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, а также, особо подчеркиваем, на координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и обеспечение их взаимодействия с институтами гражданского общества.

В отсутствие прямой «императивности» положений текста рассматриваемого акта Президента РФ нельзя не отметить, что в Стратегии прямо

указано на ее комплексный межотраслевой социально ориентированный характер и что она должна способствовать выработке органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества единых подходов к решению задач государственной национальной политики Российской Федерации.

Представляется неоспоримым, что для обеспечения единства подходов к решению заявленных в Стратегии целей и задач они должны быть привязаны к компетенциям соответствующих органов публичной власти. На уровне местного самоуправления такая взаимосвязь до 1 января 2028 г. еще присутствует. Например, к вопросам местного значения городского округа (муниципального округа) отнесены разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального, городского округов, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов, при этом полномочия по реализации данного вопроса местного значения в законе не конкретизированы.

Однако неизбежно настанет время, когда нормы Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» окончательно станут историей нашей страны, а на их место вступят в полномочную силу положения Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — Закон № 33-ФЗ). Статья 32 данного правового акта определяет кардинальным образом иную будущую конструкцию полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Изучение перечня названных полномочий показывает, что среди полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, не подлежащих перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, кроме участия в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципального образо-

² По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования — городского округа «Город Чита»: постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П.

вания, никакого упоминания о реализации элементов, составляющих государственную национальную политику, не имеется.

Среди полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для реализации органами государственной власти субъекта Российской Федерации, присутствует разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов.

Однако в свете ранее отмеченного обстоятельства о рекомендательном характере положений Указа Президента РФ № 858 возникают вопросы: обязаны ли органы местного самоуправления руководствоваться актом Президента РФ или все-таки это их усмотрение? И что делать, если все-таки субъект Российской Федерации своим законом перераспределит полномочие в свою пользу, кто будет отвечать за реализацию положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, поскольку и на органы власти субъектов Российской Федерации не возложены императивные предписания к исполнению данного документа?

Кроме того, в п. 45 Стратегии указано, что реализация государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации осуществляется на основе того, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления принимают меры по укреплению гражданского единства и единого культурного пространства Российской Федерации, сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территориях субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, их языков и культур, по защите прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, национальных меньшинств, по социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации, по профилактике конфликтов на национальной (этнической) и (или) религиозной почве и обеспечению межнационального согласия.

Можно ли ставить знак равенства между исполнением полномочий органов публичной власти

и принятием мер по их реализации? Думается, что нет, поскольку меры могут быть, а вот в достаточной ли степени реализовано полномочие — это уже другой уровень оценки деятельности органов власти.

15 октября 2025 г. подписан Указ Президента РФ № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» (далее — Концепция). Как и во многих иных стратегических документах главы государства Концепция лишь рекомендована органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления к руководству при осуществлении своей деятельности в сфере миграции.

Представляется, что такой подход к определению юридической силы Концепции недооценивает ее роль, особенно в контексте ее заявленной цели — создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны, повышения качества жизни ее населения, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

Названную цель невозможно достигнуть без слаженной координации и взаимодействия всех органов власти, входящих в современную конституционно-правовую конструкцию — единую систему публичной власти. Именно поэтому среди основных принципов миграционной политики рассматриваемая Концепция называет:

- комплексность решения задач миграционной политики с учетом необходимости обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного, культурного и иного развития Российской Федерации;

- учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации;

- координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере миграции и др.

При постановке совершенно четких целей, задач и принципов в Концепции недостаточно ясно определен формат участия в ее реализации органов публичной власти исходя из имеющейся модели распределения компетенции между ними.

Представляется, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления как наиболее задействованные в миграционных процессах на подведомственных им территориях, знающие, где и куда прибывают мигранты, как они расселяются, какие у них жизненные потребности в образовании, культуре, жилье и т. д., должны играть главную роль в реализации миграционной политики.

Указание на участие региональных и местных властей в реализации государственной миграционной политики вовсе не тождественно понятию «исполнение полномочий», тем более что федеральный законодатель уже не одно десятилетие ищет варианты и способы наиболее оптимального перераспределения полномочий между уровнями публичной власти. А заявленные в Концепции цели, задачи и механизмы, очевидно, предполагают их экстраполяцию на действующую систему разграничения компетенции между органами государственной власти как по горизонтали, так и по вертикали.

В 2022 г. председатель Правительства РФ Михаил Мишустин на одном из совещаний по реализации инициатив социально-экономического развития до 2030 г. отметил: «„Государство для граждан“ — это прежде всего новая культура государственного управления. Данная инициатива направлена на то, чтобы сосредоточить работу государственных органов вокруг интересов человека»³.

Полагаем, что именно Правительству РФ как никакому иному органу публичной власти, ответственному за исполнение актов Президента РФ, важна связка между стратегическими документами Президента РФ и системой законодательства о единой системе публичной власти.

Кроме того, «институт участия» органов публичной власти в реализации полномочий иных уровней власти в современном законодательстве, как правило, позиционируется как диспозитивность, усмотрение при наличии соответствующих условий, позволяющих не ущемлять «основную» функцию того или иного органа власти — непосредственную реализацию возложенных законодательством полномочий. Так, в соответствии со ст. 36 Закона № 33-ФЗ, для того чтобы органы местного самоуправления могли участвовать в осуществлении не переданных им государственных полномочий, необходимо: во-первых, принятие представительным органом муниципального образования реше-

ния о реализации права на участие в осуществлении указанных полномочий; во-вторых, расходы за счет средств бюджета муниципального образования (за исключением финансовых средств, передаваемых местному бюджету на осуществление целевых расходов) на осуществление указанных выше полномочий можно осуществлять, если такая возможность предусмотрена федеральными законами, а у нас, как мы понимаем, — стратегические документы, утвержденные Президентом РФ; в-третьих, финансирование полномочий по участию органов местного самоуправления в осуществлении не переданных им государственных полномочий не является обязанностью муниципального образования, реализуется при наличии возможности и не выступает основанием для выделения дополнительных средств из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Чтобы еще больше оценить потенциальные возможности органов местного самоуправления участвовать в реализации не переданных им государственных полномочий, например, в части государственной миграционной политики, можно обратить внимание на цифры Минфина России. Например, в соответствии с официальными результатами мониторинга Минфином России исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 г. значительную часть доходов местных бюджетов составляют межбюджетные трансферты из вышестоящих уровней бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (в 2024 г. — 64,6 % доходов местных бюджетов). В структуре собственных доходов местных бюджетов доля межбюджетных трансфертов, связанных только лишь с финансовым обеспечением реализации собственных полномочий, составляет 49,9 %. Доля расходов на решение вопросов местного значения — 70,4 % расходов местных бюджетов⁴.

В правовой доктрине выработана устойчивая позиция о том, что стратегические документы Президента РФ играют важную роль в определении целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны [6, с. 39–44; 7, с. 29–36; 8]. К таким документам относятся послания Президента Федеральному Собранию, стратегии, доктрины и программы, разрабатываемые и утверждаемые главой государства. Вместе с тем международная обстановка, внутри-

³ Мишустин рассказал о «Государстве для граждан». URL: <https://dzen.ru/a/Yfk-B0TrrjWmZlKd?ysclid=mmqs30lvii17134939> (дата обращения: 16.04.2026).

⁴ Результаты мониторинга местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=312989-rezultaty_monitoringa_mestnykh_byudzhetrov_i_mezhbyudzhethnykh_otnoshenii_v_subektakh_rossiiskoi_federatsii_na_regionalnom_i_munitsipalnom_urovnyakh_za_2024_god (дата обращения: 16.04.2026).

политическое развитие Российского государства, нарастающее формирование институтов единой системы публичной власти и механизмов их реализации очевидно ставят вопрос об изменении подходов к целеполаганию, месту и роли стратегических документов Президента РФ в системе источников российского права⁵ и механизме целенаправленного воздействия на организацию и функционирование институтов публичной власти, их взаимодействия в целях улучшения жизни граждан на соответствующих территориях.

Будучи подзаконными правовыми актами, стратегические документы Президента РФ, по нашему мнению, являются одними из действенных инструментов обеспечения главой Российского государства

согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Чтобы данный инструмент не был «пышной формальностью», важно наполнять его таким содержанием, которое действительно учитывало бы современную модель построения единой системы публичной власти, законодательную регламентацию компетенции государственных и муниципальных органов, иные действенные механизмы реализации президентской инициативы о формировании единой системы публичной власти⁶. Необходимо выстраивать конструктивное взаимодействие между органами публичной власти по горизонтали и вертикали для решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Список источников

1. *Современные проблемы организации публичной власти* : коллективная монография / рук. авт. кол. и отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014.
2. *Тарабан Н. А.* Источники российского конституционного права: соотношение статутных, прецедентных и доктринальных начал // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 9.
3. *Минникес И. В.* Нетипичные источники в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3.
4. *Сергеев А. А.* Актуальные проблемы идентификации источников российского права // Современное право. 2017. № 7.
5. *Ежукова О. А.* К вопросу об актуализации системы источников российского конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2.
6. *Крупницкая Е. А., Окунева А. Н.* Военная доктрина как стратегический ориентир в правовой системе Российской Федерации // Eromen.Global. 2024. № 54.
7. *Умнова (Конюхова) И. А., Саранцева В. С.* Программно-доктринальные и стратегические акты Президента Российской Федерации в системе конституционно-правового регулирования обеспечения гражданского мира и безопасности // Образование и право. 2016. № 10.
8. *Кузнецов В. И.* Послания Президента РФ Федеральному Собранию: политико-правовая сущность и роль в определении курса развития страны : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.
9. *Безруков А. В., Крысанов А. В.* Конституирование поручений Президента Российской Федерации и первый опыт их оформления в сфере миграции // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5.
10. *Обгольц С. А.* Поручения Президента Российской Федерации — локальный правовой акт конституционного уровня // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 7.
11. *Уманская В. П.* Тенденции правотворческой деятельности Президента РФ и направления ее совершенствования // Закон. 2010. № 5.

⁵ В научной литературе ведутся интересные дискуссии о правовой природе поручений, директив, указаний, резолюций Президента РФ [5, с. 13–17; 9, с. 3–7; 10, с. 20–23; 11, с. 29–35].

⁶ *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564146202?ysclid=mmss2pqvwd172406799§ion=status> (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 340.114.5:323.28

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-301-308

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Правовая идеология как основа противодействия экстремизму

Ян Евгеньевич Верхоглядовстарший преподаватель кафедры конституционного и административного права¹,

✉ barnaulaw@mail.ru

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

В XXI в. вопросы противодействия экстремизму являются актуальными как для государства, так и для научного сообщества. Их разрешение осложняется многогранностью данного социального явления. Автор, разделяя формирующийся подход к пониманию экстремизма как деструктивной идеологии, выдвигает гипотезу о перспективности ее предупреждения и пресечения за счет первоочередного противопоставления последней правовой идеологии. В целях трансформации заявленного тезиса в аргументированную теорию осуществлен анализ учебной и научной литературы, нормативных правовых актов, эмпирических данных, а также иных источников. На основе его результатов определена главенствующая роль правовой идеологии в противодействии экстремизму; установлено ее качественное состояние; выявлены современные вызовы, разрешение которых потенциально может способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: правовая идеология, идеология, экстремизм, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму

Для цитирования: Верхоглядов Я. Е. Правовая идеология как основа противодействия экстремизму // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 301–308.

Legal Ideology as the basis for Tackling Extremism

Yan E. Verkhoglyadovsenior lecturer at the chair of Constitutional and Administrative Law¹,

✉ barnaulaw@mail.ru

¹ Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

In the 21st century the issues of tackling extremism are relevant both for the state and the scientific community. Their solution is hampered by the multifaceted character of this social phenomenon. Approving the formed approach to understanding of extremism as a destructive ideology the author builds the hypothesis about availability of its prevention and suppression by prioritized opposing the late legal ideology. In order to transform the stated thesis into the argued theory the author analyzed learning and scientific literature, regulatory legal acts, the empirical data and other sources. This made it possible to define the primary role of the legal ideology in tackling extremism; establish its quality state; identify the current challenges, the solution of which potentially contributes to increasing law enforcement effectiveness.

Keywords: legal ideology, ideology, extremism, extremist activity, tackling extremism

Citation: Verkhoglyadov Ya. E. Legal Ideology as the basis for Tackling Extremism. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 301–308 (In Russ.).

Экстремистская деятельность (экстремизм), представляющая собой вид противоправного поведения, рассматривается сегодня как одна из основных угроз общественной безопасности¹. Действительно, правонарушения подобного рода способны спровоцировать межконфессиональные и межнациональные конфликты, привести к массовым беспорядкам, нарушить работу органов власти, а также

вызвать иные последствия, подвергаящие человека, общество и государство серьезной опасности.

Востребованность научных изысканий, направленных на противодействие экстремистской деятельности, дополнительно подчеркивается систематически регистрируемым ростом преступности в указанной сфере. Так, согласно данным МВД России, за 12 месяцев 2025 г. выявлено 2241 преступление

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

экстремистской направленности (+30,4 %), а террористического характера как крайней формы экстремизма — 5920 (+59,4 %) ².

По итогу анализа сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первые полугодия 2024 г. и 2025 г. становится понятно, что ситуация существенно не отличается от состояния преступности: число административных правонарушений, которые наиболее соответствуют категории «экстремистская направленность», увеличивается. Например, в суды для рассмотрения по существу за 6 месяцев 2024 г. поступило 3523 дела об административном правонарушении по ст. ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ, а по ст. 20.29 КоАП РФ — 192 дела; за аналогичный период 2025 г. по ст. ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ в суды направлено уже 4006 дел, по ст. 20.29 КоАП РФ — 215 дел ³.

Обращаясь к выбору направлений корректировки противодействия экстремистской деятельности, следует учитывать, что основой любой деятельности является сознание человека, где особо важным видится его правовое выражение. По справедливому утверждению И. Л. Ильина, «множество людей искренне могут удивляться тому факту, что в них живет мировоззрение и присутствует эстетический вкус, голос совести, а также правосознание, на наличие которого не влияет знание о нем или какое-либо отношение к нему. Оно участвует и руководит в сложении его жизни и судьбы, располагается в душе, даже когда еще не возник ни „закон“, ни „обычай“» [1, с. 20].

Правосознание как одна из форм общественного сознания выражается совокупностью взглядов и идей, концепций и оценок, чувств и эмоций в отношении всей юридической действительности, где базовыми составными элементами считаются правовые идеология и психология [2, с. 277–278]. Кроме того, значение правового сознания подчеркивается его включением как компонента в одну из групп источников права в идеальном смысле, где содержатся представления о справедливости, правосудии, праве, правовом идеале, правде [3, с. 60]. Социальные и политические изменения, как отмечает Т. Е. Грязнова, сегодня усиливают не только теоретический, но и практический интерес к правосознанию [4, с. 402].

Именно через правовое сознание пропускаются идеи о любых возможных деяниях, выражаясь далее в правомерном или противоправном поведении. Соответственно, совокупность качественных харак-

теристик правовых идеологии и психологии может формировать субъективную сторону преступления либо административного правонарушения. Очевидно, что основой в том числе экстремистской деятельности является правосознание, но в различной степени подвергнутое деформации. Возникает последняя в силу воздействия деструктивной идеологии, оказывающей влияние на рациональные и эмоциональные уровни правосознания, первичное противодействие которой должно быть за счет противопоставления ей правовой идеологии.

Предваряя рассмотрение данной правовой категории, нужно раскрыть сущность идеологии (греч. *ιδεολογία*, *ιδέα* — прообраз, идея; *λογος* — слово, разум, учение) [5, с. 111]. В Толковом словаре русского языка под идеологией понимается система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество [6, с. 236]. Считается, что в историко-философском контексте термин «идеология» был сформулирован французским ученым графом Антуаном Дестют де Траси и впервые разъяснен им в 1796 г. как наука об идеях, их свойствах, законах, отношениях с представляющими их знаками, а также об их происхождении [7, с. 4, 315–316; 8, с. 146; 9, с. 84–85].

Некоторые современные зарубежные авторы предлагают понимать идеологию как часть правовой культуры и распространенную форму политического мышления, стремящуюся зафиксировать значения, по существу, спорных концепций, а следовательно, чье влияние на правовую базу можно систематически анализировать, рассматривая различия в том, как такие концепции интерпретируются в различных правовых контекстах [10, р. 10].

Не меньшей значимостью обладает идеология и для российской юридической науки. Т. Н. Радько писал, что при всей множественности понятий несомненно влияние идеологии, в частности государственной, на право. Так, идеологическая функция права, предопределенная его сущностью, в ходе своего осуществления решает «сверхзадачу», где право становится инструментом идеологии [11, с. 154–155, 159–160].

Обращаясь к современному периоду, В. В. Лазарев выражал озабоченность декларированием отстранения идеологии от Конституции РФ в 1993 г. [12, с. 37], указывая на разрушительные последствия отрицания идеологии государства [13, с. 20]. Позднее, приняв активное участие в деятельности рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ от 2020 г., профессор от-

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2025 г. URL: https://мвд.рф/мвд/Glavnij_informacionno_analiticheskij_centr (дата обращения: 20.03.2026).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.02.2026).

метил положительные черты происходящих процессов как в научной среде, так и на уровне публичной власти, указав на наличие государственной идеологии в России [12, с. 40–44].

В результате ретроспективного анализа высказывается мнение о том, что в период существования СССР и ранее высокой степенью актуальности обладали проблемы в логической связке «государство — идеология — право», в исследовании которых отдельные авторы рассматривали право как объект идеологии и идеологической борьбы, а государство — в качестве ее основного организатора, так как это один из его признаков [14; 15, с. 118–142]. Вместе с тем, по точным замечаниям В. А. Туманова, право не следует считать составной частью идеологии, даже несмотря на тот факт, что оно представляет собой идеологическое явление, складывающееся и развивающееся под воздействием общественного сознания и идеологии [16, с. 332, 336].

Не менее занимательным с научной точки зрения стало обращение к труду «О научных основах коммунизма» 1921 г., где Г. И. Сафаров «надстройку» называл определенной умственной организацией, «идеологией», и там же упоминал о моральной, религиозной, философской, массовой общественной и государственно-правовой идеологии, отмечая влияние последней на «нравственные» понятия [17, с. 28, 43–45, 48].

Из сказанного выше становится очевидным, что в разные исторические периоды идеология, несмотря на многогранность восприятия, степень нормативного регулирования и отношения к ней государства, уже на протяжении длительного времени связана с наукой теории права и государства. Анализ литературы позволяет констатировать, что подходы к пониманию правовой идеологии не менее многообразны. Среди них заслуживают быть отмеченными позиции, где правовая идеология рассматривается: как форма государственной идеологии [18, с. 7]; как целенаправленная деятельность государства, сопряженная с правовым информированием населения, выступающая информационно-ценностной основой правопорядка [19, с. 196–202]; как определенная идеология, отраженная в конкретном типе права и в каждой системе действующего права [16, с. 63]; как политический инструмент, используемый господствующим или мятежным классом, представляющий собой одну из категорий идеологического аспекта права [20, р. 138]; как основной компонент правовой системы современного общества, включающий системы правовых идей, государственных органов и общественных институтов и механизм интерпретации идей [21, с. 11]; как элемент правосознания [22, с. 447]; как идеи о праве и правовом развитии [23, с. 33]; как форма ценностно-нормативного обобщения [24, с. 10]; как

ценностное содержание идеологической функции права [25, с. 20] и т. д.

Таким образом, наблюдая плюрализм мнений о понимании правовой идеологии, более комплексной и всеобъемлющей видится позиция А. И. Клименко, определяющая ее как основной механизм организации идеологической сферы современного общества, содержательно состоящий из системы ценностей, правовых идей, концептов, правовых мифов, концепций [26, с. 13, 15]. В качестве основных правовых функций правовой идеологии рассматриваются: легитимация политического порядка; обеспечение национальной безопасности; либерализация политически организованного общества; формирование гражданского общества и юридического мировоззрения. Полагаем, что, сочетая признаки авторских определений, изложенных ранее, он серьезно расширяет представление и делает его как научную теорию более перспективной для будущих исследований. Налицо достаточная проработанность самого механизма правовой идеологии, где А. И. Клименко включает в последний способы и приемы идеологического воздействия, а также их трансляторов и ретрансляторов [26, с. 15–16, 34–35, 39–40].

Заметим, что идеи профессора получили развитие в изысканиях других ученых. Так, П. О. Шлегель при изучении механизма обеспечения правопорядка констатирует нахождение идеологического компонента на смысловом уровне, доминирующем над операционным, куда включаются нормативные, институциональные, функциональные и непосредственно инструментальные составляющие [27, с. 12–13], тем самым подтверждается весомая значимость правовой идеологии в организации конструирования и выполнения задач государства.

Разделяя и поддерживая точки зрения названных авторов по причине их универсальности и присущего свойства поглощения большинства более частных подходов к пониманию правовой идеологии, мы также имеем представление о фундаментальной роли идеологичности в целостной конструкции понятия «экстремизм», являющегося опорой экстремистской деятельности [28, с. 5]. Поэтому видится, что противодействие экстремизму надлежит совершенствовать изначально не за счет установления новых составов правонарушений, ужесточения мер юридической ответственности, повышения качества профилактики и пресечения экстремистской деятельности. Данные направления, безусловно, востребованы, но должны являться производными от разрешения вопросов более фундаментального характера — повышения степени разработанности правовой идеологии, выявления и устранения дисфункциональных проявлений.

Заметим, что недостатки в правовой идеологии фиксируются исследователями уже как минимум более 20 лет. В диссертационном исследовании В. В. Суханова констатировалась остро и болезненно ощущаемая нехватка правовой идеологии в России [29, с. 5]. После «эпохи перемен» 1991–1993 гг. власть и политические партии предпринимали попытки создать новую идеологию для российского общества, в частности, сформулировать правовую идеологию, где основой для них считалась национальная идея, которая, по мнению Ю. К. Погребной, отсутствовала [30, с. 18]. Более поздний труд Р. А. Казаковой содержал сходное мнение: правовой идеологии в силу деидеологизации общественной жизни, установленной Конституцией РФ, часть положений которой (чч. 1 и 2 ст. 13) во многих случаях абсолютизировалась, нет [25, с. 3].

Принимая и оценивая изложенные критические точки зрения как объективные, справедливости ради укажем на положительные тенденции, фиксирующиеся сегодня. На уровне источников правовой идеологии происходят количественно-качественные изменения, улучшается степень концептуализации правовых идей. Внесением поправок в Конституцию РФ, а затем и изданием Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809⁴ существенно усиливается ценностная составляющая идеологической сферы, где особо выделяется уважение как базис всего перечня традиционных для российского общества и государства ценностей [31, с. 63–64].

Продолжается процесс интерпретации (концептуализации) идей охраны памяти о защитниках Отечества⁵, исторической роли религии в становлении и развитии государственности⁶, ребенка и его нормального развития⁷. Подтверждаются позитивные изменения и активизацией институционального уровня механизма правовой идеологии в виде деятельности трансляторов и ретрансляторов по упрочнению правовых идей патриотизма, единства, преемственность поколений (память поколений) на социально-политическом уровне в рамках мероприятий, связанных с поддержкой специальной военной операции [26, с. 16]. Отдельного упоминания

заслуживает работа Российского общества «Знание»⁸.

Следует заметить, что похожие состояния проходит и более частное направление правовой идеологии — антиэкстремистское. При наличии проблем, связанных с кризисом системы ценностных ориентаций, дефектами правовой системы [32, с. 144–152], пробельностью и несовершенством законодательства о противодействии экстремизму [33, с. 131–167], а также иными причинами, имеются основания заявлять о движении в сторону модернизации. М. А. Буцакова отмечает, что закрепленные в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» в качестве приоритетных направлений цели по формированию системы смысловых и нравственных ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, несмотря на установленное Конституцией РФ идеологическое многообразие, ярко демонстрируют направленность на формирование идеологии [34, с. 7–8]. Об этом же свидетельствуют утвержденные Президентом РФ документы стратегического значения⁹, которые уже неоднократно подвергались обновлению.

Качественная антиэкстремистская правовая идеология способна противодействовать первопричине противоправной деятельности — экстремистской идеологии путем культивирования правовых идей и их концептуализации, создания правовых установок, в целом за счет воздействия на общественное и индивидуальное правосознание различными способами и приемами. Более того, подобная правовая идеология может отражаться и на эффективности решений в рамках правотворчества и правоприменения, в частности, обладает возможностью оптимизировать их и определить стратегию развития.

Безусловно, правовая идеология противодействия экстремизму в Российской Федерации создана, функционирует и развивается. Доказательствами тому считаем наличие сформированной концепции, где нашли отражение правовые идеи, выразившие ценности (равенство, уважение, свободу, историческую память, демократию, безопасность и т. д.);

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

⁵ О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» : указ Президента РФ от 3 апреля 2023 г. № 232 ; О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества : указ Президента РФ от 16 января 2025 г. № 28.

⁶ О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» : федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 319-ФЗ.

⁷ Статьи 6.21–6.21.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) введены Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ.

⁸ О создании Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество „Знание“» : указ Президента РФ от 11 декабря 2015 г. № 617.

⁹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124.

антиэкстремистского законодательства¹⁰; дискурса между государством и гражданским обществом¹¹, где формируется конвенциональный смысл, позволяющий определить стандарты и выстроить баланс ценностей; трансляторов на институциональном уровне самого механизма правовой идеологии¹² и т. д. [26, с. 37].

Одним из существенных препятствий реализации ее основных функций, на наш взгляд, является по-прежнему не разрешенный вопрос о создании легального самостоятельного определения понятия «экстремизм» [33, с. 166–167]. Действующий подход законодателя, при котором экстремизм и экстремистская деятельность — синонимы, а их содержание представляется тринадцатью различными деяниями¹³, допустимо отнести к одной из современных форм проявления излишней казуистичности в процессе правотворчества, требующих серьезного научного осмысления [35, с. 43–45].

Использование приема официально-правовой номинации подобным образом, по нашему мнению, создает дополнительные условия для дисфункциональности правовой идеологии [29, с. 39]. И без того сложные для восприятия широкими массами юридические понятия становятся более недостижимыми для уяснения. Проявляется это даже в деятельности органов власти: в отличие от уголовно наказуемых деяний¹⁴, единого [36, с. 85; 37, с. 50–51] и общедо-

ступного перечня административных правонарушений, который бы бесспорно включал в себя все составы экстремистской направленности, сегодня назвать не представляется возможным. Среди научной общественности также не усматривается единообразия в подходе к категорированию административных правонарушений [38, с. 176–177].

Более того, стоит отметить парадоксальность ситуации: на протяжении как минимум 11 лет документы стратегического значения во всех трех редакциях (2014 г.¹⁵, 2020 г.¹⁶, 2024 г.¹⁷), определяющие правовую политику государства, среди основных направлений противодействия экстремизму вычленяют пресечение и предупреждение административных правонарушений экстремистской направленности. Указом Президента РФ от 21 сентября 2020 г. № 571¹⁸ сходные задачи возлагаются на субъекты системы государственных органов. Однако перечень административных правонарушений, связанных с нарушением антиэкстремистского законодательства, к настоящему моменту официально не сформирован.

В последнее время обостряет ситуацию возникновение новых вызовов для правовой идеологии противодействия экстремизму. Так, наблюдаются тенденции серьезного расширения спектра применения антиэкстремистского законодательства (например, признание экстремистскими движений

¹⁰ О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (далее — Закон о противодействии экстремизму).

¹¹ Проект Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (размещен для общественного обсуждения). URL: <https://regulation.gov.ru/projects/149268/> (дата обращения: 14.03.2026).

¹² О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации : указ Президента РФ от 26 июля 2011 г. № 988.

¹³ Закон о противодействии экстремизму (ст. 1).

¹⁴ Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) (положения примечания 2 к ст. 282¹) ; О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 ; Раздел 1. Результаты рассмотрения уголовных дел по I инстанции по отдельным составам преступлений террористической, экстремистской направленности и иным составам преступлений / Преступления, относящиеся к Перечню при наличии в СК отметки о связи совершенных преступлений с экстремистской деятельностью приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 апреля 2017 г. № 65 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» ; О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. (Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности) ; Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности : указание Генпрокуратуры России от 21 сентября 2018 г. № 602/27.

¹⁵ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753).

¹⁶ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 (утратил силу или отменен).

¹⁷ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124.

¹⁸ О компетентных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года : указ Президента РФ от 21 сентября 2020 г. № 571.

АУЕ¹⁹, ЛГБТ²⁰, компании Meta Platforms Inc.²¹, объединения без наименований с указанием лишь нескольких физических лиц в качестве их членов²²), в должной степени идеологически не обеспеченное. Простейшим решением видится оптимизация структуры механизма функционирования правовой идеологии, выраженная в корректировке способов и приемов воздействия, а также совершенствование работы трансляторов и ретрансляторов идей. Однако позволим себе предположить, что в этих вызовах скрывается глобальная задача, которую придется решать на концептуальном уровне в рамках самостоятельных научных исследований: создание и разграничение самостоятельных институтов противодействия деструктивной и экстремистской идеологии, что обусловит новую организацию идеологической сферы общества.

К примеру, актуализирующему потребность совершенствования правовой идеологии, также отнесем недавние изменения законодательства об административных правонарушениях. При решении очевидно важных задач, направленных на противодействие обороту экстремистских материалов, устанавливаются охранительные нормы (ст. 13.53 КоАП РФ), но толкование авторов «буквы» закона, его «духа» не находит безусловных понимания и поддержки среди представителей юридического сообщества (как теоретиков [37, с. 52–53], так и практиков²³). Подобная ситуация указывает на количественное увеличение недостатков в антиэкстремистской правовой идеологии.

Следовательно, в отсутствие оперативного и адекватного реагирования на перечисленные вызовы создаются предпосылки для отдаления и без того не близких сегментов (юридической идеологии государства и идеологии гражданского общества) социально-политического уровня правовой идеологии в контексте понимания экстремизма²⁴; усложнения легитимации политического порядка; усиления десинхронизации законодательства и т. д. Негативные последствия от несвоевременной работы по модернизации правовой политики наблюдались в так называемом «деле Мотузной»²⁵ и связанными с ним обстоятельствами, вызвавшими серьезный общественный резонанс, повлекшими необходи-

мость подготовки по инициативе Президента страны законопроекта по частичной декриминализации ст. 282 УК РФ.

Недопущение и предупреждение подобного возможно при условии, если полноценной основой противодействия экстремизму становится правовая идеология. Когда механизм организации идеологической сферы современного общества будет находиться на смысловом уровне, возвышаясь и одновременно понижая операционные уровни, на которых обеспечивается нормотворчество, выстраиваются институты, определяются их функциональные и инструментальные аспекты, противодействие экстремизму приобретает системный характер [27, с. 12–13]. В результате взаимодействия гражданского общества и государства, осуществления правового дискурса в поисках баланса и компромиссов, трансформации ценностей в концепты, которые с помощью способов и приемов окажут идеологическое воздействие, именно комплексно и будет выстроено противодействие основе экстремистской деятельности — ее идеологии.

Подведем итог: пока преждевременно называть качество противодействия экстремизму идеальным, а состояние антиэкстремистской правовой идеологии совершенным. Несмотря на высказывание М. А. Рейснера о невозможности никогда и нигде на практике вполне и до конца воплотить ни одну идеологию [14, с. 16], уверены, что в большей части нереализованный потенциал усматривается именно в научно обоснованном развитии механизма организации идеологической сферы современного общества.

В настоящее время наиболее приоритетными направлениями, требующими внимания со стороны всех субъектов противодействия экстремизму, предлагаем считать устранение условий дисфункциональности правовой идеологии за счет оптимизации ее механизма: корректировки приемов официально-правовой номинации в отношении понятия «экстремизм»; улучшения разъяснительной работы лиц, обеспечивающих внедрение идей в общественное сознание, особенно через системы воспитания, образования, науки, средств массовой информации и т. п. Именно первоначальной задачей видится формули-

¹⁹ Верховный Суд РФ признал движение экстремистским и запретил его деятельность на территории Российской Федерации.

²⁰ Верховный Суд РФ признал движение экстремистским и запретил его деятельность на территории Российской Федерации.

²¹ Признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

²² *Перечень* организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 20.03.2026).

²³ *Не штрафовать*, а блокировать сайты. URL: <https://fparf.ru/news/media/ne-shtrafovat-a-blokirovat-sayty/> (дата обращения: 21.03.2026).

²⁴ Верховный Суд признал ЛГБТ-движение экстремистским. Что это значит? URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/11/2023/6568458b9a79471364217d98> (дата обращения: 12.03.2026).

²⁵ *Студентка*, которую судили за мемы, получит сто тысяч рублей компенсации. URL: <https://ria.ru/20190722/1556766621.html> (дата обращения: 12.01.2026).

ровка четкого и ясного определения экстремизма как для сегмента юридической идеологии государства, так и для сегмента идеологии гражданского общества с последующей его интеграцией во всю идеологическую сферу.

Полагаем, что важно поддерживать идею В. В. Лазарева о популяризации разумной критики так называемой «деидеологизации» [12, с. 44], так как она способствует развитию и правовой идеологии,

являющейся основой для совершенствования право-творческой (корректировка законов и подзаконных нормативных актов), правоприменительной (качественное улучшение предупреждения, выявления и пресечения как самого экстремизма, так и причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности), правоинтерпретационной деятельности, а также в целом повышению уровня правовой культуры личности и общества.

Список источников

1. Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М., 1993.
2. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник для вузов. М., 1998.
3. Овчинников А. И., Далгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2(75).
4. Грязнова Т. Е. О юридической науке в эпоху перемен // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 70, № 2.
5. Радченко В. И. Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2(103).
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2007.
7. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М., 2013.
8. Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8.
9. Овчинников А. И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // Философия права. 2012. № 2(51).
10. Lees E. and Shepherd E. Morphological analysis of legal ideology: locating interpretive divergence. Journal of Property, Planning and Environmental Law. 2018. 10(1).
11. Радько Т. Н. Государственная идеология и идеологическая функция права: проблемы взаимосвязи // Права человека и подготовка специалистов для правоохранительных органов в контексте реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: отечественный и зарубежный опыт : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Владимир, 2013.
12. Лазарев В. В. Конституция и аксиология государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1.
13. Лазарев В. В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. 2019. № 4.
14. Рейснер М. А. Государство : пособие к лекциям по общему учению о государстве. М., 1911. Ч.1.
15. Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908.
16. Туманов В. А. Избранное. М., 2010.
17. Сафаров Г. И. О научных основах коммунизма. Петербург, 1921.
18. Цыганкова Д. Ю. Правовая идеология и информационная функция государства: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
19. Суменков С. Ю. Правовая идеология как информативно-ценностная основа правопорядка // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 2.
20. Weitzer R. Law and legal ideology: contributions to the genesis and reproduction of capitalism // Berkeley Journal of Sociology. 1980. Vol. 24/25.
21. Беседин А. А. Правовая идеология как элемент правовой системы современного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
22. Теория государства и права : учебник для вузов / С. С. Алексеев, В. Д. Перевалов, С. И. Архипов [и др.] ; отв. ред. В. Д. Перевалов 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
23. Байков А. Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

24. *Хорольский Г. В.* Государственно-правовая антикоррупционная идеология в структуре российской правовой системы: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
25. *Казакова Р. А.* Идеологическая функция права в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015.
26. *Клименко А. И.* Функционально-структурные характеристики правовой идеологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
27. *Шлегель П. О.* Правовая идеология в механизме обеспечения правопорядка : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.
28. *Самойлов С. Ф.* Противодействие распространению экстремистской идеологии : метод. рекомендации. Краснодар, 2024.
29. *Суханов В. В.* Правовое пространство и его формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
30. *Погребная Ю. К.* Правосознание современного российского общества (вопросы теории и методологии исследования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
31. *Репьев А. Г.* Уважение как проявление преемственности национальной идеи и приоритета государственной идеологии СССР и России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : мат-лы XXII междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г.). СПб., 2025.
32. *Сенин И. Н.* Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
33. *Никитин А. Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.
34. *Бучакова М. А.* Конституционные основы духовной жизни общества // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. (г. Омск, 15–16 декабря 2021 г.). Омск, 2022.
35. *Репьев А. Г.* Пределы казуистичности в правотворческом процессе: упущения регламентации общественных отношений и риски правового усмотрения // Философия права. 2021. № 3(98).
36. *Яворский М. А.* Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: теоретические аспекты // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1(23).
37. *Сигарев А. В.* Административная ответственность за экстремизм и «квазиэкстремизм» // Административное право и процесс. 2025. № 10.
38. *Клейменов М. П.* Соотношение административных и уголовных правонарушений экстремистской направленности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2(31).

УДК 340.11:343

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-309-314

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Секундарные правоотношения в оперативно-розыскной деятельности

Сергей Михайлович Лугович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности

органов внутренних дел¹,

✉ lugovich1982@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Автор аргументирует свою точку зрения относительно наличия правоотношений в сфере оперативно-розыскной деятельности, в том числе при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий компетентными органами в негласной сфере; делает вывод о том, что такие правоотношения могут реализовываться по секундарной модели.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, правоотношения, секундарные правомочия

Для цитирования: Лугович С. М. Секундарные правоотношения в оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 309–314.

Secondary Legal Relations in Operational Search Activity

Sergey M. Lugovich

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Operational Search Activity in Law Enforcement agencies¹,

✉ lugovich1982@mail.ru

¹ Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The author proves his view concerning the legal relations in the field of crime detection activity including those in operational search measures carried out by competent authorities in the covert sphere and makes the conclusion that these legal relations can be implemented according to the secondary pattern.

Keywords: operational search activity, legal relations, secondary powers

Citation: Lugovich S. M. Secondary Legal Relations in Operational Search Activity. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 309 –314 (In Russ.).

Предваряя изложение результатов исследования по заявленной теме, позволим себе выдвинуть ряд тезисов. Во-первых, общественные отношения, складывающиеся между участниками в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), по своей правовой природе являются правоотношениями. Во-вторых, негласная форма осуществления отдельных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) не исключает наличия правоотношений и никак не влияет на объем прав их участников. В-третьих, отдельные правомочия оперативно-розыскных органов осуществляются по секундарной модели.

Термин «секундарное право» (от лат. *secundarius* — вторичный, производный) обозначает такие правомочия, посредством которых управомоченное лицо способно влиять на юридическое по-

ложение других лиц, изменяя или прекращая существующие правоотношения¹.

Полагаем, что теория секундарных правоотношений, традиционно развивавшаяся в рамках цивилистики [1; 2 с. 16–19], обладает значительным эвристическим потенциалом для анализа правоотношений в ОРД. Специфика данной деятельности, связанная с необходимостью быстрого реагирования на изменяющуюся оперативную обстановку, с негласностью значительной части проводимых ОРМ, с определенной степенью усмотрения должностных лиц оперативных подразделений и их руководителей, создает благоприятную почву для существования правовых конструкций, функционирующих по секундарной модели.

Аргументируем свою позицию. Проблема осмысления общественных отношений, складыва-

¹ URL: <https://alrf.ru/articles/o-sekundarnom-prave-ego-sushchnosti-i-obespechennosti-pravovymi-sreddstvami/?ysclid=mgs4jq8ik346083551> (дата обращения: 03.03.2026).

ющихся в сфере применения государственными правоохранительными органами специфических, преимущественно негласных методов и средств противодействия преступности, вызвала интерес исследователей с начала зарождения теории ОРД. Основная суть научных дискуссий сводилась к определению правовой природы таких отношений, их содержания и статуса участников.

Ключевыми темами, которые затрагивались учеными, становились вопросы о том, можно ли считать оперативно-розыскные отношения правоотношениями, что на это указывает, все ли общественные отношения, возникающие в сфере ОРД, следует считать правоотношениями, являются ли они по своей правовой природе самостоятельными оперативно-розыскными правоотношениями или относятся к другим видам правоотношений, какие нормы оперативно-розыскного законодательства следует подвергать анализу для формулирования ответов на эти вопросы.

По этому поводу в литературе встречаются полярные точки зрения, и говорить о том, что в оперативно-розыскной науке к пониманию правоотношений выработан единый подход, не приходится.

Как правило, камнем преткновения, не позволяющим некоторым ученым отнести общественные отношения, возникающие в сфере ОРД, к правоотношениям, тем более имеющим самостоятельную правовую природу, выступает негласность существенной части таких отношений. Как справедливо отмечает А. А. Маслов, данный вид оперативно-розыскных правоотношений наиболее сложен для анализа с позиции теории права, так как в них часто отсутствует сознательное волеизъявление лица, выступающего объектом ОРМ [3, с. 252].

Некоторые авторы, даже признавая наличие оперативно-розыскных правоотношений в целом, все же склонны не относить негласный характер взаимоотношений между их участниками к таковому. Так, А. Г. Маркушин считает, что ОРД характеризуется множественностью отношений между участниками, с присущими им правами и обязанностями, которые могут выступать как в качестве правоотношений, так и не являться таковыми. По мнению ученого, такой посыл необходим для исключения встречающегося мнения о том, что если нет в каком-то виде ОРД правоотношений, то их нет вообще в этой сфере [4, с. 122].

Д. В. Гребельский писал, что при проведении ОРМ в отношении лица, подготавливающего преступление, возникают не правоотношения, а властеотношения, т. е. отношения одностороннего характера [5, с. 135]. С ним солидарен А. Е. Чечетин, который считает, что существование властеотношений, а не правоотношений, характерно при проведении

всех ОРМ в негласной форме. Правоотношения же, по мнению ученого, возникают только при осуществлении ОРД в гласном порядке [6, с. 123–126]. Е. Ю. Дорош, рассматривая правовую природу принуждения в ОРД, придерживается позиций упомянутых выше ученых [7, с. 35].

При аргументации своих точек зрения авторы ссылаются в том числе и на работы В. А. Азарова, который, признавая существование оперативно-розыскных правоотношений в целом, отрицает наличие таковых между должностными лицами органов, правомочных на осуществление ОРД, и правонарушителем, в отношении которого проводятся ОРМ в негласной форме [8, с. 71–75]. В качестве обоснования он приводит доводы о том, что наличие указанных обстоятельств лишает возможности осознавать лицом тот факт, что он становится участником таких отношений, а соответственно, может реализовать свои права и свободы должным образом. Иначе говоря, из структуры данной модели поведения исключается характерный признак правоотношений — юридическая связь между его субъектами.

Е. В. Кузнецов развивает данную точку зрения [9, с. 58–61]. Он полагает, что проведение ОРМ в негласной форме не означает невозможность возникновения правоотношений между органами, осуществляющими ОРД, и лицами, ставшими объектами ОРМ, однако в качестве необходимого условия возникновения таковых называет ситуацию, когда надзорными и контролирующими органами выявляются нарушения прав таких лиц, они ставятся в известность об этом и у них появляются специфические права, предусмотренные Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), например, право обжаловать в особом порядке действия сотрудников оперативных подразделений (ст. 5 Закона об ОРД). Иными словами, правоотношения могут возникнуть только при трансформации негласных ОРМ в гласные или при соответствующей огласке факта проведения негласных ОРМ.

Понимая логику рассуждений ученых, позволим себе высказать несколько иную точку зрения по данному вопросу.

Прежде всего отметим, что правовая связь между участниками, возникающая в сфере ОРД при реализации правовых норм, с позиции теории права содержит основные признаки правоотношений. Это обусловливается тем, что такие отношения, являясь частью общественных отношений, возникают на основе правовых норм, осуществляются посредством реализации субъективных прав и обязанностей сторон, вызываются, изменяются и прекращаются при наличии юридических фактов, имеют свой состав

(субъект, объект и содержание), охраняются государством [10, с. 253–265; 11, с. 411–430].

Согласимся с А. Г. Маркушиным, что структура правовой нормы, регламентирующей ОРД, не имеет существенных отличий от общепризнанной структуры правовых норм и, как правило, включает гипотезу (например, основания проведения ОРМ), диспозицию (формулировку самого правила поведения) и в некоторых случаях санкцию (указание на последствия несоблюдения норм) [4, с. 120].

Представляется, что отношения, складывающиеся между участниками ОРД, по своей правовой природе являются специфическим видом правоотношений. Поэтому их не стоит оценивать исключительно по устоявшимся положениям, «клише» общей теории права. Предложенные учеными конструкции содержания таких правоотношений справедливо могут использоваться в большинстве своем лишь при анализе гласных оперативно-розыскных правоотношений, так как негласная сфера правоприменения в ОРД авторами практически не рассматривается. Стремления же некоторых из них использовать общую теоретическую конструкцию правоотношений при анализе общественных отношений в сфере ОРД иногда напоминают попытки закрыть проекцию одной геометрической фигуры другой, но меньшего размера.

Нам представляется правильной позиция тех ученых, которые считают, что правоотношение, понимаемое только в качестве строгой взаимосвязи субъективного права и соответствующей ему субъективной обязанности, представляет собой лишь элементарную общую модель, так как в действительности «правовые связи» (правоотношения) субъектов права весьма многообразны [12, с. 7–21].

К сожалению, следует констатировать, что фундаментальных исследований по данному вопросу в доступных источниках мы не находим. Следовательно, назрела существенная необходимость более подробного изучения данной темы теоретиками права и ОРД, а может быть и представителями иных смежных отраслей научных знаний.

В контексте рассматриваемой проблемы отметим, что некоторыми учеными еще в 60–70-х гг. прошлого столетия, более чем за двадцать лет до регламентации ОРД на законодательном уровне, отмечалось наличие правоотношений в этой сфере, в том числе с учетом негласности части из них.

Так, С. С. Алексеев справедливо считал, что в силу факта правонарушения у государственных

органов возникает право расследовать, рассмотреть правонарушение и применить в рамках установленной законом процедуры меры государственно-принудительного воздействия, а у правонарушителя — обязанность неукоснительно подчиняться требованиям государственных органов [11, с. 26]. Иными словами, на правонарушителя возлагается обязанность претерпевать законные меры воздействия, применяемые компетентными органами.

В. В. Сергеев придерживался аналогичной позиции и отмечал, что связь между оперативными сотрудниками и лицами, в отношении которых проводятся ОРМ, существует всегда, хотя она может быть и неосознаваемой. То, что преступник, как правило, не владеет информацией, какой именно оперативный сотрудник является его контрагентом, а также не знает существа проводимых последним мероприятий или полагает, что вообще находится вне поля зрения правоохранительных органов, обусловлено объективной спецификой его собственного поведения. Именно эта специфика является причиной негласных действий оперативника, делает вывод ученый [14, с. 32–36].

А. А. Алексеев и Г. К. Синилов также считали, что как раз нарушение юридических обязанностей отдельными лицами влечет вступление их в конфликт с государственными органами — оперативными подразделениями и их должностными лицами. То, что в отношении данного лица проводятся ОРМ, не ставит его «вне закона», не лишает его субъективных прав [15, с. 73–74]. Аргументируя свою точку зрения, ученые вспоминают слова К. Маркса о том, что «всякое право государства по отношению к преступнику есть вместе с тем и право преступника по отношению к государству» [16, с. 150].

Аналогичной позиции придерживается Конституционный Суд РФ, в определении которого отмечено, что в отношениях с государством личность выступает не как объект, на который направлена государственная деятельность, а как равноправный субъект².

Согласимся с В. А. Гусевым, что по своей сути ОРД — это правовая деятельность, выступающая социальным инструментом, призванным обеспечить реализацию норм материального, прежде всего уголовного права [17, с. 4].

О. А. Вагин подчеркивает, что данная деятельность ориентирована на защиту конституционно признанных ценностей, допускает ограничение в целях защиты их конституционных прав личности,

² По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью однойнадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 4-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и уже поэтому ее осуществление и правовое регулирование приобретают конституционно-правовой аспект [18].

Выражая солидарность с учеными, считаем, что негласная форма применения оперативно-розыскных методов и средств государственными органами при решении задач рассматриваемой деятельности вполне вписывается в качестве ее правомерного инструментария.

При этом негласность сама по себе не исключает правоотношений между участниками ОРД и никак не отражается на объеме их прав. Более того, такая форма, с учетом специфики ОРД, является необходимым условием реального существования таких правоотношений, так как конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств закреплены законодателем в качестве принципов данной деятельности.

В рассуждениях на эту тему представляется уместной некая аналогия с уголовно-процессуальными правоотношениями, в которых негласность отдельных следственных действий (контроль и запись переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию) совсем не означает, что они проводятся вне рамок правоотношений.

Кроме того, в контексте рассматриваемого вопроса любопытным представляется то, что в настоящее время в некоторых бывших союзных республиках намечена определенная тенденция интеграции оперативно-розыскных начал в уголовно-процессуальную деятельность путем введения института негласных (специальных) следственных действий (например, уголовно-процессуальные кодексы Казахстана и Молдовы и др.).

Как верно отметили Л. А. Бакланов и Д. А. Бражников, в ситуациях, когда форма ОРМ в ходе его проведения из негласной трансформируется в гласную (например, при задержании сбытчика наркотиков в результате проведения проверочной закупки), у лица появляется лишь повышенная заинтересованность в реализации своих прав, так как ему становится известно о проводимых в отношении него мероприятиях [19, с. 10].

Безусловно, негласность, скрытность некоторых ОРМ, на первый взгляд, потенциально содержит большую угрозу неправомерного ограничения прав граждан, в отличие от таких мероприятий, проводимых в гласной форме, так как объекты, на которых направлена соответствующая деятельность государственных органов, не имеют возможности своевременно отреагировать на нарушение своих прав и свобод. Однако основной целью применения оперативно-розыскного инструментария в негласной форме выступает потребность сокрытия информации от объектов ОРМ о проявлении к ним оперативного ин-

тереса для получения преимущества в тактическом плане, а также стремление исключить возможную нежелательную компрометацию проверяемых лиц и их окружения в случаях их непричастности к преступной деятельности. И в этом ключе применение негласных форм противодействия преступности представляется вполне оправданным.

Что касается защиты прав лиц, вовлекаемых в сферу оперативно-розыскных правоотношений и не осведомленных об этом, заметим, что законодательство предусматривает общие нормы правомерного поведения, а также основания и условия ограничения прав и свобод личности при осуществлении ОРД. Следовательно, пересечение границ указанных норм и (или) наступление (угрозы наступления) обстоятельств, вызванное этим, являются предпосылкой принятия государством соответствующих мер, в том числе оперативно-розыскного характера. Поэтому любое лицо, которое может быть потенциально вовлечено в сферу оперативно-розыскных правоотношений не только как совершившее правонарушение, но и представляющее определенный оперативный интерес (например, выступающее дружественной или родственной связью проверяемого, разрабатываемого), должно понимать, что его права и свободы в определенных обстоятельствах могут быть ограничены на законном основании как в гласной, так и в негласной формах.

В целях защиты прав таких граждан оперативно-розыскным законодательством предусмотрен правовой механизм, предусматривающий контроль и надзор за данным видом правоохранительной деятельности, а также возможность каждого человека обжаловать действия должностных лиц оперативно-розыскного органа по достаточно упрощенной процедуре. Так, лицу достаточно лишь предполагать, а не достоверно знать, что его права и свободы были ограничены при проведении ОРМ, чтобы иметь основания обжаловать действия компетентных органов. Тем самым нивелируется некая кажущаяся «усеченность» прав граждан, вовлекаемых в орбиту негласных оперативно-розыскных правоотношений.

Таким образом, делаем промежуточный вывод о том, что в абсолютном большинстве нормы оперативно-розыскного законодательства реализуются в форме правоотношений, в том числе и негласно.

Какова же юридическая природа негласных правоотношений в ОРД, складывающихся между оперативными подразделениями органов, правомочных на осуществление ОРД, их сотрудниками и лицами, вовлекаемыми в данную сферу в качестве объектов ОРМ?

Учитывая, что теорией ОРД, как нами было отмечено ранее, не выработан единый подход по данному вопросу, представляется целесообразным обратиться к смежным отраслям научных знаний. Прежде всего в контексте рассматриваемой проблемы представляют интерес теоретические положения, раскрывающие содержание особого вида односторонних правоотношений, к которым относятся *секундарные правоотношения*.

Так, изучение результатов проведенного нами контент-анализа положений Закона об ОРД позволяет выдвинуть тезис о том, что ряд правовых возможностей органов, правомочных на осуществление ОРД, и их должностных лиц по своей юридической природе являются секундарными правами (правомочиями). К этому выводу мы приходим, выделив ключевые признаки, свидетельствующие о таких полномочиях оперативно-розыскных органов.

1. Основания возникновения — юридический состав.

Секундарное правомочие возникает не произвольно, а при наличии совокупности условий — юридического состава, предусмотренного нормой права. Прежде всего к таковым следует относить право на проведение ОРМ на основании ст. 7 и соблюдения условий ст. 8 Закона об ОРД, а также право при их проведении изымать документы, предметы, материалы и сообщения, прерывать предоставление услуг связи в соответствии со ст. 15 указанного закона.

2. Односторонний властный характер реализации с воздействием на чужую правовую сферу.

Для реализации секундарного правомочия не требуется согласия или встречного волеизъявления другого участника правоотношений, достаточно единоличного решения уполномоченного субъекта, санкционированного правом.

3. Право на преобразование правового статуса иных участников правоотношений, изменение в их правовой сфере.

Реализация секундарного правомочия изменяет правовой режим (ситуацию) для всех участников отношения.

4. Пассивная обязанность других участников правоотношений.

Лица, в отношении которых проводятся ОРМ, обязаны претерпевать их проведение, если они не нарушают их абсолютных прав. У них не появляется корреспондирующей обязанности, активных действий (как в обязательстве) обязанное лицо не совершает.

В правомочиях иных участников оперативно-розыскных правоотношений, исходя из выделенных признаков, секундарных полномочий мы не находим.

Соответственно, применительно к ОРД секундарные правоотношения можно определить как урегулированные нормами оперативно-розыскного законодательства общественные отношения, в которых уполномоченный оперативно-розыскной орган (его должностные лица) обладает правомочием на совершение одностороннего юридически значимого действия, влекущего за собой возникновение, изменение или прекращение оперативно-розыскных правоотношений, другие участники которых обязаны претерпевать правовые последствия данного действия.

Понимание и принятие концепции о секундарной природе ключевых полномочий оперативно-розыскного органа помогает идентифицировать те моменты ОРД, где, как и при каких условиях права человека и гражданина могут быть затронуты односторонним решением, в том числе посредством негласного правоприменения. При таком подходе также акцентируется внимание на необходимости строгой регламентации соответствующих форм контроля и прокурорского надзора за такими решениями, так как именно использование секундарных полномочий оперативно-розыскным органом, особенно при их реализации в негласной форме, создает широкий диапазон дискреционного усмотрения соответствующих должностных лиц, следовательно, и больше предпосылок для неправомерного ограничения прав граждан.

Таким образом, концепция секундарных оперативно-розыскных правоотношений является адекватным и продуктивным инструментом анализа общественных отношений в сфере ОРД, позволяющим систематизировать знание о полномочиях оперативно-розыскного органа (его должностных лиц), выявить их специфику и создать более стройную теоретическую модель правового положения участников рассматриваемых правоотношений.

В заключение отметим следующее.

1. Нормы оперативно-розыскного законодательства в большинстве своем реализуются посредством правоотношений, осуществляемых в том числе в негласной форме.

2. Правоотношения между оперативно-розыскными органами (их должностными лицами) и гражданами, выступающими объектами ОРМ, могут реализовываться также и по секундарной модели.

Наши выводы не претендуют на истину в последней инстанции, представляется необходимым и целесообразным дальнейшее научное исследование и осмысление всех перечисленных явлений с учетом их многообразия и невозможности уложить их содержание в единую традиционно понимаемую, т. е. элементарную (стандартную) модель правоотношений.

Список источников

1. Бычков А. Секундарные права. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Тужилова-Орданская Е. М. Классификация секундарных прав // Гражданское право. 20220. Вып. 1.
3. Маслов А. А. Необходимость дорожной карты для развития оперативно-розыскной отрасли права // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М., 2017.
4. Маркушин А. Г. О правовом регулировании и правоотношениях в оперативно-розыскной деятельности // Проблемы теории и практики в оперативно-розыскной деятельности в современных условиях : межвуз. сб. науч. тр. М., 1993.
5. Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977.
6. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006.
7. Дорош Е. Ю. Правовое регулирование принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023.
8. Азаров В. А. Содержание и форма оперативно-розыскных правоотношений // Государство и право. 1998. № 10.
9. Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014.
10. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М., 2016.
11. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2010.
12. Ем В. С., Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19, № 4.
13. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
14. Сергеев В. В. О природе правоотношений, возникающих в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Труды Высшей школы МВД СССР. 1972. Вып. 9.
15. Алексеев А. А., Синилов Г. К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. М., 1972.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. М., 1954. Т. 1.
17. Гусев В. А. Юридические процедуры в оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2016.
18. Вагин О. Г. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности : научный доклад. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Бакланов Л. А., Бражников Д. А. Правовой статус лица, вовлекаемого в оперативно-розыскные мероприятия // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 21 ноября 2014 г.). Краснодар, 2015.

УДК 340.13:34.03

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-315-320

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Почетный правовой статус как отражение юридической памяти: правовые, этические и символические аспекты

Дмитрий Валерьевич Малик

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров¹,

✉ malik.ufa@mail.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

В условиях трансформации правовой системы возрастает роль юридических конструкций, обеспечивающих преемственность развития права и государства, укрепляющих правовую культуру, национальный суверенитет и идентичность. В статье рассматривается почетный правовой статус как институт, выражающий признание заслуг субъекта перед обществом и государством и одновременно функционирующий в качестве механизма сохранения и трансляции юридической памяти. Почетный правовой статус выступает не только мерой поощрения, но и механизмом утверждения правовых идеалов, трансляции профессиональных ценностей и формирования коллективной правовой идентичности. Особое внимание уделяется роли в реализации мемориальной функции права. Сделан вывод о необходимости повышения прозрачности и определенности критериев присвоения почетного правового статуса, особенно сопровождающегося наделением субъекта правовыми преимуществами в форме льгот и привилегий, для усиления воспитательной функции права.

Ключевые слова: правовой статус, почет, заслуга, мемориальная функция права, юридическая память

Для цитирования: Малик Д. В. Почетный правовой статус как отражение юридической памяти: правовые, этические и символические аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 315–320.

Honorary Legal Status as a Reflection of Legal Memory: Legal, Ethical and Symbolic Aspects

Dmitry V. Malik

post-graduate student at the faculty of Science and Science Pedagogical Personnel Training¹,

✉ malik.ufa@mail.ru

¹ Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Under transformation of the legal system the role of legal constructs which maintain succession of the development of law and state strengthening the legal culture, national sovereignty and identity is increasing. The article considers honorary legal status as an institution that expresses recognition of the merits of the subject to society and the state and at the same time that functions as a mechanism for preserving and transferring the legal memory. Honorary legal status acts not only as a measure of encouragement, but also as a mechanism for affirming legal ideals, sharing professional values and forming a collective legal identity. Special emphasis is given to the role in the implementation of the memorial function of law. The author concludes that it is necessary to increase the transparency and certainty of the criteria for awarding honorary legal status, especially accompanied by giving the subject legal advantages in the form of benefits and privileges, in order to strengthen the educational function of law.

Keywords: legal status, honor, merit, memorial function of law, legal memory

Citation: Malik D. V. Honorary Legal Status as a Reflection of Legal Memory: Legal, Ethical and Symbolic Aspects. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 315–320 (In Russ.).

Современная теория права все более активно обращается к проблеме памяти — не только исторической или культурной, но и юридической. Под юридической памятью в самом общем виде понимается способность правовой системы фиксировать,

сохранять и воспроизводить значимые для нее события, нормы, прецеденты и образцы поведения [1, с. 128–135; 2, с. 414–418]. В этом контексте особую значимость приобретают институты, которые, будучи формально закрепленными в праве, одновременно

но выполняют функции хранения и трансляции ценностей, идеалов и исторических ориентиров. Одним из таких институтов выступает почетный правовой статус субъекта общественных отношений.

Несмотря на то что почетные звания, награды и другие формы официального признания широко распространены в российской правовой системе, их теоретико-правовая природа остается недостаточно исследованной. Преобладающий подход сводит их к мерам поощрения, игнорируя более глубокие — символическую, мемориальную и идентификационную функции. Между тем, как отмечается в юридической доктрине, поощрение в праве — это не только стимул, но и знак, указывающий на соответствие поведения субъекта доминирующим в обществе правовым идеалам [3, с. 37–43; 4, с. 108–111].

В свою очередь юридическая память — это не просто архивирование норм или решений, а активный процесс сохранения и актуализации правовых смыслов. Право, как известно, существует не только в текстах, но и в памяти народа, в его правосознании, в исторических прецедентах, в образах праведников и защитников справедливости. Именно в таком ракурсе и в духе «правового романтизма» писали о памяти классики отечественного правоведения [5, с. 22]. Почетный правовой статус выступает одним из механизмов такой памяти.

Во-первых, он представляет собой юридическую конструкцию фиксации заслуг, имеющих значение не только для конкретного лица, но и для других участников правоотношений, оказывая влияние на последние, изменяя и трансформируя их. Во-вторых, через систему почетных правовых статусов государство транслирует образцы правомерного, общественно полезного поведения, создавая своего рода «канон» правовой добродетели (например, особые трудовые заслуги перед государством и народом, связанные с достижением выдающихся результатов выступают основанием получения почетного правового статуса Героя Труда Российской Федерации)¹. В-третьих, почетный правовой статус институционализирует исторический опыт, делая его частью действующей правовой системы (сегодня перед воинским званием военнослужащего, проходящего военную службу в гвардейской воинской части, на гвардейском корабле, добавляется слово «гвардии»)², что, несомненно, выступает не только стилистиче-

ской аллюзией, но и приемом смысловой передачи информации об историческом прошлом (*гвардия* от итал. *Guardia* — исторически отборная, привилегированная часть войск) [6, с. 112]).

В связи с этим ключевое значение приобретает тезис, что право не может существовать без памяти о тех, кто его творил, защищал и воплощал в жизнь. Почетные правовые статусы — это не бюрократическая формальность, а живые нити, связывающие настоящее с прошлым. Следовательно, можно утверждать, что почетный правовой статус вполне допустимо рассматривать как мемориальный институт права, обеспечивающий не только поощрение, но и сохранность ценностей общества, а также сигнализирующий (информирующий) о них, вдохновляющий не только на правопослушное поведение, но и его максимально высокие формы (героические поступки, производственные подвиги, технологические прорывы и т. д.). Через почетные правовые статусы право и государство «помнят» своих героев и транслируют их примеры следующим поколениям. Это особенно важно в условиях трансформации правовой системы, когда возникают риски утраты преемственности, девальвации традиционных духовно-нравственных ценностей.

Между тем в отечественной юридической доктрине связь между юридической памятью и почетным правовым статусом остается недостаточно исследованной. В то время как зарубежные и отечественные историки, социологи активно работают над формированием концепции сохранения памяти [7; 8], а философы погружаются в этические и иные аспекты памяти [9; 10], юриспруденция преимущественно рассматривает почетные правовые статусы в рамках административного или конституционного права [11], игнорируя их семиотическую и моральную глубину.

Подобная ситуация не может нас удовлетворить. В условиях усиления государственной исторической политики³, роста числа инициатив и законов о «фальсификации памяти»⁴, расширения региональной практики присвоения почетных званий⁵ возникает необходимость теоретико-правового осмысления почетного правового статуса как отражения юридической памяти. Предпримем данную попытку, тезисно остановившись на общем понимании сущности почетного правового статуса, функцио-

¹ Об установлении звания Героя Труда Российской Федерации (вместе с Положением о звании Героя Труда Российской Федерации) : указ Президента РФ от 29 марта 2013 г. № 294. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О воинской обязанности и военной службе : федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ст. 46).

³ Итоги года с Владимиром Путиным. Стенограмма // Рос. газета. 2025. 19 дек.

⁴ Замахина Т. За отрицание геноцида советского народа предложено сажать на три года // Рос. газета. 2026. 2 фев.

⁵ Мерзляков Р. В Волгограде губернатор наградил лучших полицейских // Рос. газета. 2026. 28 янв. ; Его же. В Махачкале наградили горожан, спасших женщину и ребенка из тонущей машины // Рос. газета. 2026. 30 янв.

нальных особенностей и роли в укреплении не только правовой культуры общества, а также мемориальной функции права.

Полагаем уместно начать с краткого обоснования понятия и признаков почетного правового статуса в проекции к юридической памяти. Так, современное государство, стремясь укрепить социальную сплоченность и легитимность публичной власти, все активнее обращается к институтам, сочетающим правовое регулирование и культурную память. Одним из таких выступает почетный правовой статус — особая юридическая конструкция, наделяющая лиц (индивидуальных или коллективных) особым признанием со стороны государства, в силу чего базовые компоненты правового положения (права и обязанности) наполняются почетным содержанием [12, с. 30], а сама конструкция прирастает такими элементами, как правовые преимущества, социальное признание и пр. В отличие от обыденного базового правового статуса, который определяет совокупность конституционных прав и обязанностей, почетный статус имеет еще и символический, моральный и идентификационный характер.

По нашему мнению, почетный правовой статус — это особая разновидность специального правового статуса, представляющая собой систему установленных в нормативных правовых актах почетных прав, обязанностей, правовых преимуществ, гарантий их реализации и ответственности (юридической и моральной), основанная на уважении и признании заслуг субъекта перед обществом и государством, имеющая акцессорный характер по отношению к его основному правовому положению и характеризующаяся поощрительной и стимулирующей природой, тесной связью с институтами чести и достоинства, высокой общественной значимостью. Она направлена на дальнейшее стимулирование общественно полезной деятельности субъекта.

В теории права существует устоявшееся разграничение общего, специального и индивидуального правовых статусов (хорошо известные научному сообществу труды С. С. Алексеева, В. В. Лазарева, Н. И. Матузова и др.). С выделением почетного правового статуса в особый вид может возникнуть вопрос о его классификационной принадлежности. Несмотря на то что присвоение почетного звания оформляется индивидуальным правоприменительным актом в отношении конкретного лица, его юридическая природа соответствует характеристикам специального правового статуса.

Обоснование данной позиции заключается в следующем.

Во-первых, индивидуальный статус представляет собой уникальное, неповторимое сочетание всех правовых положений конкретной личности (биографических, социальных, правовых), тогда как почетный статус является типовой юридической конструкцией, распространяющейся на категорию лиц, обладающих сходными заслугами.

Во-вторых, почетный статус не подменяет собой общий статус гражданина, а существует акцессорно, добавляя к нему специальные права и обязанности (льготы, требования к репутации), что характерно именно для специальных статусов (например, статус военнослужащего, пенсионера).

В-третьих, нормативная модель почетного статуса установлена заранее для неопределенного круга субъектов, что исключает его сведение к сугубо индивидуальному правовому положению.

Таким образом, почетный правовой статус следует квалифицировать как особую разновидность специального статуса, обладающую мемориальной и поощрительной спецификой.

Ключевая особенность почетного правового статуса заключается в том, что он возникает не только с ориентацией на существующие в настоящем времени закономерности развития общественных отношений (как иные специальные правовые статусы, например, осужденные, мигранты, несовершеннолетние и пр.), но и основывается на памяти о подвиге, жертве, труде, гражданском служении. Так, присвоение звания «Герой Российской Федерации»⁶ предполагает, что общество и государство «помнят» о конкретном акте мужества; статус «жертвы политических репрессий»⁷ означает, что страна хранит воспоминания о трагедии прошлого и признает свою историческую ответственность. Таким образом, почетный правовой статус выступает как юридическая форма памяти — способ, которым право не просто фиксирует прошлое, но институционализирует его, наделяя социальной и нормативной устойчивостью. Данная гипотеза соответствует фундаментальным представлениям о социальном и правовом положении человека, неразрывно существующем в связке с памятью [13, с. 41, 95, 356].

Следует провести четкое теоретическое разграничение между обычной фиксацией юридических фактов прошлого (например, наличие судимости, исчисление стажа или применение сроков давности) и мемориальной функцией почетного правового статуса.

⁶ Об установлении звания Героя Российской Федерации и учреждении знака особого отличия — медали «Золотая Звезда»: закон РФ от 20 марта 1992 г. № 2553-1.

⁷ О реабилитации жертв политических репрессий: закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1.

В первом случае право использует информацию о прошлом утилитарно — для обеспечения безопасности правопорядка или стабильности гражданского оборота. Это своего рода «оперативная память» системы, носившая преимущественно регулятивный или охранительный характер. Во втором случае, применительно к почетному статусу, речь идет о ценностно-ориентированной памяти. Здесь прошлое деяние не просто фиксируется, а сакрализируется, превращаясь из индивидуального факта в общественный идеал. Если судимость «помнит» о нарушении для ограничения субъекта, то почетный статус «помнит» о заслуге для вдохновения общества. Таким образом, специфика юридической памяти в данном контексте заключается не в хронологической отсылке к прошлому, а в трансляции смыслов: право выступает не только как регулятор, но и как хранитель коллективной идентичности, превращая биографию конкретного лица в часть исторического нарратива государства.

В отличие от обычного правового статуса (базового, конституционного), который определяется совокупностью прав и обязанностей, вытекающих из общих норм права, почетный правовой статус носит индивидуализированный, элитарный, эксклюзивный характер. Он не является универсальным и не предоставляется автоматически. Его присвоение всегда связано с актом официального признания. Именно наличие объективированных юридических последствий (правовых преимуществ в форме льгот, компенсаций) отличает почетный правовой статус от ведомственных наград или мемориальных знаков, оставаясь в сфере морального поощрения.

Так, почетный правовой статус в Российской Федерации формируется на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном, объективируясь через систему нормативных правовых актов. На федеральном уровне одними из ключевых нормативных актов являются федеральные законы «О ветеранах»⁸, «О реабилитации жертв политических репрессий»⁹ и др. Преамбула первого названного нормативного правового документа прямо указывает, что закон при-

зван обеспечить ветеранам «почет и уважение в обществе», а ст. 1 начинается с формально-юридических условий: «с учетом заслуг...». Следовательно, память о подвиге ветеранов прямо названа основанием для правового признания. Таким образом, оба акта не только устанавливают правовые преимущества как средства улучшения правового положения, но и юридически фиксируют определенную версию прошлого, признавая одни события значимыми, а другие молчаливо игнорируя. Почетный правовой статус — это не просто набор правовых преимуществ, а институционализированное выражение уважения, закрепленное в праве и наделенное символической силой. Эта символическая сила и составляет ядро его связи с юридической памятью.

Важно отметить, что почетный правовой статус не ограничивается федеральными разновидностями. В субъектах России действуют региональные законы, например, о детях войны, тружениках тыла, почетных гражданах¹⁰. По информации из открытых источников, по состоянию на конец 2025 г. в 78 субъектах действовали региональные льготы для «детей войны»¹¹. Данная категория граждан с почетным правовым статусом до настоящего времени не закреплена на федеральном уровне, а подготовленный и внесенный в Государственную Думу РФ в мае 2025 г. законопроект «задержался» на первом чтении и на момент подготовки статьи размещен в системе, к сожалению, как «ожидающий отклонения»¹². Такой показатель децентрализованной политики памяти крайне рискогенен в силу того, что не все субъекты Российской Федерации «вспоминают» о заслугах прошлого.

Важность символической, мемориальной функций почетного статуса подчеркивается и в практике высших судов. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 3 июля 2025 г. № 27-П указал, что предоставление льгот отдельным категориям граждан обусловлено признанием их особого вклада или особых заслуг перед обществом и государством, а также необходимостью компенсации причиненного в прошлом вреда¹³.

⁸ О ветеранах : федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ.

⁹ О реабилитации жертв политических репрессий : закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1.

¹⁰ О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы : закон г. Москвы : закон от 3 ноября 2004 г. № 70.

¹¹ В каких регионах принят закон о детях войны: полный. URL: <https://www.underlaw.ru/news/v-kakih-regionah-prinyat-zakon-o-detyah-voynu-polnyy-obzor> (дата обращения: 02.02.2026).

¹² О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан, пострадавших в период Великой Отечественной войны : проект федерального закона № 909648-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/909648-8> (дата обращения: 02.02.2026).

¹³ По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 18 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, гражданам, пребывавшим в добровольческих формированиях, пенсионное обеспечение которых осуществляется Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации, и членам их семей в связи с жалобой гражданки А. М. Андреевой : постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2025 г. № 27-П.

Эта формулировка прямо связывает статус, память и справедливость: правовые преимущества в форме льгот не являются милостью, а вытекают из долга памяти. Более того, правовые позиции высших судов сводятся к тому, что социальная поддержка должна учитывать реальные потребности и достоинство получателей, а не ограничиваться формальным исполнением обязанностей¹⁴. Это означает, что даже символический статус должен сопровождаться содержательной заботой, иначе он теряет моральный и иной смысл [14, с. 20].

К сожалению, не любая память получает юридическое признание. Например, жертвы Холокоста в России не имеют отдельного почетного статуса (отсутствуют даже официальные статусы памятников жертвам Холокоста)¹⁵, несмотря на то что в Германии, Польше и Израиле они признаны особыми носителями памяти [15]. Примерно такая же ситуация сложилась за пределами бывшего СССР с жертвами сталинских репрессий или лицами, пострадавшими от радиационных катастроф, не признанных таковыми на официальном уровне (например, последствия испытаний на семипалатинском полигоне)¹⁶. Это указывает на избирательность правовой памяти, критерием которой выступает конституционная ценность деяния (защита суверенитета, труд на благо государства). Отсутствие статуса у отдельных категорий свидетельствует не только о политической конъюнктуре, но и о незавершенности процесса трансформации исторической справедливости в юридическую обязанность государства. Как отмечает П. Нора, «места памяти создаются не потому, что память живет, а потому, что она умирает и ее нужно спасти» [7, р. 9].

Особую сложность представляет собой юридическая процедура утверждения либо оспаривания лишения почетного правового статуса. Например, Положением о Почетном гражданине г. Амурска определено, что «Совет депутатов может принять решение о лишении звания „Почетный гражданин“ в случае совершения им действий, несовместимых

с этим званием, порочащих его как человека, гражданина или общественного деятеля»¹⁷. Действительно, в последние годы участились случаи, когда данного специального правового положения лишаются в связи с асоциальным поведением¹⁸, что подтверждено соответствующей судебной практикой¹⁹. Это демонстрирует, что почетный правовой статус — не пожизненная гарантия, а общественно ценное признание, зависящее от актуального морального суждения. Однако такая практика детерминирует весьма сложный вопрос: может ли память быть отозвана? Если, например, ветеран Великой Отечественной войны совершит преступление в возрасте 100 лет, следует ли «забыть» его подвиг? Сложившаяся правоприменительная практика пока не дает однозначного ответа на данный вопрос. Ясно одно — даже в сфере символического признания должно действовать требование справедливости, вытекающее из положений Конституции РФ о равенстве и запрете дискриминации. Игнорирование этого требования ведет не к укреплению памяти, а к ее фрагментации и недоверию к публично-правовым институтам.

Коротко резюмируем изложенный материал.

Во-первых, почетный правовой статус в России является отражением юридической памяти, институциональным механизмом, посредством которого государство не только «помнит», но и официально признает, транслирует определенные версии прошлого. Подобное специальное правовое положение сочетает в себе символическую, моральную и специально-правовые (воспитательную, предупредительную, информационную и пр.) функции, выполняя роль «правового архива» коллективной памяти.

Во-вторых, показанная институционализация имеет избирательный характер: право «помнит» преимущественно о тех событиях и лицах, которые ответственны государственному историческому нарративу. В определенной мере это правильно, однако данное обстоятельство создает риски инструментализации памяти, когда статус используется для легитимации власти.

¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Комарова Александра Валерьевича, Комаровой Светланы Александровны и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами» и подпунктом «б» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы»: определение Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г. № 3011-О.

¹⁵ Ионов Л. Ростовчанин обратился в суд, чтобы вернуть на мемориал упоминание Холокоста // Рос. газета. 2012. 9 авг.

¹⁶ Асылханова Ж. О чем «молчит» бывший Семипалатинский испытательный ядерный полигон. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/o-chem-molchit-byvshij-semipalatinskij-ispytatelnyj-yadernyj-poligon> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁷ Об утверждении Положения о присвоении звания «Почетный гражданин городского поселения «Город Амурск» Амурского муниципального района Хабаровского края: решение Совета депутатов городского поселения «Город Амурск» Амурского муниципального района Хабаровского края от 1 февраля 2018 г. № 352.

¹⁸ Почетных граждан Самарской области предложили лишать звания за порочащие проступки. URL: <https://volga.news/article/733347.html> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.).

В-третьих, не всякая память одинакова в глазах закона и органов публичной власти. Существует иерархия памяти: память о войне приоритетна над памятью о труде, память о жертвах репрессий — над памятью о жертвах других трагедий. Эта иерархия не всегда обоснована объективными критериями, что порождает социальное неприятие нормативных положений и чувство исторической несправедливости.

В-четвертых, почетный правовой статус не является абсолютным. Он может быть оспорен, пересмотрен, субъект может быть его лишен, что свидетельствует о его условной природе. В то же время отсутствие четких критериев для такого пересмотра, ориентирование на оценочные формулировки (например, «проступок, порочащий честь» и пр.) создают угрозу излишней правовой дискреции и ретроспективной морализации.

В-пятых, Конституционный Суд РФ последовательно подчеркивает, что даже символические формы признания должны соответствовать принципам справедливости, недискриминации и уважения достоинства личности. Это означает, что

юридическая память не может быть произвольной, она должна быть справедливой, способной вместить как гордость за подвиги, так и раскаяние за несправедливость.

В этих условиях необходима разработка этических правовых стандартов присвоения почетных статусов, включающих: прозрачность критериев, участие гражданского общества в обсуждении оснований приобретения почетного правового статуса, правовых гарантий от политической инструментализации, унификации подходов относительно категорий субъектов с почетным правовым статусом на федеральном уровне для обеспечения справедливой дифференциации.

Полагаем, что почетный правовой статус может выполнять свою истинную функцию — не делить общество на «помнящих» и «забытых», а укреплять межпоколенческую солидарность через справедливую и всеобъемлющую память. П. Рикер писал, что «жить с памятью — значит жить с долгом» [9, р. 112]. Государство, присваивая почетный правовой статус, берет на себя этот долг и должно нести его с достоинством, честностью и ответственностью.

Список источников

1. Шаповалов А. А., Халиулин В. Е. Система права как особая разновидность социально-правовой памяти // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1.
2. Устьянцев В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Политология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4.
3. Кокурина О. Ю. Об особенностях правовых поощрений // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 170.
4. Дьяченко Е. В. Правовые поощрения как особая разновидность социальных санкций // Философия права. 2010. № 5.
5. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. М., 2010. Т. 4.
6. Военно-юридический энциклопедический словарь. Серия: Право в Вооруженных силах. М., 2008. Вып. 82.
7. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. № 26.
8. Dorzhinova Z., Mantusov A., Salynova O. Historical memory of peoples deported during World War II // Bulletin of Kalmyk University. 2021. № 3(51).
9. Ricoeur P. Memory, History, Forgetting. Chicago, 2004.
10. Margalit A. The Ethics of Memory. Cambridge, 2002.
11. Нигметзянов А. А. Наградные правоотношения: теория, история, техника. СПб., 2020.
12. Репьев А. Г. Почетные права и обязанности: доктрина, практика, техника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1.
13. Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. / сост., вступ. ст. и ком. Ю. Т. Лисицы. М., 1996. Т. 1.
14. Репьев А. Г. Забота о человеке в контексте социальной функции права и государства: доктрина, практика, техника // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4.
15. Сидорова Т. Ю. Политика памяти о Холокосте в современной России: особенности и перспективы // Гуманитарный акцент. 2022. № 1.

УДК 340.113

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-321-327

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Модель государственно-конфессиональных отношений: дивергенция и конвергенция в современных политико-правовых позициях

Шон Нам Нгуен

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права
факультета государственного и административного права¹,

✉ nsnam@hcmulaw.edu.vn

¹ Юридический университет г. Хошимина (Хошимин, Вьетнам)

На протяжении своего исторического развития взаимоотношения между государственными формами и конфессией демонстрировали сложный характер, а также способность как стимулировать, так и сдерживать развитие государств, наций и международных отношений. В статье проводится анализ и обобщение ряда позиций западных, российских и вьетнамских ученых, сопоставляемых в сравнительно-правовой перспективе в целях выявления современного многообразия, единства и взаимодополняемости в понимании моделей взаимоотношений государства и конфессий. Автор приходит к выводу о наличии конвергенции и дивергенции в различных позициях западных, российских и вьетнамских исследователей, что в значительной степени обусловлено конкретными обстоятельствами, включая социокультурный контекст. Дивергенция способствует более эффективному применению теоретических моделей в конкретных обществах и открывает возможности для взаимного заимствования научного опыта между различными исследовательскими традициями. В то же время конвергенция способствует выявлению базовых элементов моделей государственно-конфессиональных отношений, независимо от сугубо географических факторов.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, светское государство, религиозные организации, свобода вероисповедания, классификация отношений между государством и конфессиями

Для цитирования: Нгуен Ш. Н. Модель государственно-конфессиональных отношений: дивергенция и конвергенция в современных политико-правовых позициях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 321–327.

Model of State-Confessional Relations: Divergence and Convergence in Modern Political and Legal Positions

Sơn Nam Nguyen

Candidate of Science (in Law), lecturer at the chair of State and Law of the Faculty of State and Administrative Law¹,

✉ nsnam@hcmulaw.edu.vn

¹ Hồ Chí Minh City University of Law (Hồ Chí Minh, Vietnam)

Through their historical development relationships between the state forms and confession have demonstrated a complicated nature and the capacity both to stimulate and restrain the progress of states, nations and international relations. The article analyzes and summarizes a number of positions of Western, Russian and Vietnamese scientists, considered in a comparative legal perspective in order to identify modern diversity, unity and complementarity in understanding the models of relations between the state and confessions. The author concludes that there is convergence and divergence in various positions of Western, Russian and Vietnamese researchers, which is largely due to specific circumstances, including the socio-cultural context. Divergence contributes to more efficient application of theoretical models in specific societies and opens up opportunities for mutual borrowing of scientific experience between different research traditions. At the same time, convergence helps to identify the basic elements of models of state-confessional relations, regardless of purely geographical factors.

Keywords: state-confessional relations, secular state, religious organizations, freedom of religion, classification of the relations between the state and confessions

Citation: Nguyen S. N. Model of State-Confessional Relations: Divergence and Convergence in Modern Political and Legal Positions. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 321–327 (In Russ.).

Развитие взаимоотношений государства и религиозных объединений является одним из ключевых факторов и охватывает значительный период истории человечества. Идеи философов и теологов могут рассматриваться как ценное историческое наследие знаний, прежде всего в отношении сущности и необходимого состояния взаимоотношений между государством и церковью. Примеры взаимоотношений между государством и церковью можно найти в западной философии (например, богословская философия средневековья (IV–XIV вв.), философия Возрождения (XV–XVI вв.), современная рационалистическая философия (с XVII в.)), поскольку в западной философской традиции размышления над религиозными вопросами занимают одно из ключевых мест.

В рамках статьи нами рассмотрены позиции современных западных, российских и вьетнамских ученых в области политико-правовой науки. В их трудах модели государственно-конфессиональных отношений описаны с опорой на четкие критерии и сопровождаются ясными и доступными методологическими ориентирами, отражающими дух современности.

Взгляды западных исследователей на модель государственно-конфессиональных отношений

По предложению М. Чавеса и Д. Э. Канна, простое структурирование поля государственно-церковных отношений (*church-staterelations*) с учетом существования официальной государственной церкви, с одной стороны, или относительного преобладания строгого разделения государства и церкви, с другой, должно уступить место концепциям, которые приобретают больше нюансов (*nuanced concepts*), включая секуляризм, религиозное разнообразие, религиозный плюрализм, государственную религию [1, р. 272–290]. Эти концепции «вращаются» вокруг моделей отношений государства и религиозных объединений, обобщенные западными исследователями права и государства.

В 1986 г. К. Х. Эсбек признал разнообразие американских взглядов на отношения между церковью и государством. Он даже сравнил его с разнообразием религиозных верований и философских взглядов [2, р. 371–404]. Автор вывел пять критериев, которые могли бы завершить американские дискуссии по этому вопросу: 1) цель и юрисдикция правительства и природа религии; 2) юридическая защита религиозной речи; 3) степень автономии, предоставленная церкви или другой религиозной организации; 4) дискриминация со стороны государства в распределении благ и возможностей среди религиозных групп, а также между верующими и неверующими; 5) юридическая защита свободы совести.

Исходя из этого, К. Х. Эсбек выделил пять школ, соответствующих пяти типам отношений между государством и церковью, в том числе: строгий сепаратизм, плюралистический сепаратизм, институциональный сепаратизм, непреференциальный сторонник и реставратор.

Дж. Фрэнсис, основываясь на европейской культуре, также разделил модели отношений между церковью и государством на пять категорий [3, р. 775–804]. Критерий Дж. Фрэнсиса проще, он исходит из взаимного господства государства и церкви: 1) эрастианская модель: государство несет ответственность за руководство церковью; 2) либеральная модель, в которой устанавливаются светский характер государства и его нейтралитет в отношениях с церквями; 3) теократическая модель, подтверждающая высшее положение церкви как в религиозной, так и в светской жизни; 4) модель сфер, очерчивающая определенные области общества, в которых доминирует либо церковь, либо государство; 5) атеистическая модель, в которой государство противопоставляется церкви по ограничению и исключению религии из общества.

В 2016 г. Д. Шелтон и А. Кисс тоже представили пять моделей отношений между государством и церковью. Они сходны с классификацией Дж. Фрэнсиса: 1) государственный контроль над религией; 2) нейтралитет государства по отношению к религии; 3) теократические политические взгляды; 4) враждебность государства к религии; 5) разделение власти между государством и церковью [4, р. 37].

В своей публикации в 2005 г. Р. Герхард объяснил, что на основе конституционных критериев европейские юристы часто делят отношения церкви и государства (*church-staterelations*) на три системы [5, р. 11].

1. *Государственные церковные системы.* Р. Герхард считал, что в некоторых странах существует сильная связь между государством и определенной религиозной общиной. Она подкрепляется положениями конституции о правовом статусе этой религиозной общины. Данная форма конкретной религиозной общины может быть проиллюстрирована «государственной церковью», «национальной церковью», «официальной церковью» или «народной церковью» (*state church, national church, established church, folk church*). Он называет страны этой системы: Англия, Дания, Греция, Финляндия, Мальта, Болгария.

2. *Системы разделения.* Р. Герхард приводит примеры Франции (за исключением трех восточных отделений), Нидерландов и Ирландии. Соответственно, конституции этих стран устанавливают барьер между государством и церковью. Этот барьер включает в себя отсутствие государственной финансовой поддержки церкви; государство не признает установление какой-либо религии.

3. *Гибридные системы* (или системы согласования). К таким странам Р. Герхард относит Испанию, Италию, Германию, Бельгию, Австрию, Венгрию, Португалию и страны Балтии. В них государство и церковь просто разделены. Эти два субъекта признают, что работают вместе для выполнения определенных задач общества. В их конституциях не упоминается «государственная церковь» и не регулируется сотрудничество между государством и церковью. Примером такого сотрудничества часто выступают соглашения, договоры и конкордаты.

Поддерживая позицию Р. Герхарда, Р. Пукенис считает, что отношения церкви и государства следует разделить на три модели: 1) модель государственной церкви; 2) модель взаимного сотрудничества государства и церкви; 3) модель отделения церкви от государства [6, р. 496–505].

В 2015 г. Г. Халмай поставил вопрос о том, какие формы отношения между государством, религией и религиозными системами подходят для либеральной демократии, а какие нет [7, р. 24]. Через два года он представил три модели отношений между государством и религиозными объединениями: 1) светский сепаратизм; 2) религиозное учреждение; 3) модель теократии [8, р. 175–207]. В целом его классификация мало чем отличается от данной Р. Герхардом. В связи с тем же разделением (как у Р. Герхарда, С. Монсма и К. Сопера) модели этих отношений названы следующим образом [9, р. 37]:

1) модель отделения церкви от государства (например, в США);

2) модель установленной церкви (например, Англия, Дания и Норвегия. В частности Германия — это страна с двумя неофициальными церквями: католической и лютеранской). Согласно этой модели государство предоставляет церкви признание и финансовую поддержку. Церковь дает государству ауру легитимности и традиций, а также чувство национального единства и цели;

3) плюралистическая модель. В странах с данной моделью такие сферы, как образование, семья, экономика, религия и управление обладают определенной независимостью, конкуренцией и взаимодополняемостью. В каждой из них участники будут обладать автономией в определенных действиях, правах и обязанностях.

Некоторые авторы определяют четыре модели государственно-церковных отношений. Американский ученый Дж. А. Райхли выделил модели государственно-церковных отношений по двум критериям: 1) степень разделения между церковью и государством; 2) роль церкви в политике. Из них

он сформулировал следующие четыре модели: сепарирование, общественные активисты, приспособленцы и интервенционисты [10, р. 3]. По словам французского ученого Жана Боберо, существуют четыре модели государства и религиозных объединений.

1. Государственная религия (*Ethno-religion*). Государство признает одну основную религию, но уважает остальные. Сюда включают: страны Северной Европы — с протестантизмом; Италию, Испанию и Португалию — с католицизмом; Грецию — с православной религией.

2. Гражданская религия (*Civilreligion*). Государством объединяются религиозные ценности, принадлежащие гражданскому обществу (например, США).

3. Религиозный плюрализм (*Pluralism*). Существует приоритет разнообразия религий (например, Германия, Бельгия, Нидерланды).

4. Модель светскости и нейтралитета (*Laïcité*). Государство не признает никакой религии, все религии равны перед законом и должны придерживаться светской морали¹.

Иначе говоря, с помощью классификаций, представленных упомянутыми выше учеными, можно увидеть правдивую реальность государственно-религиозных отношений в западных странах. Модель государственно-религиозных отношений можно разделить на основе таких критериев, как конституционные положения, влияние религии в политической сфере, вмешательство государства в церковные дела и т. д.

Таким образом, современные западные исследователи указали на множество государственно-конфессиональных моделей, основанных на анализе конституционного положения, влияния религии в политической сфере, вмешательства государства в церковные дела и т. д.

Модель государственно-конфессиональных отношений в российской научной литературе

Российские ученые не только сосредоточивают внимание на компонентах, участвующих в государственно-конфессиональных отношениях, но и вникают в их внутренний смысл. М. И. Одинцов обосновывает идею о трех уровнях структуры государственно-конфессиональных отношений (концептуальном, законодательном, административно-управленческом) [11, с. 14]. Что касается концептуального уровня, то он подчеркивает, что концепция государственно-конфессиональных отношений появляется одновременно с теоретико-идеологической моделью. Следовательно, существует связь между концепцией и мо-

¹ Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? / пер. с фр. Т. Голиченко. URL: <http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/403/35532> (дата обращения: 03.03.2026).

делью государственно-конфессиональных отношений. Эта модель отражает свойства государственно-конфессиональных отношений в области общественно-политических интересов и непосредственно зависит от развития государства и религиозных объединений. Исследования модели государственно-конфессиональных отношений российских ученых положительно повлияли на восприятие, выбор и создание подходящих моделей как в Российской Федерации, так и в других странах мира.

По словам М. О. Шахова, существуют три типа светского государства.

1. *Сегрегационный*. Советский Союз являлся одним из примеров этой модели, однако ученый писал, что Советский Союз не признавал себя светским государством. Тем не менее М. О. Шахов считает, что сегрегационная модель встречается в атеистических государствах. Отделение религиозных объединений от государства было реализовано [12, с. 98]. Несмотря на то что в этих странах свобода совести может признаваться государством и регулироваться юридическими документами, на самом деле государство часто относит религии к негативному явлению в обществе, которому следует противостоять. Классификация стран, основанных на антирелигиозной идеологии как светские государства сегрегационного типа, также встретила неоднозначные мнения. Например, некоторые российские ученые утверждают, что эти страны не понимают природу «необходимого и уважаемого нейтралитета» в сущности «светского государства», в результате они жестоко вмешались в религиозные вопросы [13, с. 100–129].

2. *Сепарационный*. Франция и США — две типичные страны светского сепарационного государства. Особенностью этого типа является нейтралитет государства в решении религиозных вопросов и в отношениях между государством и религиозными объединениями. В этих странах нет государственной религии. Как результат истории и культуры — косвенное сотрудничество между государством и религиозными объединениями в определенных социальных сферах или появление нескольких религиозных символов в государственной деятельности. Но эти факторы не являются характеристикой сепарационного типа.

3. *Кооперационный*. Германия — яркий пример этой модели. Кооперационный тип требует от государства и религиозных объединений совместной работы для решения социальных проблем. Этот принцип сотрудничества можно легко обнаружить в процессе оказания социальных услуг между Римско-католической, Евангелическо-лютеранской церковью и правительством Германии. М. О. Шахов подтвердил, что отношения Россий-

ской Федерации с Русской Православной Церковью придерживаются тенденции кооперационного типа.

А. В. Шипков дает такую же классификацию, но он определяет три типа моделей: авторитарная, сепарационная, кооперационная [14, с. 23–25]. Классификация А. Ю. Григоренко сходна с классификацией М. О. Шахова [15, с. 94–101]. Однако, помимо двух типов сегрегационного и сепарационного, он назвал третий тип — интегративный. Третья модель, объясняет А. Ю. Григоренко, существует в странах, где их главы следуют определенным религиозным идеалам. Они рассматривают церковь как союзника, который реализует общие политические и идеологические интересы страны. В связи с этим участие церкви в общественно-политической жизни всегда имеет поддержку и признание государства.

Л. А. Морозова, говоря о моделях церковно-государственных отношений, выделяет три других типа: 1) модель государственной церкви; 2) сепарационная модель (американская модель); 3) кооперационная модель (европейская модель) [16, с. 92].

Е. М. Мирошникова разъяснила эти три модели на примере конкретных стран. Идентификационная модель (модель государственной церкви) присуща Швеции, Финляндии, Дании, Англии, Греции, Норвегии; 2) сепарационная модель — США, Франции, Нидерландам; 3) кооперационная модель — Италии, Бельгии, Люксембургу, Германии, Испании, Австрии, Португалии [17, с. 37].

С. В. Джораева пишет о модели «союза государства и церкви», где государственной религией является христианство. При отделении церкви от государства образовались две типичные модели: 1) французская форма: революционное государство взяло на себя функции социального управления церковью, и церковь была вытеснена из общих сфер, превратившись в частное дело; 2) американская форма: церковь является независимым социально-политическим институтом и имеет свободу действовать в духовной, нравственной и образовательной сферах [18, с. 87].

Обобщив взгляды российских ученых, И. М. Кислицын приходит к выводу, что существуют четыре общие модели государственно-конфессиональных отношений, основанные на взаимодействии между двумя элементами государства и церкви: 1) поглощение государства церковью; 2) поглощение церкви государством; 3) свободная церковь в свободном государстве; 4) наличие двух областей: область церкви и область государства [19, с. 3–4].

Проанализировав историю России и мира, О. А. Новиков пишет, что существует пять моделей государственно-церковных отношений (*state-church relations*): 1) государственная церковь (*the*

state church)²; 2) отделение церкви от государства (*the separation of the church from the state*); 3) преследование религии (*the persecution of religion*); 4) господство церкви над государством (*the domination of the church over the state*); 5) идеальные симфонические отношения между церковью и правительством (*the ideal symphonic relation ship between church and government*)³ [20].

Российские ученые предложили разные классификации государственно-конфессиональных отношений, сформированных на основе анализа практики в России: государственно-церковная модель в советский период (сегрегационная модель) и в постсоветский период (кооперационная модель). В классификации государственно-церковных отношений у российских авторов часто присутствует модель кооперации постсоветского союза, к которой стремится Россия.

Модель государственно-конфессиональных отношений во вьетнамской научной литературе

Среди моделей взаимоотношений государства и церкви наиболее известны три модели светского государства, представленные К. Х. До [21, с. 4–15]. Учитывая положения конституций, он классифицировал модели светского государства: модель общего светского государства (Франция, США, Индонезия), модель «интерпретируемого» светского государства (Германии), модель светского социалистического правового государства (в основном страны с социалистическим режимом, включая Вьетнам). Вместе с тем К. Х. До выражает полное согласие с французским ученым Ж. Боберо в определении модели светского государства [21, с. 141]. Он считает теорию Ж. Боберо одной из наиболее удачных для анализа религиозной жизни Вьетнама.

По мнению Л. Х. До, основанному на доминировании политической власти, отношения между церковью и государством существуют в трех основных формах⁴.

1. Государственные органы контролируют религиозные организации. Л. Х. До дает пояснения этой модели: «Когда государство намеревается контролировать все действия и решения религиозных организаций, оно обязательно нарушит приверженность свободе и автономии религии». На эту модель непосредственное влияние оказало принятие Всеобщей декларации прав человека, поскольку когда свобода вероисповедания становится политическим принципом, который не могут отрицать даже атеистические государства, возникает необходимый

баланс между «слабыми религиозными общинами» и «элитами политической власти» в осуществлении религиозной свободы⁵.

2. Религиозные лидеры определяют гражданскую политику. В этой модели церковь доминирует над решениями гражданского государства. Согласно теории Л. Х. До эта модель легко приводит к следующему сценарию: многие решения церкви оказали значительное влияние на государственные институты. Следовательно, рано или поздно это приведет к злоупотреблению властью, воспрепятствованию или лишению других гражданских прав. В то время законодатели в церкви ставили свою веру на первое место для принятия законов, оспаривающих другие гражданские права, такие как право на смерть, на аборт, на однополые браки, на развод, на брак с верующим другой религии, на употребление алкоголя, на исследование и применение стволовых клеток, на клонирование. Принуждение людей к отказу от своих гражданских прав означает, что церковь использует свою теократию и религиозную свободу для серьезного нарушения других гражданских свобод.

3. Правительство и религия сосуществуют в форме «сотрудничества» или «симбиоза». Эта модель требует примирения отношений между церковью и государством при осуществлении права на свободу вероисповедания. Считается, что религия играет роль сопровождения и поддержки государства в управлении обществом. Есть мнение, что эта модель идеальна, потому что влияние религии на общество полностью не исчезло. Религия остается явлением, которое имеет распространение в частном секторе и среди малоимущих слоев населения, она даже имеет определенное влияние на политику (движение теологии освобождения в Латинской Америке середины XX в.). В некоторых странах религия может стать политической партией, миссия которой основана на четких религиозных принципах. Религия может помочь правительству делать заявления, заниматься макрополитикой, способствовать установлению мира. Например, Католическая церковь внесла свой вклад в урегулирование военного конфликта между севером и югом Судана (1955–1972), в Мозамбике (гражданская война 1992 г.); участвовала в борьбе с политическими инициативами, такими как расизм «апархайд» и политика сегрегации между белым меньшинством и черным большинством. Л. Х. До подчеркивает, что модель «сотрудничества» или «симбиоза» подходит для вьетнамского общества. Применяя ее, вьетнамское государство не предостав-

² Такая модель существовала в России до 1917 г.

³ Параллельное сосуществование священства и царства в единстве и совместной деятельности.

⁴ URL: http://www.xaydungdang.org.vn/Home/nhan_quyen/2019/13405/De-chong-lam-quyen-trong-thuc-thi-tu-do-ton-giao.aspx (дата обращения: 10.05.2025).

⁵ Там же.

ляет церкви особого политического статуса, однако государство продолжает тесно сотрудничать с церковью различными способами и создает наилучшие условия, чтобы религия действовала в соответствии с руководящими принципами Коммунистической партии Вьетнама, законами государства и обеспечивала законные права и интересы религии, верующих и людей.

С точки зрения культуры и религии, согласно исследованию К. Т. Нгуена, страны можно объединить в два типа [22, с. 17–26].

1. Страны с представительной демократической политической системой. В основном эта группа практически совпадает с развитыми странами Европы, Америки, Японией, а также Кореей, Бразилией, Индией. Эта группа придерживается принципов отделения государства от религии, религиозных дел — от государства.

2. Страны с разными политическими режимами. Эта группа объединяет множество государственных моделей и религиозных политик, которые можно классифицировать по следующим режимам:

— режим 1 — радикальное разделение: государство полностью отделено от религии (например, Китай, Вьетнам, Северная Корея);

— режим 2 — мягкое разделение: государство и церковь соглашаются разделить влияние в социальной, политической, экономической и культурной областях;

— режим 3 — объединение: государство и религия объединяют власть или государство объявляет определенную религию государственной.

К. Т. Нгуен утверждает, что, в зависимости от реальной ситуации, не всегда можно отнести страны к одному из трех перечисленных выше режимов, так как некоторые страны могут находиться как в режиме 1, так и в режиме 2. В частности, он выделяет общие черты модели взаимоотношений государства и церкви в странах второй группы (включая Вьетнам) следующим образом.

Во-первых, эти государства часто находятся под влиянием западных представлений о светскости. В этих странах многие «современные люди» считают свою страну «отсталой» с точки зрения политики, общества и экономики и осознают необходимость построения модели секуляризации западного образца, чтобы догнать западные страны. К. Т. Нгуен предупреждает, что эта идеология может затронуть религиозные традиции в этих странах.

Во-вторых, большинство стран, принадлежащих ко второй группе, стремились воспрепятствовать установлению «религиозной политики». Однако, как заметил К. Т. Нгуен, похоже, что политическая роль религии продолжает быть важной во многих странах, но степень успеха церкви

в господстве над государством и обществом разнообразна.

Обобщая, оценивая и наследуя взгляды ученых, вьетнамские авторы начали излагать свои мысли на модель взаимоотношений между государством и церковью по конкретным критериям, таким как конституционные нормы, доминирование политической власти и политические режимы. Важно, что вьетнамские ученые определили модель Вьетнама в рамках своих классификаций. На основе анализа преимуществ и недостатков моделей вьетнамские авторы объяснили наиболее подходящую модель для Вьетнама.

В целом дивергенция между подходами трех групп, выбранных для анализа в данной статье, обусловлена главным образом изменением критериев классификации. При этом явных противоречий не наблюдается, несмотря на случаи «сближения» и «расхождения» государств по различным моделям в работах разных ученых. Кроме того, классификация и описание моделей, как правило, осуществляются с достаточно нейтральной и доброжелательной целью — идентификации национальной модели в международном пространстве. Более конкретно в своих исследованиях современные западные ученые классифицировали множество государственно-конфессиональных моделей на основе различных критериев, таких как конституционное регулирование, влияние религии в политической сфере, вмешательство государства в церковные дела и т. д. В результате этих исследований, когда речь заходит о правовом регулировании государственно-светских отношений, обнаруживаются различные проблемы, например, религиозный плюрализм, секуляризация и светское государство.

Российские ученые отмечают неизбежную связь при изучении государственно-конфессиональных отношений на концептуальном уровне с моделью данных отношений. Они предложили множество способов классификации модели государственно-конфессиональных отношений, в рамках которой часто анализируются советская модель и российская модель постсоветского периода. Исследования модели государственно-конфессиональных отношений российскими учеными положительно повлияли на восприятие, выбор и создание подходящих моделей Российской Федерации и стран мира. Классифицируя по таким критериям, как положения конституции, доминирование политической власти и политического режима, вьетнамские авторы показали разнообразие моделей государственно-конфессиональных отношений, в то же время определили модель Вьетнама на «карте» отношений между государством и церковью. Что касается точки конвергенции, то можно отметить, что между указанными группами

позиций, несмотря на выявляемые определенные сходства в способах классификации, обычно основанных на направленности, формах и степени воздействия (как вмешательства, так и защиты) со стороны государства на религиозные организации, вместе с тем сохраняются фундаментальные различия. Однако с учетом ряда уже обозначенных направлений

точка конвергенции должна быть ориентирована на усиливающуюся тенденцию утверждения ценностей, поощряемых в каждой модели государственно-конфессиональных отношений, таких как уважение свободы вероисповедания, верховенство права, культурная толерантность и признание преемственности в континууме «традиция — современность».

Список источников

1. *Chaves M., Cann D. E.* Pluralism, and Religious Market Structure // *Rationality and Society*. 1992. № 3.
2. *Esbeck C. H.* Five Views of Church-State Relations in Contemporary American Thought // *Brigham Young University Law Review*. 1986. № 1.
3. *Francis J.* The Evolving Regulatory Structure of European Church-State Relationships // *Journal of Church and State*. 1992. № 4.
4. *Shelton D., Kiss A.* A Draft Model Law on Freedom of Religion, With Commentary. In *Religious Human Rights in Global Perspective: Legal Perspectives*. London, 1996.
5. *Gerhard R.* State and Church in the European Union. Baden-Baden, 2005.
6. *Pukenis R.* The Models of Church and State Relations in a Secularised Society of European Union // *Asian Journal of Humanities and Social Studies*. 2014. № 3.
7. *Halmai G.* Religion and Constitutionalism. MTA Working Paper. 2015.
8. *Halmai G.* Varieties of State-Church Relations and Religious Freedom through Three Case Studies // *Michigan State Law Review*. 2017. № 2.
9. *Monsma S., Soper C.* The Challenge of Pluralism. Lanham, 2009.
10. *Reichley J. A.* Religion in American Public Life. Washington, 1986.
11. *Одинов М. И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история и взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.
12. *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2013.
13. *Понкин И. В.* Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003.
14. *Шипков А. В.* Во что верит Россия : курс лекций. СПб., 1998.
15. *Григоренко А. Ю.* Церковно-государственные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и веротерпимости // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе : мат-лы междунар. конф. М., 1999.
16. *Морозова Л. А.* Государство и церковь: особенности взаимоотношений // *Государство и право*. 1995. № 3.
17. *Мирошникова Е. М.* Государственно-церковные отношения в ФРГ: философско-правовые аспекты : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998.
18. *Джораева С. В.* Государственно-церковные отношения в России: Опыт философско-исторического анализа : автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1997.
19. *Кислицын И. М.* Российский закон о свободе вероисповеданий. Пермь, 1993.
20. *Новиков О. А.* Концепция взаимоотношений церкви и государства (византийская модель) : монография. Воронеж, 2009.
21. *До К. Х.* Государство — Религия — Закон (на вьет. языке). Ханой, 2015.
22. *Нгуен К. Т.* Возвращение к отношениям между религией (культурой) и политикой (на вьет. языке) // *Журнал религиоведения*. 2011. № 2.

УДК 340.112

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-328-333

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Процессы организации и дезорганизации в структуре права

Алина Леонидовна Шигабутдинова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права¹,

✉ alshigabutdinova@yandex.ru

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Структура права находится в постоянной динамике, претерпевая процессы организации и дезорганизации. Характеристиками этих процессов выступают целенаправленность, целесообразность и непрерывность. Организующее воздействие на структуру права всегда направлено к наиболее эффективному достижению его цели. Процесс дезорганизации связан с нарушением функциональной эффективности структуры права. В организации и дезорганизации права нет места стихийности, это осознанная и целенаправленная деятельность, опосредованная представлениями субъекта правотворчества о целесообразности и оптимальности внутреннего строения права. Протекая непрерывно, организационные и дезорганизационные процессы в праве охватывают различные по своему содержанию направления: дифференциацию и интеграцию, упрощение и усложнение, изменение и сохранение.

Ключевые слова: структура права, организация права, дезорганизация права, дисфункция права, цель права, правотворческая деятельность, социальная среда, эффективность права

Для цитирования: Шигабутдинова А. Л. Процессы организации и дезорганизации в структуре права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 328–333.

Processes of Organization and Disorganization in the Structure of Law

Alina L. Shigabutdinova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of State and Law Theory and History¹,

✉ alshigabutdinova@yandex.ru

¹ Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

The structure of law is in constant dynamics undergoing processes of organization and disorganization. The characteristics of these processes are purposefulness, expediency and continuity. The organizing influence on the structure of law is always aimed at the most effective achievement of its goal. The process of disorganization is connected with a violation of the functional effectiveness of the structure of law. There is no place for spontaneity in the organization and disorganization of law, it is a deliberate and purposeful activity mediated by the views of the subject of law-making about the expediency and optimality of the internal structure of law. Proceeding continuously, organizational and disorganization processes in law cover areas of various content: differentiation and integration, simplification and complication, change and preservation.

Keywords: structure of law, organization of law, disorganization of law, dysfunction of law, the purpose of law, law-making, social environment, effectiveness of law

Citation: Shigabutdinova A. L. Processes of Organization and Disorganization in the Structure of Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 328–333 (In Russ.).

Проблематика структуры права, затрагивая фундаментальный вопрос юридической науки — вопрос о строении ее объекта, представляет собой в настоящее время весьма обширную область исследования. Ее разработка ведется уже много лет и принесла немало значимых результатов, однако ряд причин заставляют обратиться к ним снова.

При исследовании структуры права предметом познания прежде всего оказываются его элементы,

части и внутренние взаимосвязи. Такой подход, раскрывая морфологию права, в то же время фиксирует структуру права как «уже ставшую», сформированную.

Между тем структура всякой системы, в том числе права, представляет собой «не мертвый слепок с застывшего объекта» [1, с. 208], а подвижную, становящуюся и развивающуюся совокупность связей. Поэтому если подходить к ее изучению исключи-

тельно с позиций статики, то окажется упущенной весьма важная (динамическая) сторона, т. е. те процессы, которые лежат в основе образования и изменения структуры права.

В структуре права протекают два специфических процесса, приводящие не только к установлению или распаду связей между его элементами, но и определяющие характер этих связей и их сложность. Речь идет о процессах организации и дезорганизации.

Прежде всего уточним, что в данном случае понимается под «организацией» и «дезорганизацией».

Е. Я. Режабек под организацией имеет в виду установление связей и отношений в некотором объекте, под дезорганизацией — их разрыв, утрату начала, объединяющего элементы в систему [2, с. 63].

Следует заметить, что организация — специфически системное понятие, употребляемое применительно к самым разным проявлениям системности и имеющее в связи с этим различные значения [3, с. 140]. Так, организацией принято называть состояние определенной внутренней упорядоченности, целостности объекта, а также субъективную деятельность людей, направленную на создание этого состояния [4, с. 221].

Иными словами, организацией является и процесс приведения в целостное единство некоторого множества элементов, и результат этого процесса¹.

Как отмечается в литературе, сущность организации как процесса заключается в установлении количественных, качественных, временных, пространственных и других связей между отдельными составляющими [6, с. 19].

Понимаемая как процесс организация права представляет собой целенаправленную сознательную деятельность правотворческого субъекта по выстраиванию структуры права, т. е. по установлению, изменению и устранению связей между его элементами.

Особенности организационной деятельности определяются характером организуемого объекта. В этом смысле специфика организационного процесса, протекающего в праве, детерминирована природой и целевым назначением самого объективного права. Все это позволяет выделить некоторые черты такого процесса.

Во-первых, организация права носит целенаправленный и субъективированный характер. Это не «самосовершающийся» процесс, а осознанная активность человека, действующего с конкретными намерениями. Речь не всегда может идти о ре-

ализации заблаговременно подготовленной программы (вряд ли справедливо говорить о какой-либо планомерности в создании наиболее ранних образцов права). Однако человек неким образом соединяет вполне определенные элементы, имея в виду какую-то заранее поставленную задачу, для решения которой он и прибегает к подобной деятельности.

Конечно, любой организационный процесс осуществляется целенаправленно [4, с. 221]. Специфика организации права связана с целями, которые преследуют ее субъекты. Цель организации права — создание такого регулятивного механизма, который мог бы обеспечить единый социально приемлемый порядок общественных отношений. В этом смысле организация права является функцией социального управления [4, с. 221; 7, с. 78], реализующейся в соответствии с его конкретно-историческими задачами.

Во-вторых, организация права носит официально-государственный, юридически значимый характер. Со стороны своего внешнего проявления организация права есть не что иное как правотворческая деятельность, осуществлять которую уполномочены специальные субъекты [8, с. 26]. Это в свою очередь дает основание понимать правотворчество не просто как деятельность по установлению, изменению и отмене правовых норм [9, с. 72], а в более широком плане — как деятельность по конструированию структуры права.

Отсюда закономерно следует, что субъект организации права — это лицо, наделенное правотворческой компетенцией. Как справедливо заметил Р. Л. Иванов, «за всю известную нам историю права еще никому и никогда не удавалось целенаправленно установить (изменить, отменить и т. д.) юридическую норму без особых на то полномочий, являющихся элементами правотворческой компетенции» [8, с. 8].

Несмотря на то что «единственным легитимным субъектом, обладающим глобальной правотворческой компетенцией, является государство» [8, с. 8], непосредственные организационные действия по созданию внутренней упорядоченности права всегда совершают конкретные люди с определенным уровнем интеллектуального развития, правосознанием, правотворческой культурой [10, с. 193].

Это носители определенной правовой (правотворческой) традиции, под влиянием которой формируется их индивидуальное видение структуры права и представление о направлениях ее развития [11, с. 32–34].

¹ Отметим, что в литературе указывается еще на одно значение понятия «организация» — это социальная система (объединение, учреждение, социальный институт, группа людей, объединенных общностью целей, и т. п.) [5, с. 25].

В-третьих, организация права носит целесообразный, функционально значимый характер. Общесистемной закономерностью выступает глубокая органическая связь между процессом организации системы и ее целевым назначением. Организация всегда направлена на достижение целей системы, т. е. на обеспечение наилучшего в данных условиях качества ее функционирования. В этом плане суть процесса организации права заключается не в создании упорядоченности элементов права как таковой, а в создании такой упорядоченности, которая в максимально возможной степени обеспечивает реализацию его целей.

Однако нельзя забывать о том, что цели, достижению которых подчинены организационные процессы в праве, определяются человеком. В таких целях всегда воплощаются интеллектуальные, рациональные, духовные установки и интересы конкретных субъектов, их специфическое видение путей общественного развития. Иначе говоря, именно человек задает критерии, по которым можно оценить целесообразность организации права. С этой точки зрения обоснованность организации права субъективна. Она выражает степень соответствия структуры права тем целям, которые были сознательно поставлены субъектами правотворчества.

Конечно, цели, которые ставятся субъектами правотворчества, определяются конкретно-историческими условиями существования того или иного общества. И чем точнее эти цели будут отражать объективные требования социальной жизни, тем эффективнее будет функционировать право как социальный регулятор.

Если цели, заданные субъектами правотворчества, расходятся с объективными закономерностями социального развития и реальными потребностями общества, субъективная целесообразность организации права фактически становится источником принципиальной неэффективности его структуры.

Другими словами, целесообразность организации права как субъективно оцениваемый показатель отнюдь не тождественна ее объективной эффективности. Объективная эффективность организации права измеряется тем, насколько выстроенная структура отвечает тому, зачем и как оно функционирует в данном обществе, т. е. его приложимостью к исторически конкретной социальной практике. Те или иные варианты построения структуры права могут сравниваться между собой как более или менее совершенные в смысле их пригодности для создания единого порядка общественных отношений.

В-четвертых, процесс организации права носит непрерывный характер. Структура права не может быть задана раз и навсегда. Ее конфигурация прямо зависит от условий, в которых функционирует право, от обстоятельств, диктуемых состоянием социальной среды и уровнем развития потребительной активности.

Рано или поздно возникают ситуации, когда существующий порядок элементов права и связей между ними теряет свою оптимальность и объективную эффективность, даже если субъективно он оценивается как целесообразный. В этих условиях сохранение прежней структуры права может привести к его социальной дисфункции. Оставаясь формально целостной системой, право оказывается неспособным удовлетворительно функционировать как социальный регулятор.

Процесс организации, таким образом, должен учитывать изменения социальной среды, приспосабливать и адаптировать к ней строение права. Однако такое приспособление не сводится к простому следованию за «сигналами» социальной среды. Структура права формируется в конечном счете именно человеком в соответствии с теми целями, которые он сознательно ставит, его интеллектуальными возможностями и ограничениями. Поэтому она становится не пассивным отражением общественных процессов, а средством социального управления, способным оказывать обратное — позитивное или негативное воздействие на них.

Как всякий протяженный во времени процесс организация права внутренне структурирована [6, с. 205]. В ее течении могут быть обособлены относительно самостоятельные моменты — этапы, стадии или фазы, отличающиеся как по интеллектуально-волевому содержанию, так и по формально-юридическому выражению².

В-пятых, организация права носит сложный многовекторный характер. Являясь единым целостным процессом, она складывается из нескольких противоположных по своему содержанию и производимым следствиям подпроцессов: дифференциации и интеграции, упрощения и усложнения, изменения и сохранения, каждый из которых решает определенные функциональные задачи.

Что касается дезорганизации, то этот процесс связан с разрушением структурно-функционального единства системы. В этом случае нарушенным оказывается соответствие между внутренним строением права и его назначением как социального регулятора. Хотя определенный порядок элементов в такой системе сохраняется, он в той или иной мере утрачивает свою состоятельность — адекватность

² В последнем случае фазы процесса организации права совпадают со стадиями правотворческого процесса.

реальным требованиям социальной жизни. Иначе говоря, в результате процесса дезорганизации структура права отчуждается от его функций, оказываясь не в состоянии обеспечить их эффективную реализацию.

Понимаемая таким образом дезорганизация права отличается следующими особенностями.

Во-первых, главным фактором, движущей силой дезорганизационных процессов в праве выступает человек, свободно и осознанно принимающий решения.

Дезорганизация — это не самопроизвольный процесс, разворачивающийся в праве «сам собой», а процесс, осуществляемый целенаправленно и сознательно человеком. Речь в данном случае не идет о целенаправленном или злонамеренном создании деструктивного эффекта в праве. Вполне возможна ситуация, когда те или иные нововведения в праве, изначально казавшиеся вполне полезными, в силу объективных или субъективных причин впоследствии отрицательно скажутся на его функциональности³. Любые действия, приводящие к соответствующим негативным последствиям, совершаются осознанно и целенаправленно. Любой разлад⁴ в структуру права вносится правотворческим путем.

Иными словами, право как институциональный регулятор, сконструированный для достижения определенных целей, лишено не только способности к самоорганизации (в синергетическом ее понимании), но и способности к самодезорганизации [15, с. 17].

В таком понимании дезорганизация права служит примером регрессивного управления. Указанным понятием А. В. Чайковский обозначает «процесс такого изменения взаимосвязи элементов системы, при котором ослабляется функциональный характер свойств этих элементов» [16, с. 53].

Во-вторых, процесс дезорганизации может быть связан с «поражением» как элементов права, так и связей между ними. В первом случае мы имеем дело с дисфункцией элементов, когда источником неэффективности существующей организации права служат определенные недостатки его компонентного состава. Речь может идти о нехватке необ-

ходимых нормативных правовых средств [12; 17; 18] либо дефектности [19–21] их регулятивного и утилитарного потенциала.

Во втором случае мы имеем дело с дисфункцией связей, когда снижение функциональности права вызвано нарушением взаимодействия между его элементами. Такое нарушение может проявлять себя как полный разрыв связей между элементами⁵, установление излишних связей⁶ или таких связей, которые не соответствуют характеру элементов и затрудняют реализацию их потенциала, появление различных дефектов связей [22].

В-третьих, процесс дезорганизации диалектически связан с процессом организации. Хотя дезорганизация и организация по отношению друг к другу выступают как противоположности, в общей динамике формирования и развития структуры права они не исключают, а взаимно предполагают, взаимообуславливают друг друга.

Е. Я. Режабек пишет, что «дезорганизация — „свое иное“ организации. Один атрибут материальных образований не существует без другого» [2, с. 66]. При этом отмечается, что «организация выступает как источник дезорганизации, а дезорганизация служит генетической предпосылкой порядка, источником творческой, созидательной эволюции материальных систем» [2, с. 66].

В этом смысле реальная значимость процесса дезорганизации права является противоречивой — негативной и позитивной одновременно: с одной стороны, она ослабляет функциональность права, а с другой — она ее укрепляет, поскольку в конечном счете служит фактором, активизирующим процесс организации и совершенствования права. Так, выявленная дисфункция элементов или связей права побуждает субъекта правотворчества принимать меры к ее устранению или ослаблению. Кроме того, для нейтрализации возможных сбоев и ошибок в работе права в его компонентный состав и структуру заранее закладываются специальные средства защиты. Таковыми являются нормативные правовые средства, позволяющие восполнить пробелы в правовом регулировании и обеспечивающие разрешение противоречий между правовыми нормами⁷.

³ Так, В. В. Лазарев справедливо говорит о существовании «простительных» и «непростительных» пробелов в праве [12, с. 35].

⁴ Силы, противодействующие нормальному функционированию системного образования, в литературе называют возмущениями [13, с. 14; 14, с. 36].

⁵ С этой точки зрения понятием «пробел в праве» можно было подытожить не только отсутствие нужной нормы, но и «несвязность», т. е. отсутствие необходимого взаимодействия между нормативными правовыми средствами.

⁶ А. В. Сулим в связи с этим отмечает, что полная зарегулированность, «заорганизованность» всех процессов в системе является дисфункциональной, выступает дезорганизующим фактором [16, с. 35].

⁷ В литературе отмечается, что функционирование любой системы, в том числе права, поддерживается действием системосохраняющих факторов, специализирующихся на защите от внешних и внутренних возмущений [13, с. 18; 15, с. 36].

Следует также заметить, что дезорганизация в праве, какой бы самостоятельной она ни казалась, производна от организации. Она развивается как нежелательное побочное следствие, обратная сторона организующих действий, являясь, по существу, ошибкой организации. «Любой организационный процесс, подчеркивается в литературе, представляет собой единство противоположностей — двух противоположно направленных процессов: организационного и дезорганизационного» [5, с. 22].

Это означает, что в содержательном плане дезорганизация права зеркально симметрична процессу организации. Она складывается из тех же пар подпроцессов, что и организация — изменения и сохранения, дифференциации и интеграции, усложнения и упрощения, с той лишь разницей, что эффект их осуществления оказывается отрицательным по отношению к функциональности права.

Подводя итог, можно отметить следующее. Структура права динамична, она развивается и изменяется, подвергаясь организации и де-

зорганизации. В основе этих процессов лежат три фактора. Первый фактор — целевое назначение права. Организующее воздействие на структуру права всегда направлено к наиболее эффективному достижению его цели. Вторым фактором — это сознание и воля субъекта человека. Организация и дезорганизация права есть не самопроизвольный, стихийный процесс, а осознанная и целенаправленная деятельность, опосредованная субъективными представлениями о целесообразности и оптимальности внутреннего строения права. Третий фактор — неустойчивая социальная среда. Организация права связана с необходимостью постоянного приспособления его структуры к непрерывно изменяющейся социальной практике. Однако такое приспособление не является пассивным. Организационные процессы в праве — это не просто реакция на перемены в социальной среде. Это способ активного, регулирующего воздействия на развитие общественных процессов, который сознательно используется субъектом, живущим в определенных социальных условиях.

Список источников

1. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997.
2. Режабек Е. Я. В поисках рациональности: статьи разных лет. М., 2007.
3. Веденов М. Ф., Кремянский В. И. К анализу общих и биологических принципов самоорганизации // Системные исследования : ежегодник. М., 1969.
4. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: опыт системного исследования. М., 2023.
5. Королев Е. А. О статусе и методологии теории организации // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 1(39).
6. Латфуллин Г. Р., Райченко А. В. Теория организации : учебник для вузов. СПб., 2004.
7. Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988.
8. Иванов Р. Л. Субъекты правотворчества: основные полномочия // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2022. Т. 19, № 3.
9. Пашенцев Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // Образование и право. 2021. № 9.
10. Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Культура правотворчества как фактор эффективности законодательных изменений // Юридическая техника. 2023. № 17.
11. Пашинцев Д. А., Николаев А. И. Традиции правотворчества: телеологический аспект // Детство — территория безопасности : сб. мат-лов конф. (г. Москва, 17–18 ноября 2022 г.). М., 2022.
12. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974.
13. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.
14. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980.
15. Алексеев С. С. Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 7.
16. Принципы организации социальных систем: теория и практика / М. И. Сетрова, А. В. Сулим, Г. Т. Паламарчук [и др.]. Одесса, 1988.
17. Лушников П. В. Пробелы в праве и способы их восполнения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 3.
18. Зайцева Е. С. Установление пределов правового регулирования в ситуации пробельности позитивного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 3(98).

19. *Кожокаръ И. П.* Техничко-юрдическне дефекты в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
20. *Кузнецова О. А.* Пороки правовой нормы: «диагностика» и предупреждение // Журнал российского права. 2005. № 3.
21. *Ким Ю. В.* «Паллиативные» юридические конструкции в Конституции Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2019. Вып. 441.
22. *Кожокаръ И. П.* Дефекты нормативно-правового регулирования. М., 2019.

УДК 343.13

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-334-339

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Генезис и институциональная трансформация судебного контроля в досудебном производстве: сравнительно-историческое исследование (на материалах Российской Федерации и Республики Таджикистан)

Даврон Амонович Абдурахмонов

младший научный сотрудник отдела права¹,

✉ davron.94@mail.ru

¹ Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия)

Статья посвящена сравнительно-историческому исследованию развития и институциональной трансформации судебного контроля в досудебном производстве России и Таджикистана. Авторская концепция состоит в том, что судебный контроль возник не как заимствованная конструкция, а как закономерный институциональный ответ на имманентное противоречие публичного расследования. Обосновывается тезис о неслучайности замены прокурорской санкционирующей модели судебно-контрольной, поскольку данная трансформация представляет собой закономерный результат внутренней логики континентального уголовного процесса. Сравнительный анализ историко-правовых источников двух государств позволяет сформулировать общую закономерность: эффективность санкционирующего и последующего судебного контроля определяется прежде всего степенью реальной независимости суда, а не нормативной конструкцией института, что подтверждается данными правоприменительной практики обеих систем.

Ключевые слова: судебный контроль, досудебное производство, прокурорский надзор, генезис, институциональная трансформация

Для цитирования: Абдурахмонов Д. А. Генезис и институциональная трансформация судебного контроля в досудебном производстве: сравнительно-историческое исследование (на материалах Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 334–339.

Genesis and Institutional Transformation of Judicial Control in Pre-Trial Proceedings: a Comparative Historical Study (based on materials from the Russian Federation and the Republic of Tajikistan)

Davron A. Abdurakhmonov

junior researcher of the Department of Law¹,

✉ davron.94@mail.ru

¹ Institute of Philosophy and Law of Ural branch of the Russian Academy of Science (Yekaterinburg, Russia)

The article presents a comparative historical study of development and institutional transformation of judicial control in pre-trial proceedings of Russia and Tajikistan. The author's conception is that judicial control arose not as borrowed construct but as a logical institutional response to the immanent contradiction of public investigation. The thesis about the non-randomness of replacing the prosecutor's authorizing model of judicial control is substantiated, since this transformation is a natural result of the internal logic of the continental criminal procedure. A comparative analysis of the historical and legal sources of the two states allows us to formulate a general pattern: the effectiveness of the authorizing and subsequent judicial control is determined primarily by the degree of real independence of the court, and not by the normative design of the institution, which is confirmed by the data of the law enforcement practice of both systems.

Keywords: judicial control, pre-trial proceedings, prosecutor's supervision, genesis, institutional transformation

Citation: Abdurakhmonov D. A. Genesis and Institutional Transformation of Judicial Control in Pre-Trial Proceedings: a Comparative Historical Study (based on materials from the Russian Federation and the Republic of Tajikistan). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 334–339 (In Russ.).

Генезис судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса традиционно описывают как линейную последовательность реформ, нормативных актов и ключевых дат. Подобная реконструкция действительно обеспечивает наглядность и упорядоченность фактов, однако ограничивает аналитический потенциал, оставляя вне поля зрения причинно-следственные связи, определяющие направленность институциональных изменений. Между тем, как справедливо отмечает Е. Б. Мизулина, «уголовный процесс есть концепция самоограничения государства...» [1, с. 9]. Следовательно, выбор конкретной процессуальной формы одновременно фиксирует пределы допустимого государственно-вмешательства и очерчивает рамки легитимного принуждения.

Новизна подхода заключается в попытке сдвинуть акцент с описания событий на объяснение причин. Предметом исследования является санкционирующая и последующая формы судебного контроля в досудебном производстве России и Таджикистана. Для понимания особенностей формирования прокурорской санкционирующей модели целесообразно обратиться к историческому периоду, когда контрольная и следственная функции представляли собой единое целое и не были предметом самостоятельного институционального оформления.

В Киевской Руси и Московском государстве разграничения между управлением, расследованием и судом фактически не существовало. Один и тот же субъект (князь, боярин, воевода) совмещал все функции [2]. В такой конструкции для судебного контроля просто не остается места, некому контролировать. Инквизиционный характер процесса, закрепленный судебниками 1497 г. и 1550 г., а затем Соборным уложением 1649 г., только усиливал эту модель.

Первые попытки разграничить функции связаны с петровско-екатерининскими преобразованиями. Указ 1711 г. учредил Сенат с полномочиями рассмотрения жалоб на действия властей, реформа 1775 г. предоставила судам право проверять законность содержания под стражей [2].

Институциональный перелом наиболее отчетливо проявился в ходе Судебной реформы 1864 г. Судебные уставы задали трехзвенную конструкцию: судебный следователь при окружном суде, сам окружной суд и судебная палата. Следователь получил право проверять действия полиции и при необходимости их отменять, окружной суд контролировал деятельность следствия, а судебная палата рассматривала вопросы о мере пресечения, соотнося их с доказательственной базой [3]. Основной

сдвиг состоял в том, что следствие включили в судебное ведомство. Предварительное расследование стало восприниматься как часть судебной деятельности, а контроль — как встроенная, а не внешняя процедура. И. Ю. Мурашкин, прослеживая генезис судебного контроля в российском уголовном процессе, показывает, что именно нормативный опыт уставных судов этого периода стал образцом для постсоветского реформирования при разработке ст. 220¹ Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) РСФСР [4, с. 56–60].

Однако уже на исходном этапе в данной конструкции обнаруживается внутреннее противоречие. Фигура судебного следователя изначально соединяла в себе два различных правовых статуса: с одной стороны, он выступал носителем судебной власти, с другой — непосредственно участвовал в расследовании, что объективно размывало границу между контролем и обвинением. Ситуацию усугубляло закрепленное в ст. 278 Устава уголовного судопроизводства право прокурора давать обязательные указания, вследствие чего следственная деятельность легко смещалась в сторону обвинительного уклона.

Революционные преобразования 1917 г. превратили данную линию развития. Принятие Декрета о суде № 1 разрушило прежнюю систему судебных уставов и изменило функциональную роль суда, т. е. суд перестал выполнять ограничительную функцию и оказался вовлечен в механизм государственного принуждения. При таком перераспределении ролей внешний по отношению к следствию субъект, способный осуществить контроль, исчез. Закрепление в 1922 г. Положения о прокурорском надзоре окончательно зафиксировало «сдвиг центра тяжести», который заключался в том, что контрольные полномочия сосредоточились в руках органов прокуратуры, а к 1928 г. следствие полностью перешло под ее управление. Тем самым оформилась конструкция, которую обоснованно характеризуют как «надзор над самим собой». В. М. Бозров пишет, что подобная модель изначально не способна обеспечить действенную защиту прав личности [5, с. 45–47].

Принятие УПК РСФСР 1960 г. внесло определенную упорядоченность в процессуальную регламентацию и допустило отдельные формы судебной проверки, однако это не затронуло базовую логику системы. К концу 1980-х гг. накопившиеся дисфункции приобрели системный характер, а именно, подавляющее большинство судей оценивали качество предварительного расследования как низкое, тогда как доля оправдательных приговоров не превышала низший порог. Для сопоставления достаточно обра-

таться к дореволюционной практике, где оправдательный исход имел место приблизительно в каждом третьем деле.

Нормативным переломом, предопределившим характер последующих реформ, стало принятие Конституции РФ 1993 г. Статьи 22, 23 и 25 закрепили, что заключение под стражу, ограничение тайны переписки и неприкосновенность жилища допускаются исключительно на основании судебного решения. Тем самым Конституция РФ изъяла ключевые санкционирующие полномочия из сферы прокурорского усмотрения и передала их суду в качестве конституционной обязанности. Именно этот выбор придал последующей реформе характер нормативной необратимости. Возврат к прокурорской модели санкционирования означал бы прямое противоречие с конституционным текстом.

УПК РФ 2001 г. закрепил этот поворот уже на уровне системной конструкции. Кодекс перераспределил ключевые полномочия: решение о заключении под стражу перешло к суду (ст. 108 УПК РФ), проведение действий, затрагивающих частную жизнь, поставили в зависимость от судебного разрешения (ст. 165 УПК РФ), участники процесса получили механизм оперативного обжалования действий следствия и прокуратуры (ст. 125 УПК РФ).

Н. Г. Муратова рассматривает судебный контроль как функциональное продолжение прокурорского надзора, указывая на постоянное участие суда в досудебном производстве [6]. Речь идет не о простой передаче полномочий, а о смене самой логики контроля. Прокурорский надзор, находясь внутри обвинительной системы, ограничивался проверкой соблюдения процедур. Суд, напротив, оценивает содержание, а именно соразмерность вмешательства, обоснованность ограничения прав, достаточность представленных данных. Это уже иной уровень проверки, и только он делает возврат к прежней модели маловероятным.

Однако формальное закрепление новых правил само по себе не гарантирует их полноценной реализации. Высокая нагрузка на судей, сжатые сроки рассмотрения ходатайств и устойчивые профессиональные связи с органами расследования объективно создают риск воспроизводства процедурной, а не содержательной проверки [7, с. 202–204].

Имеет значение то, как эти полномочия реализуются. Показателем работающего судебного контроля становится не статистика рассмотренных материалов, а способность суда принимать самостоятельные решения, в том числе отказывать при недостаточности оснований. Данный тезис имеет эмпирическое подтверждение. По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022–2024 гг. суды отказывали в удовлетворении ходатайств об

избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в 6–8 % случаев. Сам по себе этот показатель невелик, однако он фиксирует, что содержательная проверка обоснованности происходит, т. е. суд не является автоматическим «штампом» прокурорских ходатайств. Вместе с тем данный уровень отказов характеризует минимальный порог независимости, а не устойчивую состязательную культуру. Е. В. Шаназарова и О. Е. Савельева, анализируя практику по ст. 125 УПК РФ, фиксируют стабильный рост доли удовлетворенных жалоб на действия следователя, который является признаком того, что последующий судебный контроль постепенно приобретает содержательный, а не сугубо процедурный характер [7, с. 202–204].

Историческая траектория Таджикистана иная, однако работоспособность судебного контроля и здесь связана с реальной, а не декларируемой независимостью суда. В период Бухарского эмирата (XVIII — начало XX вв.) кадий формально располагал полномочиями контроля за розыскной деятельностью, однако реальная зависимость от эмира делала этот механизм декларативным. Неудовольствие судей смещали в административном порядке, а контроль растворялся в той же властной вертикали, которую был призван ограничивать.

Ситуация меняется после включения региона в правовое поле Российской империи. Положение о Туркестанском крае 1886 г. вводит для европейского населения мировых судей и окружные суды. При этом кадийские суды для мусульманских общин сохраняются, но уже под административным надзором российских чиновников. Возникает двойная система. Формально — две модели, фактически ни одна из них не обеспечивает полноценной защиты. Те гарантии, которые закрепили судебные уставы 1864 г. для центральных губерний, здесь либо не действуют, либо реализуются фрагментарно.

Советский период воспроизвел общесоюзную модель. Расследование сосредоточилось в НКВД и прокуратуре, суд участвовал точечно, а судебный контроль, оказавшись внутри системы обвинения, утратил самостоятельное значение.

Рубеж 1990-х гг. резко меняет контекст. Суверенитет, затем гражданская война 1992–1997 гг. — ситуация, в которой вопрос о государственности становится практическим, а не теоретическим. В этих условиях судебная система начинает перестраиваться. Конституция Республики Таджикистан 1994 г. впервые прямо закрепляет принцип независимости судебной власти (ст. 84). Чуть позже, в 1999 г., ратификация Международного пакта о гражданских и политических правах задает еще одно измерение реформ, которое можно обозначить как внешнее. Часть 4 ст. 9 данного документа устанавливает пра-

во задержанного на судебную проверку законности лишения свободы, и это уже не внутренняя норма, а международное обязательство.

И. Т. Махмудов констатирует, что в постсоветский период именно прокурорский надзор оставался системообразующим механизмом обеспечения законности в Таджикистане, тогда как судебная ветвь власти лишь постепенно обретала реальные контрольные функции [8, с. 199–210].

Здесь возникает важное различие. В России переход к судебному контролю во многом был сформирован из внутренних противоречий системы. В Таджикистане реформы развивались при заметном влиянии внешних стандартов и международных институтов. Это не делает их менее значимыми, но меняет характер процесса. Когда импульс приходит извне, всегда остается риск, который выражается в том, что норма будет принята, а практика сохранится прежней.

УПК Республики Таджикистан (далее — РТ) 2009 г. фиксирует новую модель уже в развернутом виде. Заключение под стражу возможно только по решению суда (ст. 111 УПК РТ). Срок задержания без судебного контроля ограничен 72 часами. Обыск в жилище, прослушивание переговоров осуществляются только при наличии судебной санкции (ст. ст. 190–196 УПК РТ). По своей конструкции эта модель близка к российской, т. е. обе системы развиваются в русле романо-германской правовой традиции. Но между текстом нормы и ее применением остается заметный зазор.

З. Х. Искандаров пишет, что при устойчивом влиянии прокуратуры на досудебной стадии суд во многих случаях действует не как независимый арбитр, а как участник процедурного взаимодействия [9]. Иными словами, формальный переход к судебному контролю не равен его фактическому становлению. Без изменения институциональной культуры норма остается рамкой, которую можно обойти или формально воспроизвести. Б. А. Курбонназаров отмечает, что интенсивность прокурорского участия в досудебном производстве в Таджикистане по-прежнему превышает российский уровень, несмотря на похожесть нормативных конструкций обоих УПК, что прямо свидетельствует о сохраняющейся институциональной инерции [10, с. 251–258].

Показательно, что структурный изъян действующей модели признается и внутри самой системы. Р. Х. Рахимзода, описывая правоохранительную систему Таджикистана, констатирует, что прокуратура одновременно осуществляет надзор за органами расследования и вправе лично принимать к производству расследование любого преступления [11, с. 110–115]. Конструкция, при которой надзирающий и расследующий субъект совпадают в одном лице. По дан-

ном опроса, проведенного Р. Х. Рахимзодой, 70,2 % практикующих сотрудников правоохранительных органов признали подобное совмещение функций недопустимым, а 67,3 % высказались против сохранения следственных подразделений в структуре прокуратуры [12, с. 93–102]. Запрос на институциональное разграничение формируется, таким образом, не только в доктрине, но и обнаруживается внутри самой профессиональной среды, заинтересованной в сохранении прежней конфигурации.

Отсюда и интерес к идее следственного судьи, который обсуждают в таджикской доктрине. А. А. Мухитдинов отмечает, что непосредственной задачей следственного судьи является осуществление исключительно функции оперативного судебного контроля. При этом данные судьи, как он полагает, должны быть полностью освобождены от полномочий по отправлению правосудия в суде любой инстанции [13].

Если сопоставить развитие России и Таджикистана, то вырисовываются устойчивые повторяющиеся тенденции. Первая закономерность проявляется довольно жестко и повторяется из эпохи в эпоху, в частности судебный контроль возникает там, где система начинает «замыкаться на себя», когда орган расследования одновременно проверяет собственные действия [14, с. 130–133]. В Таджикистане значительную роль сыграли внешние ориентиры, а именно, международные стандарты, обязательства, давление правовых моделей извне. Отсюда и практический вывод: реформы, запущенные преимущественно под давлением внешних стандартов, при сохранении прежней институциональной культуры правоприменителей нередко остаются декларативными, о чем свидетельствует опыт, зафиксированный Б. А. Курбонназаровым применительно к таджикской системе досудебного производства [10, с. 251–258].

Вторая закономерность касается разрыва между текстом закона и тем, как он работает в действительности. Формально суд может обладать широкими полномочиями, но это еще ничего не говорит о качестве контроля. Ключевой момент — способность отказать. Не формально, не «для баланса», а по существу, когда представленные материалы не выдерживают проверки. Именно этот критерий, т. е. готовность суда идти против позиции обвинения позволяет отличить действующий судебный контроль от его имитации. На это обращает внимание В. В. Кальницкий, указывая, что отложение судебного заседания с продлением срока задержания было возможно только тогда, когда у суда нет сомнений в допустимости задержания [15, с. 77–83].

А. А. Давлетов также подчеркивает, что анализ норм, регулирующих задержание, в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О полиции», Кодексе Российской Федерации об административ-

ных правонарушениях и УПК РФ свидетельствует о несогласованности этих актов, что порождает неудовлетворительное состояние института этой меры государственного принуждения во всех трех его аспектах [14, с. 130–133]. Таким образом, контроль начинается там, где появляется реальный риск отказа.

В. В. Рудич предполагает, что реформирование не доведено до логического окончания, поэтому необходимо продолжить положительные преобразования, в рамках которых судебный контроль за применением мер пресечения должен стать состязательной судебной процедурой, а роль прокуратуры как надзорного органа должна быть усилена [16, с. 83–89].

А. Д. Назаров рассматривает этот вопрос в плоскости институциональных полномочий и пишет, что баланс судебной, прокурорской и следственной властей является не статичным нормативным состоянием, а динамическим процессом, требующим непрерывной законодательной корректировки, именно судебный контроль выступает в этом балансе независимым рефери [17, с. 50–57].

Ю. С. Митькова и В. В. Синкевич выделяют в качестве системообразующего признака судебного контроля полноту мотивировки судебного акта по существу фактических оснований, указывая, что именно она разграничивает реальный контроль и его процедурную имитацию [18, с. 64–70].

Третья линия связана уже не столько с институтом судебного контроля, сколько с его содержанием. Меняется сам предмет судебного контроля, расширяется зона проверки, усложняются критерии оценки. Вместе с тем этот процесс нельзя считать завершенным. Ни в России, ни в Таджикистане в настоящее время не введена фигура следственного судьи, а значит, по мнению многих ученых-процессуалистов, остается незакрытым вопрос о полном институциональном отделении контроля от расследования. Формально суд участвует, но не всегда в специализированной, «заточенной» под контроль форме.

Если сравнивать две системы напрямую, то различие бросается в глаза, но носит скорее количественный характер. В России процедура распи-

сана детально, а именно УПК РФ предусматривает сложные механизмы санкционирования, апелляционного и кассационного пересмотра, что создает определенный запас устойчивости даже при сбоях на уровне практики. В Таджикистане нормативная база компактнее, а судебная культура формируется в более напряженных условиях, включая последствия постконфликтного периода. Это не разные модели, а разные стадии развития одной и той же континентальной конструкции. Соответственно, и направление движения очевидно выглядит как детализация процедур, усиление профессиональной подготовки судей, расширение возможностей защиты. Без этого норма остается уязвимой.

В заключение отметим, что замена прокурорской модели судебным контролем не выглядит произвольной реформой. Это результат внутреннего развития процесса. Прокурор, включенный в систему обвинения, по самой своей процессуальной природе не способен выполнять роль нейтрального арбитра. Он связан общими со следствием задачами, несет ответственность за результат расследования и потому неизбежно оценивает ходатайства через призму обвинительных интересов. Контроль в такой конструкции превращается во внутриведомственное согласование, на что прямо указывает А. Д. Назаров [17, с. 50–57]. Сопоставление российской и таджикской моделей демонстрирует, что различие траекторий не отменяет общей закономерности. Само по себе закрепление судебного контроля в законе лишь первый шаг. Решающее значение имеет степень фактической независимости суда.

Для Таджикистана ключевая задача выходит за пределы нормотворчества. Вопрос в том, как суд воспринимает собственную роль. Пока он включен в обвинительную вертикаль, контроль остается формальным. Когда суд начинает действовать как самостоятельный орган, способный удерживать баланс между сторонами, появляется и реальный эффект. И здесь решающую роль играет не столько текст закона, сколько профессиональное правосознание, а именно способность судьи видеть границу допустимого вмешательства и проводить ее на практике.

Список источников

1. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. ... д-ра юрид. наук. Тарту, 1991.
2. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческом, феодальном и буржуазном государстве. СПб., 1995.
3. Азаров В. А., Мацак П. К. Институт судебного контроля в истории российского уголовного процесса : лекция. Омск, 1999.
4. Мурашкин И. Ю. Судебный контроль: зарождение и становление в российском уголовном процессе // Российский судья. 2022. № 2.

5. Бозров В. М. Контрольная функция суда // Российская юстиция. 1996. № 11.
6. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2004.
7. Шаназарова Е. В., Савельева О. Е. Судебный контроль на стадии предварительного расследования как гарантия права граждан на судебную защиту в российском уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6.
8. Маҳмудов И. Т. Прокуратура дар шароити эъмори давлати демокративу ҳуқуқбунёд дар Тоҷикистон: да-стовардвдурнамо // Паеми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои ҷамъиятӣ-иқтисодӣ ва ҳуқуқшиносӣ. 2021. № 3-2.
9. Искандаров З. Х. Защита прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: история и современность : монография. Душанбе, 2022.
10. Курбонназаров Б. А. Прокурорский надзор на стадии принятия, регистрации и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях в Российской Федерации и Республике Таджикистан // Государственное управление. 2023. № 2(61).
11. Рахимзода Р. Х. Судебная система, прокуратура, органы национальной безопасности, Министерство юстиции Республики Таджикистан и правоохранительная деятельность государства // Правовое поле современной экономики. 2014. № 10.
12. Рахимзода Р. Х. Ведомственный и судебный контроль за реализацией оперативно-розыскной политики в Республике Таджикистан // Мир политики и социологии. 2015. № 12.
13. Мухитдинов А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. Душанбе, 2015.
14. Давлетов А. А. Проблема нормативного урегулирования задержания лица по подозрению в совершении преступления остается нерешенной // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова (г. Омск, 16 февраля 2024 г.). Омск, 2024.
15. Кальницкий В. В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) // Законодательство и практика. 2014. № 2(33).
16. Рудич В. В. Меры пресечения от прокурора к судебному контролю: что дальше? // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 1.
17. Назаров А. Д. Перспективное развитие уголовно-процессуального механизма устранения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса через баланс судебной, прокурорской и следственной властей // Судебная власть и уголовный процесс. 2024. № 1.
18. Митькова Ю. С., Синкевич В. В. Понятие и значение судебного контроля в современном уголовном процессе России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1(79).

УДК 303.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-340-345

5.7.7. Социальная и политическая философия

Влияние социальных процессов глобализации и регионализации на полицейское сообщество

Снежана Валентиновна Денисенко

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹, ✉ denisenko_s_v@mail.ru

Андрей Анатольевич Морозов

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹, ✉ moroz_may@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Тенденции общественного развития первой четверти XXI в. воздействуют на характер деятельности и социальных связей различных профессиональных групп. Предлагается осмысление социальных процессов, влияющих как на деятельность полиции, так и на ее общие институциональные характеристики. Авторы акцентируют внимание на специфическом сочетании процессов глобализации и регионализации в современных условиях. Они приходят к выводу, что глобализация и регионализация активно влияют на деятельность полиции и создают возможности развития полицейского сообщества.

Ключевые слова: общество, социальный процесс, социальная группа, полиция, глобализация, регионализация

Для цитирования: Денисенко С. В., Морозов А. А. Влияние социальных процессов глобализации и регионализации на полицейское сообщество // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 340–345.

Influence of Social Processes of Globalization and Regionalization on the Police Community

Snezhana V. Denisenko

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy and Political Science¹,

✉ denisenko_s_v@mail.ru

Andrey A. Morozov

Candidate of Science (in History), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy and Political Science¹,

✉ moroz_may@mail.ru

¹ Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Social trends in the first quarter of the 21st century influence the character of activity and social connections of different professional groups. It is proposed to comprehend the social processes affecting both the activities of the police and its general institutional characteristics. The authors focus on a specific combination of globalization and regionalization processes in modern conditions and conclude that globalization and regionalization actively influence police work and create possibilities for developing police community.

Keywords: community, social process, social group, police, globalization, regionalization

Citation: Denisenko S. V., Morozov A. A. Influence of Social Processes of Globalization and Regionalization on the Police Community. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 340–345 (In Russ.).

Многообразные социальные процессы оказывают влияние как на общество в целом, так и на отдельные социальные группы. Они находятся в поле постоянного внимания социальных философов, социологов, политологов и других специалистов. Изучение динамики общественных изменений на институциональном и групповом уровнях позволяет нам объяснять происходящие в обществе изменения, определять их направленность, устанавливать тенденции развития. Демографические, экономические, культурные и государственно-политические процессы формируются с разными скоростями и оказывают воздействие на различные социальные группы.

Профессиональная группа сотрудников полиции в правоохранительной деятельности, государственной службе представлена во всех современных государствах. Полицейская служба — это сложная подсистема, неотделимая от государственной структуры, с закрепленными законом функционалом, социальными гарантиями для сотрудников, стабильным социальным статусом, прочными профессиональными традициями. Вместе с тем все эти характеристики профессиональной группы подвержены изменениям благодаря процессам, происходящим в мире, в российском обществе, в конкретном регионе и в конкретном подразделении.

Экономические, культурные, политические процессы современного общества трансформируют профессиональные задачи и методы правоохранительной деятельности полиции, рожают новые тенденции развития внутри профессиональной группы.

Глобализация и регионализация в современном мире и их влияние на полицейскую деятельность

Социальные процессы многообразны по своей природе и интенсивности. Многообразие исходит из потребностей общества, расширяющихся вместе с осознанной активностью социальных субъектов. Насыщенность социального пространства процессами различной интенсивности, среди которых есть фоновые процессы, присутствующие постоянно, такие как демографические, миграционные процессы, процессы социализации, обмена, стратификации, солидаризации и другие. На этот фон накладываются процессы, свойственные конкретным эпохам и территориям, усиливающие или тормозящие друг друга: становление государственности, демократизации или авторитарности, централизации или децентрализации территорий, обогащения или обеднения населения, интеграции или дифференциации экономической и культурной жизни, цифровизации и многие другие. Государства направляют значительные интеллектуальные и экономические усилия на опережение и сдерживание ряда процессов, к которым относятся: глобализация, милитаризация, индустриализация и урбанизация. Охарактеризовать

все социальные процессы в одном обзоре не представляется возможным, как и дать исчерпывающий анализ их воздействия и возможных последствий. Однако это и не требуется.

Первая половина XXI в. фиксирует ускорение процессов глобализации и политических событий по развитию многополярного мира, постоянной военной агрессии, которые неизбежно сказываются на деятельности полицейских. Модернизация всех сфер жизни на основе научно-технического прогресса, развитие искусственного интеллекта принципиально усложнили техническое оснащение и профессиональную подготовку специалистов по охране общественного порядка. Вызовы профессиональному сообществу полицейских поступают от правонарушителей, социальной силы, менее организованной, но меняющейся очень быстро, что порождает рост профессиональных рисков и ставит перед профессиональным сообществом ряд новых задач. Следует обозначить разнородность социальных процессов, затронувших полицейских.

В России число аттестованных сотрудников приближается к миллиону, они имеют семьи, родственные связи. Это большая по численности группа с присущей ей возрастной и гендерной неоднородностью и высокой степенью влияния на жизнь общества.

Динамическая природа общества постоянно порождает изменения. В обществе одновременно разворачиваются процессы, направленные (линейные и нелинейные) и ненаправленные (случайные, повторяющиеся). Изменения происходят непрерывно, что усложняет понимание их воздействия на людей и их сообщества.

Одним из ключевых процессов современности остается глобализация. Сам факт ее прямого или опосредованного влияния на профессиональную группу сотрудников полиции вряд ли требует специального разбора. В качестве отдельных вопросов могут обсуждаться содержание, интенсивность, результаты такого влияния.

Глобализация как процесс задает направленность и динамику всех социальных институтов современного общества. Однако в настоящее время в социально-философском контексте существенно проблематизированы сами представления о глобализации, ее современном состоянии и перспективах.

Понятие «глобализация» существует в философских и социальных науках более сорока лет, употребляется в разных контекстах, поэтому сколько-нибудь подробный анализ его социально-философского бытования может быть реализован только в отдельном исследовании. Следуя прагматике данной статьи, принимаем относительно новую формулировку Д. В. Трубицына, который под глобализацией понимает «процесс интеграции локальных си-

стем, идущий сначала на основе стихийных торгово-экономических связей и лишь затем — при участии организованных политических и гуманитарных структур. В значительной мере он имеет объективные причины, связанные с относительной общностью потребностей людей и замкнутостью их ареала, и проходит независимо от их воли» [1, с. 58]. Глобализация сочетает в себе в одном случае объективную сторону, определяемую логикой развития человеческих обществ, в другом — личностные устремления отдельных субъектов социальной жизни. Оценка продолжительности и глубины влияния процесса глобализации задается принятием определенной исходной точки этого процесса: от великих географических открытий и складывания колониальной системы (500-летняя перспектива) до интеграционных процессов последней четверти XX столетия (50-летняя перспектива). Вместе с тем важным принципом рассмотрения влияния глобализации на общества и институты выступает ее признание в качестве варианта решения многих общественных проблем, а не как собственно проблемы. Расширяя этический, аксиологический, праксеологический горизонты для современного человека, глобализация не только порождает проблемы, но и предоставляет выбор их решений.

Проявлением глобализации стала пандемия COVID-19 в 2020–2022 гг. и, главным образом, реакция на нее во всем мире. Массовые протесты в странах Европы против ограничительных мер в условиях пандемии указали на глобальное сужение возможностей гражданского общества, свертывание общественных программ, сокращение штатов, потери источников финансирования и многие другие проблемы. Изучение и осмысление процессов, отразившихся в политике, гражданском обществе, образовании и религии, представлено в коллективной монографии института Европы РАН [2].

Оперативное реагирование правительств на пандемическую угрозу коснулось внешней и внутренней политики всех стран. Российское государство предприняло ряд эффективных действий по сдерживанию угроз жизни гражданам России. В отношении сотрудников полиции в этот период наблюдалось значительное увеличение динамики профессиональной деятельности, был расширен круг оперативно-служебных задач, предприняты меры индивидуальной и социально-психологической помощи. Изучение особенностей служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в период пандемии было проведено В. А. Лукиной [3]. Автором выявлены процессы усложнения профессиональной служебной деятельности за счет выполнения дополнительных задач по контролю за соблюдением мер эпидемиологического контроля, было

выражено нарастание реальных угроз для жизни и здоровья полицейских в связи с распространением коронавируса. Сотрудники полиции воздействовали на разные категории граждан, в ответ сами подверглись провокациям, неправомерному применению физической силы, угрозам, насмешкам, замечаниям и др.

Во время пандемии у сотрудников полиции были выявлены психологические проблемы, связанные с ухудшением отношений с людьми, злоупотреблением никотином и кофе, нарушением сна, повышенной утомляемостью и раздражительностью, возникновением желания переменить род занятий. В целях компенсации негативных изменений психических качеств к сотрудникам полиции в служебных коллективах были применены эффективные технологии нейтрализации, снижения и профилактики негативных психических состояний. Специальные психологические рекомендации предупреждали о развитии отсроченных негативных психических состояний, так называемых посттравматических стрессовых расстройств. Спустя три года можно констатировать завершение процессов, спровоцированных COVID-19.

Некоторые авторы выявляют латентные вызовы, которые были порождены COVID-19. Среди них отмечается неоксенофобия, увеличение «мусорного» контента, порождающего сомнительные практики [4, с. 59–60]. Это неизбежно ставит новые задачи полицейским во всем мире, что увеличивает потребность международной профессиональной интеграции, создающей возможность взаимодействия и обмена опытом при решении конкретных проблем.

Отдельный интерес в контексте изучения эффектов глобализации представляет феномен сетевой социальности, исследованиям которой посвящены отдельные работы [5].

Существенным образом глобализация проявляется в этической сфере. Моральные процессы направлены сегодня на обозначение путей дальнейшего обоснования общечеловеческого смысла включения человека из безличного и абстрактного набора средств поведения. Человек достоин особого к нему обращения — человеческого. В качестве общей новой моральной платформы выбраны тезисы приверженности культуре ненасилия, солидарности, справедливого экономического порядка, толерантности и правдивости, партнерства между мужчинами и женщинами. Если конкретизировать именно моральные процессы, развивающиеся в глобальном обществе, то следует сказать о «схватывании новых ценностей», изученных в XX в. М. Шелером, Т. Парсонсом, Н. Гартманом, Г. Йонасом и др. Их выводы позволяют осознать глобальный этос как постоянные «схватывания новых ценностей» (Н. Гартман),

легитимность и обязательность в составе морального стандарта (Т. Парсонс), рефлексию социальных потребностей, связанных с появлением новых социальных проблем (Г. Ионас). Ранее проводились исследования процесса развития глобального этоса и выявлено, что процесс поиска формы глобального этоса связан с межрелигиозным диалогом и профессиональной моралью [6].

В эпоху «зрелой» глобализации особой реакцией на нее стал процесс регионализации. Сочетание этих социальных процессов оказывает мощнейшее влияние на все социальные общности, при этом регионализация может компенсировать негативные результаты глобализации, сдерживать унификацию культурного пространства, создать более благоприятные условия для улучшения качества жизни населения без утраты культурного наследия конкретных территорий.

В современном мире подобный опыт регионализации в условиях глобализма представляет обращение к традиционным ценностям в России, Индии и Китае. Отмечается, что произошел смысловой сдвиг в употреблении самого термина «модернизация» [7]. Именно признание необходимости модернизации как следования от традиционного к модернистскому обществу западного типа в качестве условия успешного развития общества и являлось краеугольным камнем обоснования глобализма под эгидой «западного мира», что порождало культурную и ценностную экспансию. Соответственно, обращение к традиционным ценностям в России, Индии и Китае стало ответом на эту экспансию. Отказ от «ученичества у Запада» вовсе не означает отказа от модерности как таковой, от полноценного использования тех преимуществ, которые давала глобализация на предшествующем этапе.

В социальных науках сложились теории множественной модернизации, что в свою очередь позволяет обосновывать тезис о возможности множественных глобализаций [8, р. 20]. Появление новых центров экономического роста, политического влияния, культурных импульсов вносит в мировые процессы большую вариативность и создает разные перспективы дальнейшего развития. При этом значение общих глобальных проблем и необходимость их совместного решения не исчезает и исчезнуть не может.

Регионализация как процесс обретения территориальной идентичности оказывает влияние на профессиональную служебную деятельность полиции. Первая четверть XXI в. демонстрирует повышенный интерес к процессам формирования регио-

нальной идентичности населения во всех регионах России (Кавказ, Ставрополье, Приморье, Карелия, Балтийский регион и др.). Опубликованы результаты многолетних научных исследований этносоциологов и этнографов М. А. Жигуновой, А. В. Ремнева, Н. В. Суворовой по формирующейся сибирской культурной идентичности как ведущей идентичности для территории нашей страны за Уралом. Ученые утверждают, что региональность (в данном случае — сибирскость) выступает мостом к укреплению общегражданской российской идентичности [9]. В культурном пространстве современной России сибирская идентичность лидирует среди активно развивающихся региональных проявлений идентичности [10, с. 38].

Местный солидаризм на основе пространственного и экономического положения региона помогает самоидентификации личности. В этом следовало бы признать позитивный результат регионализации. Поддержка своих земляков за пределами региона или выпускников одного образовательного учреждения в карьерном росте — распространенная практика социальной активности, особенно в условиях удаленности от родины, необходимости адаптации к новым условиям ограниченности ресурсов. На этом держатся создаваемые общественные организации, национальные диаспоры за рамками национальных территорий. Наряду с поддержкой и единением землячества имеет негативное профессиональное влияние, оно признается в государственной службе формой конфликта интересов. Профессионально-этический стандарт поведения сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, официально закрепленный в Кодексе профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации*, с 2008 г. по 2013 г. признавал землячество наряду с кумовством, фаворитизмом, видом коррупционно опасного поведения руководителя в системе органов внутренних дел. И несмотря на то что названный кодекс сегодня не действует, негативные проявления землячества не теряют своего значения.

Региональные особенности социальных отношений могут приводить к специфическим правонарушениям, спровоцированным миграцией, в северных районах России с высокой долей приезжего некоренного населения. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе велика пропорция и активность национальных диаспор, которые демонстрируют ценности жизни традиционного поведения. Для региона коренного проживания, например, Кавказа, это имеет продолжение в форме правонарушений, которые составляют объект оперативно-розыскной

* Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельности в этом регионе, они же попадают в обзоры и создают криминологическую характеристику региона. На общем фоне выделяются преступления экстремистской, национальной и религиозной направленности. Они требуют постоянных усилий по профилактике и мониторингу этноконфессиональной ситуации региона.

При установлении соотношения между процессами глобализации и регионализации продуктивным оказывается положение о том, что «регионализация представляет собой инструмент сохранения региональной идентичности в условиях глобализации» [11, с. 93]. Она в определенной степени может выступать одной из функций переформируемой глобализации.

Таким образом, процессы глобализации и регионализации формируют социальную ситуацию в стране и регионе, определяя профиль полицейской деятельности. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что процессы регионализации, в том числе с утверждением традиционных ценностей и укреплением государственности, вовсе не отрицают глобализации. Современные исследователи часто сходятся в том, что «постглобальный мир не является ни „откатом“ к тому, что существовало до глобализации, ни отменой глобализации как таковой. Деглобализация в каком-либо строгом смысле невозможна» [12, р. 10]. На уровне правоохранительной деятельности процессы дезинтеграции приведут к неизбежному ослаблению полицейских сообществ отдельных стран, сделают преступность сильнее и менее уязвимой. Объективная потребность в консолидированной борьбе с преступностью, в частности с ее наиболее тяжелыми формами (терроризм, торговля оружием, наркотики и т. д.), делает перспективу дезинтеграции неразумной и практически вредной.

В заключение сделаем вывод о том, что социальные процессы активно влияют на деятельность полиции — большой социальной группы, имеющей возрастную и гендерную неоднородность и высокую степень влияния на жизнь общества. Функциони-

рование профессиональной группы подвержено процессам, происходящим в мире, в российском обществе, в конкретном регионе. Случившееся в первой четверти XXI в. ускорение процессов глобализации и регионализации, которые происходят в мире и в стране, неизбежно сказывается на деятельности полицейских. Полицейская служба восприимчива к этноконфессиональным процессам, геополитической и миграционной ситуациям.

Продолжающаяся глобализация поддерживает установки полицейского сообщества на открытость и взаимодействие.

Установка открытости отражает один из основных трендов глобализации как в западноцентричном варианте, так и в варианте полицентрической глобализации. Что касается полицейского сообщества, то глобализация реализуется на разных уровнях его существования: государственном и международном. На государственном уровне она воплощается в принципе деятельности полиции, закрепленном законодательно. Даже в том случае, когда принцип открытости реализуется формально, через предоставление отчетов и создание общественных советов при управлениях, он всегда оставляет возможность расширения взаимодействия и взаимного доверия общества и полицейского сообщества. На международном уровне происходит взаимное обогащение национальных полицейских сообществ средствами, методами, навыками борьбы с преступностью и обеспечения общественного порядка.

Регионализация не в меньшей степени влияет на полицейское сообщество. Оно создает представление о специфике институциональной деятельности исходя из локальных особенностей. Общие принципы, сформировавшиеся на глобальном и государственном уровнях, получают воплощение на региональной почве. Происходит существенная корректировка установок полицейского сообщества, которая предполагает признание того, что применение универсальных принципов возможно, но только с учетом особенностей социальной реальности конкретного общества.

Список источников

1. Трубицын Д. В. Глобализация, модернизация и национальная идентичность: позитивный синтез данных о динамике макросистем // Вопросы философии. 2025. № 7.
2. Общество и политика в «эру COVID-19»: кол. монография / Е. В. Ананьева, Е. В. Водопьянова, Б. П. Гуселетов и др. ; под отв. ред. В. Я. Швейцера. М., 2022.
3. Лукина В. А. Особенности служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы в период пандемии // Мир науки. Педагогика и психология, 2021. Т. 9, № 2.
4. Кравченко С. А., Ракова К. В. Востребованность глобо-локального устойчивого развития: амбивалентности новейших уязвимостей // Вопросы философии. 2022. № 8.
5. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 4.

6. Денисенко С. В. Глобальное общество в поиске глобального этоса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91).
7. Клунт М. А. Обращение к традиционным ценностям в России, Индии и Китае: компаративный анализ // Социологические исследования. 2025. № 7.
8. Maslovskiy M. Non-Western Modernities and Alternative Globalizations: Sociological Perspectives // Russian sociological review. 2025. Vol. 24, No. 4.
9. Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2(12).
10. Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018.
11. Третьякова А. И. Особенности функционирования культуры под воздействием регионализации в условиях глобализации // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Философские науки. 2023. № 4(48).
12. Filippov A. F., Turchik A. The World after Globalization: Old Empires, New Networks, and the Dynamics of Value Commitments // Russian sociological review. 2025. Vol. 24. No. 4.

УДК 101.8:321.1:349.6

doi: 10.24412/1999-625X-2026-3102-346-353

5.7.7. Социальная и политическая философия

Эволюция идейных представлений и государственной политики этнонационализма в постсоветской Латвии

Евгений Витальевич Килимник

доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии естествознания,
профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург, Россия)

Целью предложенного исследования стал политико-философский анализ постсоветских идейных взглядов и государственной политики этнонационализма в Латвии в 1991–2000-х гг. Теоретико-методической основой работы выступает исследование публицистики и общественных взглядов представителей латышской этнонационалистической партии «TB/LNNK» в 1991–2000-х гг. Задача исследования заключается в определении особенностей государственной политики, основанной на этнонационализме, и ее эволюции в 1991–2000-х гг. в Латвии. Установлено, что в этот период идейно-политическая основа постсоветской Латвии, как и в предвоенные годы периода президентства Карлиса Улманиса, приобрела четко выраженный этнонационалистический, дискриминационный характер, определяемый, как и в годы правления Улманиса, государственной концепцией «Латвия для латышей», «одна земля — один этнический народ», «один язык». Подобная государственная политика строительства моноэтнического государства с искусственным выдавливанием в первую очередь русскоязычного населения с территории республики под воздействием внешних и внутренних факторов стала постепенно эволюционировать в 2000-х гг. в сторону новых идейных представлений, заключающихся в строительстве уже государственного патерналистского национализма с его идеей «политика государства в интересах всех граждан», что замедлило отток части русскоязычного населения из страны.

Ключевые слова: этнонационализм, идейные представления, государство, политика, эволюция, патернализм, русскоязычное население, партия «TB/LNNK», сейм, Латвия

Для цитирования: Килимник Е. В. Эволюция идейных представлений и государственной политики этнонационализма в постсоветской Латвии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 3(102). С. 346–353.

Evolution of Ideological Views and State Policy of Ethnonationalism in Post-Soviet Latvia

Evgeny V. Kilimnik

Doctor of Science (in Art Criticism), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Professor at the chair of Philosophy, Psychology and Humanities¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Yekaterinburg, Russia)

The aim of the research is to make a political philosophical analysis of post-Soviet ideological views and national policy of ethnonationalism in Latvia from 1991 to the 2000s. The theoretical and methodical basis for the work includes the study of political essays and social visions of the representatives of Latvian ethnonationalist party "TB/LNNK" from 1991 to the 2000s. The task of the study is to define the peculiarities of the national policy based on ethnonationalism and its evolution from 1991 to the 2000s in Latvia. It is established that during this period the ideological and political basis of post-Soviet Latvia, as in the pre-war years of the presidency of Kārlis Ulmanis, acquired a clearly pronounced ethno-nationalist, discriminatory character, defined, as in the years of Ulmanis's reign, by the state concept "Latvia for Latvians," "one land — one ethnic people," "one language". Such a state policy of building a mono-ethnic state with artificial ousting primarily of the Russian-speaking population from the territory of the Republic under the influence of external and internal factors began to gradually evolve in the 2000s towards new ideological views, consisting of the construction of the state paternalistic nationalism with its idea of "state policy in the interests of all citizens," which slowed down the outflow of part of the Russian-speaking population from the country.

Keywords: ethnonationalism, ideological views, state, policy, evolution, paternalism, Russian-speaking population, party "TB/LNNK", the Saeima, Latvia

Citation: Kilimnik E. V. Evolution of Ideological Views and State Policy of Ethnonationalism in Post-Soviet Latvia. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 3(102). Pp. 346–353 (In Russ.).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения развития идеологии латышского этнонационализма в постсоветское время, оказывавшего прямое влияние на государственную политику руководства республики, на девальвацию гражданских прав и свобод некоренных русскоговорящих жителей Латвии, объявленных «оккупантами». Эта государственная политика получила свое развитие после выхода страны из состава Советского Союза в 1991 г. В итоге только в 1998–2018 гг. из Латвии в Российскую Федерацию эмигрировало более 27 тысяч граждан¹. Эта тенденция сохранилась и в последующий период вплоть до настоящего времени.

Формирование идейных принципов и осуществление политики этнонационализма в постсоветской Латвии

В предложенной работе отношения между национализмом и этатизмом исследуются на примере постсоветской Латвийской Республики. Политические идеи этатизма играли многоаспектную роль в латышском неонационализме, начиная с обретения республикой своей независимости после распада Советского Союза, когда эта политическая идеология приобрела ведущие черты в государственной политике Латвии по отношению к некоренным национальностям. Это наблюдается и сегодня. Важно отметить, что национализм рассматривается здесь как интеллектуальное, политическое и риторическое явление. Философия и политика — продукт местной, преимущественно национальной интеллигенции и авторитетных политических деятелей (особенно это прослеживается в Восточной Европе), которые формируют влиятельное идейное пространство в социумах своих республик и соответствующую практику по отношению к представителям нетитульного этноса.

Как при нацистской оккупации во время Второй мировой войны, так и при Советской власти после военных событий государственный элемент латышского этнонационализма пришел в упадок. Понятие «сильное национальное государство» оказалось не только недостижимым, но и противоречащим сути нового латышского советского гражданства, которая определялась как противоположность государственным режимам с недемократической, не советской идейной основой.

Латышская этничность рассматривалась как культурное и духовное достижение, существовавшее в национальной литературе, искусстве, музыке, фольклоре и мифологии, и не могла быть создана, по мнению латышских этнонационалистов, советскими государственными учреждениями. В итоге существующий местный национализм проявил в своей духовно-идеологической основе антигосударственные этнические черты (антигосударственный этнический национализм). Он изменился, когда латыши столкнулись с новыми политическими возможностями в конце 1980-х — начале 1990-х гг., предоставленными им перестройкой М. Горбачева.

В этот период идея национальной государственности оказалась жизнеспособной, и национальный этатизм построения не зависимо от СССР государства был вновь пробужден к политической жизни. Важно, однако, то, что концепция нового государства (как в начале 1920-х гг.) должна была совместить такие противоречивые потребности, как создание всеобщего демократического общества, установление свободной рыночной экономики, а также определить (по мнению местных неонационалистов) политику по защите латышской этнической идентичности. Кроме того, с обретением независимости латвийские националистические интересы стали преобладать и в законодательстве о гражданстве, государственном языке, национальных меньшинствах. Образовательная, экономическая, политическая, культурная и социальная государственная этнополитика делала акцент на том, что новое государство служит и защищает только этнических латышей. В итоге латышский этнонационализм идейно продвигал в обществе взгляд на государство как на орудие только титульной нации. Следовательно, государству было позволено регулировать и контролировать жизнь людей, пока это соответствовало тому, что, по мнению латышских националистов, приносило пользу исключительно латышскому этносу, например, политически, социально и культурно. Таким образом, этнический национализм (как государственный национализм) по отношению к остальным проживающим национальностям (русские, евреи, поляки) стал господствующим в Латвии в качестве государственной идеологии вплоть до 1998 г.

Таким образом, постсоветские республики Северо-Восточной Европы после распада Советско-

¹ За 20 лет из Латвии в Россию уехал «целый город». URL: <https://regnum.ru/news/2654970?ysclid=mughgbfyb4256331924> (дата обращения: 14.05.2026).

го Союза стали драматичным местом лишения прав и свобод своих этнически граждан. Проводимый анализ (на примере Латвии) рассматривает эволюцию националистических идейных воззрений, зародившихся во времена 30–40-х гг. XX столетия (построение моноэтнического государства, включая физическое истребление всех не латышей), что позволяет объяснить противоречивую, эволюционирующую природу латышского этнонационализма, постепенно трансформировавшегося под влиянием внешних и внутренних факторов к идее «государство для всех граждан».

В результате после обретения независимости в Латвии (как и в 30-е гг. XX в.) происходит возрождение государственной националистической политики в отношении русскоговорящего этнического меньшинства, которая уже в конце 1980-х гг. действовала в виде своеобразной «освободительной» и идейной силы и мобилизовала разочарованных в социалистической системе латышских советских граждан под призывом «к этническому возрождению и самоутверждению малых народов». Однако, став инструментом национального строительства, латышский национализм породил такие пресловутые постсоветские правовые политические инструменты, как Закон «О гражданстве» 1991 г., сразу лишивший избирательных прав около трети жителей республики на том основании, что они не были прямыми потомками Первой республики (1921–1940 гг.), а являлись своеобразным свидетельством советской «оккупации». Благодаря подобной государственной политике по ущемлению прав всех не латышей латвийский национализм приобрел известность как классический пример так называемого этнического национализма, где усилия по защите культурной уникальности русскоязычного населения республики породили антидемократическую политику на государственном уровне (например, дискриминирующий Закон «О гражданстве»). На основании этого можно сделать вывод, что радикальный этнонационализм не только сохранился в Латвии, но и войдя вместе с республикой в Европейский Союз, укрепился, представляя в итоге националистические идейные принципы и политику государства в 1990-х — начале 2000-х гг. в отношении некоренных граждан.

Следует отметить, что в начале постсоветского этапа формирования национальной идентичности в Латвии наибольшее внимание в обществе привлекали этнические проблемы. Однако, по мнению латышских исследователей, с 2002 г. можно увидеть уже под давлением обстоятельств «определенный поиск инклюзивной национальной идентичности, которая могла бы способствовать сплочению всего латышского общества через классовые и этниче-

ские границы» [1, с. 101–110]. На основании анализа эволюции государственной политики, изначально направленной на уменьшение прав нелатышей, можно предполагать, что движение к инклюзивной идентичности имело некоторые специфические характеристики, а именно, усиление акцента уже на самом государстве, а не на этнических особенностях титульной нации. Под влиянием острой критики о нарушении гражданских прав и дискриминации русскоязычного населения (например, в образовательной, медицинской, банковской, культурной, политической сферах, а также политики увольнений и выселений) латышский государственный национализм постепенно, особенно в течение первых 15 лет, испытывая постоянное политическое давление со стороны МИД России, а также политико-экономических мер Правительства и Президента Российской Федерации (строительство новых портовых сооружений на территории России и отказ от латышского транзита российских товаров и, соответственно, финансовых отчислений в бюджет Латвии) был вынужден эволюционировать. Помимо этого, на изменение политики государственных структур Латвии повлияли критика со стороны руководства Евросоюза о нарушении прав нетитульных граждан и опасение снижения объемов кредитования республики в результате сохранения прежней политики дискриминации. Под воздействием этих факторов государственная политика, изначально представленная пропагандой этнонационалистических ценностей («Латвия для латышей», «В республике может быть только один государственный язык», создание государственной политикой искусственных условий для отъезда русскоговорящих граждан из Латвии, отношение к не латышам как к гражданам второго сорта, этнокультурно стоящим ниже представителей титульной нации), начала меняться к 2006 г. в сторону признания полиэтнического значения всей нации (включая русскоговорящих жителей республики) и укрепления веры в сильное государство и его способность контролировать и влиять на столько аспектов общественной жизни, насколько позволяют его правовые возможности, и обеспечивать благополучие всех своих граждан без исключения (в том числе и не латышей). Другими словами, новый этап, начавшийся после 2006 г. в определении латышской идентичности, но и сохраняющийся еще при этом этнонационализм, хоть и в меньших масштабах, демонстрировал уже растущее значение этатизма в мировоззрении общества. Он пришел на смену прежней государственной узкоэтнонационалистической политики и ее идейной составляющей, направленной на искусственное выдавливание из страны русскоговорящих граждан и построение однопроектного моноэтнического государства.

Подобная государственная философия была особенно сильна после распада Советского Союза, когда центрально-, и восточноевропейские националисты выражали политическую идею о том, что каждая нация должна иметь только свое «чистое этническое» государство, чтобы освободиться и создать, по их мнению, оптимальное демократическое гражданское общество, которое может быть сформировано исключительно представителями титульной нации.

В то же время можно обнаружить и наличие антиобъединительных настроений в восточноевропейских странах, особенно находящихся под влиянием различных этнонационалистических традиций и представлений о прошлом (например, нежелание стран Прибалтики быть в составе СНГ, но при этом стремящихся получать максимальные преференции от транзита российских товаров и углеводородов через свои территории). В результате на протяжении первого этапа истории постсоветской Латвии (до 2006 г.) появление единого гражданского общества оставалось практически невозможным. Даже сегодня взаимосвязи между этничностью, государством и всей нацией продолжают оставаться сложными, поскольку новые постсоветские государства сталкиваются с экономическими проблемами, связанными со вступлением в Европейский Союз (выделение торговых квот на местную продукцию, предназначенную для рынков Европейского Союза) и вхождением в другие транснациональные организации (СНГ, ЕВРАЗЭС), что накладывает отпечаток на проводимую правительствами внутреннюю политику с выделением средств, которые могут быть ограниченными.

Эволюция политики этнонационализма в Латвии в конце 90-х гг. XX в. на фоне выборов в сейм (парламент) как отражение изменений взглядов в обществе

Основные наиболее сильные идейно-политические разногласия, существовавшие вплоть до 1998 г. в республике, оставались сосредоточенными вокруг вопросов «укрепления национальной независимости», проблем «деокупации», сложных отношений между этническими латышами и русскоязычным населением, считавшимся на государственном уровне «оккупантом», акцентированием государственного внимания в проводимой политике на доминировании латышского государственного языка, новом «пролатышском» законодательстве, снижением возможности получения образования на языке русскоязычного меньшинства, а также проблематичности получения прав на обретение полноценного гражданства для всех этнических не латышей.

В результате этнический национализм с его часто радикальными установками в отношении рус-

скоязычного населения стал решающим элементом господствующей политики в стране с 1991 г. вплоть до выборов в сейм в 2006 г. На них этнонационалистические политико-правовые и культурные взгляды представляла латышская националистическая партия «За Отечество и свободу» («ТВ»), выступавшая против пророссийской левоцентристской, интернационалистской парламентской партии «Народного согласия» («TSP»). «ТВ» поддержала принятие жесткого нормативного законодательства в определении гражданства, исходя из происхождения родителей («сангуинское» право), и жесткие законы о государственном языке, направленные против русскоязычного населения. Ряд идейных представителей «ТВ» даже считали необходимым ввести политику «добровольной депортации» русскоязычного населения в Россию. Их главные оппоненты из «TSP» требовали немедленного гражданства абсолютно для всех жителей республики, принятия двух государственных языков и сохранения повсеместного русскоязычного образования.

Важно отметить, что обе политические партии и их позиции воспринимали государство как инструмент защиты своих особых этнических интересов. А так как «ТВ» участвовала в коалиционных правительствах, то пророссийские сторонники «TSP» постоянно оставались в оппозиции. В итоге законодательные решения были приняты как государственная политика Латвии, направленная на укрепление политико-правовых позиций исключительно для этнического латышского населения и ограничение русскоязычного гражданства.

Первые изменения в этой политической системе государственного этнонационализма по отношению к русскоязычным гражданам страны первоначально внесла неоллиберальная «Народная партия» («ТР») в 1998 г. Она сформулировала новое политическое видение, согласно которому этнические ценности и интересы считались второстепенными по отношению к интересам государства. В результате «ТР» нивелировала правовые представления в преимущественно чисто этническом понимании латышской государственности для проживающего населения. Это преуменьшило политическое значение бывшей правовой лояльности на государственном уровне исключительно к этническому происхождению, которая ранее воспринималась только для одного лишь латышского населения, и вместо этого подчеркнуло необходимость в развитии неоллиберальных и более универсальных ценностей в государственной политике, таких как семья, мораль и государство. Новая партия выразила мнение о важности создания нравственной и упорядоченной политической и экономической среды, в которой государство несло уже обязанности по отношению к любой семье и лично-

сти в Республике. Например, «ТР» заявила в своей программе, что «государство обязано гарантировать права детей, родителей, бабушек, дедушек и самой семьи» [2, с. 109–131]. В этой программе упоминается «латышская идентичность» только один раз, для того чтобы отметить, что государство будет сохранять и использовать латышскую этническую идентичность для укрепления собственного положения среди других стран мира.

В результате выявляется эволюция общественных представлений, демонстрирующих начало смены государственного политического курса с «Латвия для латышей», «Государство — это только гарант прав национального этноса» в сторону построения гражданского общества. Латвийская «ТР» уже не рассматривала этническую принадлежность граждан как основу латышской государственности и исключительных прав для титульного этноса. Эта партия также не считала, что главная миссия государства состоит в защите только этничности. Вместо этого «ТР» отдавала предпочтение другим формам политической деятельности. Самое главное, что эта позиция способствовала новому взгляду на государство, которое должно существовать и действовать для обеспечения благосостояния всех граждан без исключения и традиционной семьи. В итоге на выборах в латышский сейм в 1998 г. победила «Народная партия», набравшая 21,19 % голосов. Несмотря на это, в 1998–2019 гг. присутствие этнонационалистов в политике и руководстве страны и их идейные ценности («Латвия для латышей») оставались еще достаточно сильными в латышском обществе, что подтверждает число последующих русскоязычных иммигрантов из республики (например, в 2009–2019 гг. более 300 тысяч русскоговорящих выехали из Латвии в страны Евросоюза и Российскую Федерацию)².

Анализ избирательных кампаний (1995 г. и 1998 г.) показывает, что латышские этнонационалисты и русскоязычные сторонники равенства и гражданских прав для всех набрали больше голосов избирателей по сравнению с выборами 1995 г. Так, в 1998 г. «ТВ» получила 14,65 % по сравнению с 11,9 %, «TSP» — 14,12 % по сравнению с 5,5 %. В этих условиях латышские этнонационалисты и русскоязычные защитники равенства политико-экономических прав продолжали пропагандировать идею о том, что государство является инструментом этнической защиты (что обе противоположные стороны сближало во взглядах на их видение роли государства), но вкладывая при этом уже свое по-

нимание в проводимую государственную политику, которая должна быть равноправна для всех граждан. В 1998 г. «ТВ» объединилась с другим националистическим движением под названием «Движение за национальную независимость Латвии», вместе они образовали союз «ТВ/LNNK». Идейная программа этого этнонационалистического союза начиналась с утверждения, что обе части этой организации являются «национальными консерваторами», той политической силой, которая верит только «в латышскую Латвию»³ [3, с. 3]. Программные идейные установки союза подтвердили поддержку закона о моногосударственном языке и пообещали контролировать иммиграцию, заявив, что в любых выборах могут участвовать только полноправные граждане Латвии из числа титульной нации. «ТВ/LNNK» также заявила о своей приверженности созданию образовательной системы, которая будет обучать этнонациональным ценностям, патриотизму и лояльности государству. Руководство союза открыто заявило, что их политические идеи служат защите и развитию исключительно латышских этнических и культурных традиций.

В этих условиях русскоязычные сторонники равенства прав из «TSP» продолжали требовать, чтобы Латвия трансформировалась в поликультурное цивилизованное государство, где культурное и политическое развитие всех этнических групп гарантировалось бы государством. Намерение сторонников «TSP» состояло в том, чтобы создать общество с многочисленными этническими анклавами, которые будут пользоваться полноправной защитой государства и образуют в итоге единую нацию. Таким образом, их видение политики оставалось практически таким же, как и у латышских националистов. Однако те делали акцент в политике исключительно на этничности и историческом происхождении, которые выражены (по их мнению) сильнее, чем объединяющая сила государства, которое должно проводить только силовое подчинение проэтнической латышской национальной политике всех остальных людей, проживающих в республике.

Парламентские выборы 1998 г. обозначили концепцию, демонстрирующую, что узколатышский этнический национализм (первый тип) постепенно стал эволюционировать в сторону идейного содержания и политики «государственного национализма» или «национально ориентированного государства для всех» (второй тип) сторонников «Народной партии». Новые выборы в 2006 г. показали дальнейшее усиление этой тенденции,

² Уехал каждый пятый: как Латвия теряла жителей. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20200603/Uekhal-rfzdyuy-pyatyy-rfr-Latviya-teryala-zhiteley-s-momenta-vstupleniya-v-Evrosoyuz-13836478?ysclid=mugeylpaoi713057886> (дата обращения: 17.05.2026).

³ Диена. 1998. 23 сент.

когда «TB/LNNK» набрала 6,94 %, получив 8 мест в сейме. При этом пророссийская партия «За права человека в единой Латвии» набрала 6,03 %, а два наиболее выраженных государственно ориентированных политических объединения «Народная партия» и «Новая эра» набрали 19,56 % и 16,38 % соответственно⁴.

Новые выборы депутатов в сейм Латвии 2006 г. показали, что латышские радикальные этнические националисты получили наименьшее количество голосов с момента установления независимости Латвии.

Эти изменения в электоральной политике заслуживают внимания, поскольку более глубокий переход от акцента на этничность к акценту на государственность стал характеризовать новое идейное состояние государственного национализма в Латвии, а также политические настроения в стране и обществе в целом.

«TB/LNNK» продолжала оставаться самой важной националистической силой в стране. Сохраняя верность своим идейным принципам, «TB/LNNK» во время своей предвыборной кампании 2006 г. заявляла, что «всем этническим не латышам необходимо пройти тщательное изучение языка и выполнить различные тесты по истории, чтобы рассчитывать на получение гражданства». Что касается натурализации неграждан, то один из лидеров «TB/LNNK» прямо сказал: «мы должны подать им четкий сигнал. И сигнал должен быть следующим: либо вы становитесь лояльными гражданами Латвии или вообще не становитесь ими»⁵.

Таким образом, представители «TB/LNNK» продолжали рассматривать статус гражданства не как соглашение между государством и личностью, а скорее как договор между этнической латышскостью и любой личностью. Поэтому неудивительно, что «TB/LNNK» также призвала к принятию «Закона о репатриации», поощрявшего иммиграцию всех не латышей. В ответ на опасения, что такая жесткая этнонациональная политика может оказать негативное влияние на и без того сложный, ощущающий нехватку кадров рынок труда, представители «TB/LNNK» язвительно заметили, что их предложение в любом случае будет касаться в основном пожилых людей и пенсионеров, не являющихся этническими латышами⁶. Такой вполне циничный ответ показал, что «Закон о репатриации» задумывался главным образом как политика очищения этнической нации и государства от нежелательного не латышского вли-

яния, прежде всего «русскоговорящих полуграждан». Более того, уже в начале предвыборной кампании 2006 г. лидеры «TB/LNNK» открыто заявили: «Защита интересов латышей — наша самая важная задача»⁷.

В целях практической реализации этой узкоэтнополитической задачи в республике представители «TB/LNNK» предложили пересмотреть законодательство о гражданстве, остановив идущий в стране в этот период процесс натурализации, значительно ограничив этим решением число лиц, имеющих право на гражданство, используя для этого тщательную проверку языковых навыков кандидатов, вводя упрощенную процедуру лишения гражданства, а также оказания «помощи» тем, кто уже был не заинтересован в своем интегрировании в латвийское общество и стремился эмигрировать. Лидеры «TB/LNNK» также настаивали на употреблении только государственного латышского языка как единственного для обучения в школах представителей всех национальных меньшинств. Остальная часть программы была посвящена очень конкретной социальной и экономической политике, которая указывала на то, что центральной идеей этой программы является полное восстановление политического значения и роли в республике исключительно латышской нации.

Очевидно, что в 2006 г. члены «TB/LNNK» по-прежнему были очень обеспокоены этническими проблемами, заявляя, например, что присутствие российских средств массовой информации (особенно кабельного телевидения) представляет угрозу для демократии в Латвии⁸. Кроме того, лидеры «TB/LNNK» выразили резкое несогласие с иммиграцией в Латвию из стран, не входящих в Европейский Союз, вместо этого предложив работодателям платить более высокую заработную плату, чтобы остановить этим потерю собственно латышских специалистов на рынке труда в стране.

Во всех отношениях политическая позиция «TB/LNNK» оставалась верной своей идейной принадлежности этнонационализму, т. е. восприятию государства как инструмента обеспечения национального смысла и этноидеи в политике формирования государства и мононации.

В целом упадок этнического радикального национализма («TB/LNNK») и успех на выборах в сейм сторонников государственной защиты для всех, как, например, «TP» — «Народная партия» (19,68 %)

⁴ На парламентских выборах в Латвии победила «Народная партия». URL: <https://lenta.ru/news/2006/10/08/latvia/?ysclid=mughvfwq4a693565764> (дата обращения: 17.05.2026).

⁵ LPP/LC против TB/LNNK: налоговые дисконтеры против налогоплательщиков // Диена. 2006. 13 окт.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

и «JL» — «Новая эра» (16,48 %), показали, что выборы 2006 г. были изменением не только политического баланса сил, но и идейной трансформации изначально националистического сознания в обществе («Латвия для латышей») в сторону признания прав всех неэтнических граждан Латвии. В результате возникшее в ходе выборов в сейм новое государственное управление, его способность распределять внешние ресурсы (в основном деньги Европейского Союза) и его возможность регулировать социальные и экономические процессы стали постепенно превалировать над этническим протекционизмом, который был ярко выражен в политике постсоветской Латвии. Представления о только моноэтнической государственности стали утрачивать свое значение, эволюционируя к формированию более открытого гражданского общества и государственного понимания прав всех представителей граждан республики.

Интересно, что подобные тенденции были отмечены в неполитических и частных дискурсах. Например, изучение сообщений на популярном веб-форуме Delfi относительно спортсменов из Латвии на Олимпийских играх 2004 г. показало, что как самоидентифицирующие себя латыши, так и русскоязычные граждане активно искали новые способы определения своей «латышности». Их понимание включало уже преуменьшение ценностного восприятия своей врожденной этнической принадлежности и подчеркивало такие критерии, как личные достижения [1, с. 101–110]. Все это указывает на упадок чисто этнического понимания того, кто является латышом, и продемонстрировало некоторые ранние признаки нового понимания национальной принадлежности для всех жителей Латвии. Исследования показывают, что исключительно узкий моноэтнический дискурс построения государства переместился в символическую позицию, что, например, стало звучать в политических речах президента Латвии Вайры Вике-Фрейберги (2006 г.).

Подводя итоги, следует отметить, что этнонационализм 30–40-х гг. XX столетия оказался возрожденным в постсоветских странах, таких как Латвия, с ее первоначальной идеей доминирования исключительно национального этноса и построения на этой основе моногосударства только для граждан латышской национальности. Радикальный этнонационализм 30–40 гг. XX в. с идеями физического истребления неграждан и очищения Латвии «для латышей» сменился на политику выдавливания преимущественно русскоговорящего населения с территории республики. В ходе происходящего внешнеполитического давления со стороны России, руководства Европейского Союза, а также активизации борьбы за гражданские права нетитульного населения Лат-

вии нужно подчеркнуть эволюцию националистических идей («один исторический народ», «один язык», «одна страна») с 1991 г. по 2006 г., когда стал постепенно происходить отход политики государства от выражения интересов исключительно титульного населения и желания построить государство с учетом исключительно этнической принадлежности в сторону формирования нового наднационального государства, которое стало рассматриваться уже как основа, объединяющая все идеи и унаследованные в образовании единой политики создания государственности с учетом интересов всего населения, что становится идейной основой для всех этнических групп республики, в том числе и нетитульных. Важно отметить, что эти ценностные националистические изменения, например в случае с Латвией, были связаны, с одной стороны, с вхождением в Европейский Союз, с его правами человека, а с другой стороны, действовали волны многолетней критики со стороны российского МИД, касающейся дискриминирующей политики латвийских властей по отношению к русскоязычному населению, а также экономический ущерб, наносимый Латвии от снижения российского грузопотока и транзитных отчислений в бюджет республики. Третьей составляющей этого процесса денационализации постсоветской Латвии послужила многолетняя борьба русскоговорящих жителей республики за свои гражданские права. В результате в 2006 г. большинство населения Латвии, включая этнических латышей, заинтересованное в экономической помощи Европейского Союза при условии сохранения прав всех граждан республики, поддержало новую, уже не этнонационалистическую политику государства, и стало считать членство в Европейском Союзе залогом независимого и экономически безопасного будущего страны. Предполагалось, что государство станет равноправным партнером с остальными членами Европейского Союза, будет представлять и отстаивать интересы всех жителей Латвии без исключения с учетом выполнения обязательств и несения ответственности перед Евросоюзом за гражданские права. В результате вступление в Европейский Союз, деятельность российского Правительства, экономические потери, борьба некоренных граждан Латвии за свои гражданские права привели к спаду этнического национализма и росту отечественного этатизма, в котором, в частности, признавались права любой личности (независимо от ее исторических корней) как фундаментальная ценность новой политики Латышского государства.

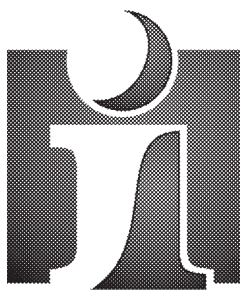
Несмотря на то что после 2006 г. стал виден закат этнического национализма в Латвии, но на его место еще не пришел в полном объеме гражданский государственный национализм — государственный

патернализм для всех жителей республики. Этно-национализм лишь постепенно эволюционирует в республике и становится все более этатистским. Это позволяет учитывать важность постепенной трансформации прежнего чисто этнического национализма и становление нового государственного патернализма, в котором хотят видеть свою защиту абсолютно все граждане республики. Это помогает синтезировать существующие разные идейно-политические взгляды граждан с общей новой политической ситуацией (с 2006 г.). В прошлом подобный

рост этатизма в Латвии завершился авторитарным предвоенным режимом К. Улманиса. Сегодняшняя национальная государственная идея уже не стремится к сильному моноэтническому государству, с его вождем-лидером, но отражает стремление общества к росту политической и экономической стабильности, предсказуемости и возрастанию различных государственных полномочий в отношении ведения справедливой социально-экономической политики по отношению ко всем гражданам республики.

Список источников

1. Крук С. Латыши и жители Латвии: идентичность в публичном и частном дискурсе. Рига, 2004.
2. Заке И. Народная партия Латвии: неолиберализм и новая политика // Журнал коммунистических исследований и переходной политики. 2002. № 18(3).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнару-

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu-

женные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,8 авт. л. (36 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: scientific_bulletin_omamvd@mail.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: 8 3812 30-12-01 (главный редактор Литвинов Артём Валерьевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.8 author's sheet (36,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: scientific_bulletin_omamvd@mail.ru or on electronic device (Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: 8 3812 30-12-01 (chief editor Artyom Valerievich Litvinov).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- управляемый хаос как метод разобщения преступной группировки
- хранение как признак объективной стороны состава незаконного оборота алкогольной продукции (ст. 171³ УК РФ)

Право и государство

- правовой плюрализм: традиции интерпретации
- о цели террористического акта

Философский инструментарий

- кошмары и нормы. Часть I. Блеск и нищета философии права
- влияние процессов урбанизации и цифровизации на формирование и деятельность полицейского сообщества

а также

- защита конституционного права на неприкосновенность личной и семейной тайны в ходе производства по уголовным делам
- квалификация преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ «Диверсия»
- виды негласных действий в уголовном процессе России
- роль ведомственного контроля в обеспечении законности и дисциплины в административной деятельности милиции Республики Таджикистан
- другие материалы

